

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

На правах рукописи

АЛФЕРОВА Юлия Ивановна

**Профессионально маркированные компоненты
языкового сознания, репрезентированные единицами
родного и изучаемого языков**

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание
ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель -
доктор филол. наук,
профессор Бутакова Л.О.

Омск - 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список принятых в работе сокращений.....	3
Введение.....	4
Глава 1. Феномен сознания и модели его составляющих.....	11
1.1. Сознание и языковое сознание: проблема описания.....	11
1.1.1. Языковое сознание в разных лингвистических и психолингвистических парадигмах.....	11
1.1.2. Способы выявления и описания компонентов сознания.....	19
1.2. Структуры языкового сознания профессионалов и непрофессионалов в аспекте их формирования.....	25
1.3. Особенности функционирования языкового сознания в условиях учебного билингвизма.....	32
Выводы.....	40
Глава 2. Ассоциативный эксперимент как средство выявления структур сознания.....	43
2.1. Роль ассоциативного эксперимента в психолингвистике.....	43
2.2. Ассоциации как инструмент анализа языкового сознания.....	49
2.3. Ассоциативное поле как средство анализа структур сознания индивида.....	57
2.4. Значение как когнитивный механизм и достояние сознания индивида: способы экспериментальной реконструкции.....	63
Выводы.....	72
Глава 3. Лингвистическое моделирование когнитивных структур, включающих профессионально маркированные языковые знаки	74
3.1. Дефиниционный анализ когнитивных составляющих языкового сознания: аспект лексикографического описания семантики.....	74
3.2. Смысловые поля концептов «преступление» и «crime»: реконструкция по художественному тексту.....	92
3.3. Модели концептов «преступление» и «crime» по данным ассоциативного эксперимента.....	114
3.4. Сопоставительный анализ моделей концептов, реконструированных на основе анализа разных источников.....	179
Выводы.....	195
Заключение.....	197
Литература.....	203
Приложение 1.....	212
Приложение 2.....	213
Приложение 3.....	218

СПИСОК ПРИНЯТЫХ В РАБОТЕ СОКРАЩЕНИЙ

КСКТ — Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.
Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

ПС — Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова.
2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 440с.

САНРЯ — Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) / Под ред.
А.А. Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1977. 192с.

Введение

Антропоцентрическая направленность исследования находится в русле современной парадигмы лингвистики. В антропоцентрической парадигме язык исследуется только при активном участии человека во всех когнитивных процессах, в том числе в процессах речемыслительной деятельности. Диссертационное исследование посвящено проблемам *взаимосвязи языка и мышления, определения содержания сознания и языкового сознания, выявления специфических компонентов профессионального языкового сознания и языкового сознания формирующихся билингвов* в частности, *ментального лексикона индивида* в целом. Способом и результатом упорядочивания и обработки определенной информации в сознании индивида являются *когнитивные структуры*. Когнитивные структуры (структуры сознания) опосредуют предметный мир в психике человека, на их базе образуются концептуальные структуры, представляющие собой результат обработки информации, встраивания ее в концептуальную систему индивида.

Сложность исследуемых проблем заключается, в частности, в том, что многие исследователи не проводят грань между языковым сознанием как феноменом и как моделью, зачастую объединяя черты того и другого в одном определении. В отечественной лингвистике общепринятым является определение языкового сознания, данное Е.Ф. Тарасовым. Языковое сознание трактуется им как система «образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» (Тарасов 2000). Термин «языковое сознание» акцентирует важнейшую сторону психологического функционирования человека, подчеркивая значение внутренних психологических состояний, сознания субъекта при использовании языка, речи. Термин подчеркивает объединение, слитность главных составляющих речевой деятельности: психологического и языкового элементов.

Следует отметить, что установить границы понятий языкового сознания и профессионального языкового сознания очень сложно. Мы не противопоставляем научное языковое сознание наивному, общеязыковое - профессиональному языковому сознанию. Рассуждая о феномене, нельзя противопоставлять данные понятия, но при создании конструкта мы разводим эти понятия намеренно. Наша задача состоит в том, чтобы реконструировать фрагменты языкового сознания с

выявлением основных вербальных компонентов, присущих модели концепта в общеязыковом сознании и профессиональном языковом сознании.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена рядом факторов:

– вниманием ученых к проблеме взаимосвязи языка и мышления (А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, У. Кинч, В.А. Пищальникова, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, А.Г. Сонин и др.);

– интересом современной психолингвистики к вопросу определения содержания сознания и языкового сознания (А.А. Залевская, В.А. Пищальникова, Е.В. Лукашевич, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин и др.);

– актуализацией проблемы соотношения профессионального языкового и общеязыкового сознания (Е.А.Климов, В.В. Шкатова, Е.В. Харченко и др.);

– изменением взгляда на терминоориентированный языковой знак в духе современного психолингвистического подхода к слову (А.А. Залевская, В.А. Пищальникова, Е.С. Кубрякова и др.);

– важностью установления специфики языкового сознания билингов (А.А. Залевская, И.Н. Горелов, Л. Леше, А.Р. Лурия и др.);

– актуализацией проблемы соотношения компонентов определенного концепта в сознании билингва (Т.А. Фесенко, Е.Ю. Мягкова, Т.Ю. Сазонова, Е.А. Пименов, М.В. Пименова, Т.Г. Пшёнкина, Н.О. Золотова и др.);

– эффективностью применения методик ассоциативных экспериментов при исследовании компонентов языкового сознания (А.А.Леонтьев, А.Н.Леонтьев, А.А. Залевская, Е.И. Горошко, И.Л. Медведева, Э.Е. Каминская, Н.В. Рафикова, Н.В. Уфимцева и др.).

Объект исследования – **языковое сознание** монолингва и билингва, будущего юриста-профессионала и наивного носителя языка.

Предмет исследования – когнитивные структуры, содержащие профессионально маркированные смысловые и языковые компоненты, выявленные на сопоставительном материале, а также особенности их формирования в условиях учебного билингвизма.

Целью исследования является выявление специфики структур, формирующихся в языковом сознании профессионала (будущего юриста) и

непрофессионала в условиях учебного билингвизма, в аспекте их психолингвистического моделирования.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих *задач*:

1) с помощью комплекса лингвистических и психолингвистических методик установить границы понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание»; 2) уточнить понятие «единица языкового сознания»; 3) определить профессионально маркированные и общезыковые компоненты единиц языкового сознания; 4) уточнить разницу объема понятий «языковое сознание монолингва», «языковое сознание искусственного билингва»; 5) определить состав когнитивных структур в отдельной концептуальной области; 6) составить семантические поля каждого из слов-стимулов (репрезентирующих выявленные компоненты концепта) через дефиниционный анализ слов по данным словарей; 7) через сопоставление ассоциативных полей (10 слов-стимулов) определить общие и отличительные признаки когнитивных механизмов, функционирующих в сознании формирующихся билингвов, связывающих области специальных знаний с языковыми знаками родного и иностранного языков; 8) установить виды влияния профессионально маркированных компонентов сознания на структуру языкового сознания в целом и на формирование ассоциативно-вербальных сетей в частности.

Методы исследования: *компонентный анализ* - для определения основных семантических составляющих исследуемой концептуальной области; *анализ компонентов концепта* - при составлении смысловых полей исследуемых концептов, полученных на основе данных художественных текстов; *дефиниционный анализ* - при составлении смысловых полей исследуемых концептов, полученных на основе данных словарных статей и других материалов научного характера; *лингвистическое моделирование* при построении концептов; *ассоциативный эксперимент* - для выявления структур сознания билингвов; *статистический анализ* - для обработки данных экспериментов; *сопоставительный анализ* - для выявления специфики когнитивных структур, характерных для сознания формирующегося билингва, в ситуации с родным языком и с приобретаемым; для выявления специфики структур профессионального языкового и общезыкового сознания.

Материалом для исследования послужили данные статей словарей на английском языке (90 статей из 9 словарей) и на русском языке (80 статей из 8 словарей), тексты художественных произведений детективного жанра на английском языке (12 произведений) и на русском языке (8 произведений), данные ряда ассоциативных экспериментов (5511 реакций на английском языке, 8690 на русском языке).

Научная новизна исследования состоит в том, что:

- намечены пути разграничения понятий «языковое сознание» - «профессиональное языковое сознание»;
- уточнено понятие «единица языкового сознания»;
- определен ряд методик описания когнитивных феноменов, содержащих профессионально маркированные компоненты и выявляющих их отличие от других компонентов сознания;
- установлена разница объема понятий «языковое сознание монолингва» и «языковое сознание искусственного билингва» в определенной концептуальной области;
- впервые проанализирован фрагмент языкового сознания, в центре которого находится одна из базовых правовых категорий - преступление - в аспекте его значимости для языкового сознания будущего юриста-профессионала и наивного носителя родного и изучаемого иностранного языка;
- на основе комплексного подхода к исследованию языкового сознания, реконструирован концепт, относящийся к области права.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении проблем теории языкового сознания, касающихся способов описания данного феномена, разграничения структур, связанных с профессионально ориентированными и общезыковыми единицами. Применение психолингвистических методов исследования в области моделирования профессионально ориентированного фрагмента языкового сознания продвигает вперед решение частных проблем формирования компонентов языкового сознания в естественной и искусственной (учебной) ситуации. Проецирование методик психолингвистического исследования на область описания единиц языкового сознания, стратегий их представления, вносит вклад в методологию реконструкции когнитивных структур разного уровня

«профессионализации» и разграничения статичной и динамичной части языкового сознания.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования материалов исследования в практике преподавания иностранных языков; в лексикографической практике составления ассоциативного и ассоциативно-семантического словарей; для изучения лексикологии и лексики русского и английского языков; теории перевода (особенно профессиональной литературы); для прикладной и общей психолингвистики; для спецкурсов по проблемам языкового сознания.

Положения, выносимые на защиту:

1. Универсальное языковое сознание в исследовательском плане — психолингвистическая модель, построенная по определенным параметрам и воспроизводящая феномен языкового сознания как системы образов сознания различной психической модальности, которые доступны наблюдению и описанию по своим вербальным репрезентантам. Профессиональное языковое сознание — психолингвистическая модель, реконструирующая совокупность основных образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью профессионально ориентированных языковых средств.

2. Профессиональное языковое сознание (модель) отражает профессионально ориентированную часть сознания (феномена), содержащего совокупность когнитивных образований, преломляющих знания, мнения, впечатления, возникающие у индивидов по поводу специфической (профессиональной) области действительности. В формировании феномена участвуют профессионально ориентированные когнитивные структуры, возникающие под влиянием ассоциативных механизмов, связывающих концептуальную область и способы ее вербального означивания с помощью терминоориентированных языковых единиц.

3. Модели концепта, содержащего профессионально маркированные компоненты, реконструированного по разным источникам, содержат разные наборы актуальных смыслов. Выбор актуализируемого смыслового компонента при любой речевой деятельности напрямую зависит от мотива и условий самой деятельности и приводит к тому, что смысловые поля концепта при моделировании

по разным источникам могут иметь вид накладывающихся, пересекающихся смысловых образований с одинаковым ядром и нетождественными периферийными частями.

4. Исследование когнитивных структур, отражающих концепт «преступление», принадлежащего к ядру профессионального сознания будущих офицеров милиции, позволяет с помощью разных методик наблюдать профессионально маркированные компоненты языкового сознания, как в статике, так и в динамике.

5. Когнитивные механизмы, связанные с единицами родного языка и изучаемого языка, по-разному участвуют в процессах формирования структур сознания индивида. В рамках родного языка они обеспечивают одновременно формирование расширенного состава концепта и обширные компонентные наборы актуализирующих его когнитивных признаков. В рамках изучаемого языка они ускоряют работу адаптационных механизмов и способствуют формированию только определенной части концепта.

Гипотезы.

1) Более глубокое «погружение» в курс правовых дисциплин влияет на формирование обширной области сознания профессионалов, связанной со стереотипными структурами. Это приводит к образованию ассоциативных связей в границах концепта, отличающихся по составу в профессиональном языковом сознании и в общеязыковом сознании. Отличие состоит в разном наполнении ядра и периферии.

2) При сопоставлении ассоциативных полей, отражающих структуру ментального лексикона, связанного с иностранным языком, будущих юристов-профессионалов и не-юристов, становится возможным выявление общих тенденций влияния изучаемого языка на образование профессионально ориентированных и универсальных когнитивных структур. Актуализация компонентов когнитивных структур определенной смысловой области на родном и изучаемом языке зависит от стратегии ассоциирования, от специфики смыслового объема самого концепта, от уровня владения языком.

Апробация работы. Основные положения исследования апробированы на международной научной конференции «Язык. Время. Личность» (Омск, 2002),

межрегиональной научно-методической конференции «Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам в школе и в вузе» (Белгород, 2003), научно-методической конференции «Методы, повышающие уровень эффективности обучения курсантов, студентов, слушателей» (Омск, 2003), международной конференции «Этногерменевтика и антропология: языки и культуры в когнитивном аспекте» (Кемерово, 2004), XI международной научно-практической конференции «Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов» (Омск, 2004), конференции «Славянские чтения» (Омск, 2005), конференции «Личностно-ориентированный подход к обучению иностранным языкам» (Омск, 2005). По теме диссертации имеется 8 публикаций, общим объемом 2 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, трех приложений. В диссертационном исследовании представлено более 80 таблиц.

ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ И МОДЕЛИ ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИХ

1.1. Сознание и языковое сознание: проблема описания

1.1.1. Языковое сознание в разных лингвистических и психолингвистических парадигмах

Сложность изучения проблемы сознания заключается в особенностях самого объекта изучения: *«явление, которое есть и которое в то же время нельзя схватить, представить как вещь»* (Мамардашвили 1999, 149). Сознание в рамках феноменологического подхода многогранно, многоуровнево, обладает протяженностью и дискретностью. Исследователями подчеркивается невозможность полного и адекватного анализа сложного психоментального явления изнутри и однозначного очерчивания его границ (Мамардашвили 1997).

Современная философия трактует сознание как нередуцированную рефлексивную категорию, зачастую отождествляя его с осознанием человеческого бытия, окружающей действительности, результатами познания (знанием) или процессом осознания одной связи за другой, перехода от одного явления к другому (Спиркин 1960, Шорохова 1961, Степин 2000, Канке 2000). В процессе разработки теории сознания философы руководствуются принципом детерминизма, категорией мотивации, при этом анализируются социальные явления и процессы психического мышления: отражение, познание, осмысление, образование знания и т.п.

Важную роль для формирования и развития теории сознания сыграли работы В.П. Зинченко. Ученым подробно рассматриваются структура, механизмы и результаты работы сознания. Развивая теорию Н.А. Берштейна, введшего понятие биодинамической ткани движения, *в структуре сознания В.П. Зинченко выделяет три слоя: бытийный, рефлексивный и духовный. Все уровни взаимопроницаемы и находятся в отношениях дополнительной дистрибуции.* Бытийный слой операционально-техничен, основывается на стереотипизации, схематизации и архетипизации. Он образован биодинамической тканью движения и чувственной тканью образа. Биодинамическая ткань, по мнению ученого, является наблюдаемой и рефлекслируемой формой живого движения. Чувственная ткань – строительный материал образа. Она непосредственно не наблюдается, а *диагностируется только экспериментально.* В.П. Зинченко считает, что оба вида ткани тесным образом связаны со значением и смыслом. *Мир идей и понятий соотносится ученым со значением, мир эмоций и ценностей – со смыслом, мир деятельности – с*

биодинамической тканью, мир образов и представлений – с чувственной тканью (Зинченко 1991, 15-36). Третий, духовный уровень, выделяется ученым в более поздних работах, в рамках которых он несколько пересматривает иерархию слоев сознания и вместо рефлексивного уровня выдвигает на первый план духовный уровень, в котором человеческая субъективность «представляет человеческое Я в его разных модификациях и ипостасях» (Зинченко 1997).

Среди основных функций сознания ученый выделяет отражательную, регулятивно-оценочную, креативную и рефлексивную. *При этом исследователем оговаривается, что выделение слоев внутри сознания весьма условно, как и трактовка его «как смысловой и в высшей степени динамической системы»* (Зинченко 1997).

А.Н. Леонтьев соотносит сознание с картиной мира, «сознание - открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния. Сознание человека - это внутреннее движение его образующих, субстанцией сознания является деятельность человека» (Леонтьев 1977, 125). В характеристике феномена сознания А.Н. Леонтьев подчеркивает его **системность** (феномен!) и описывает его психологическую структуру, включающую (модель!) **значения, личностный смысл и чувственную** ткань. Чувственная ткань придает реальность сознательной картине мира. Тейяр де Шарден (Тейяр де Шарден 1955) наделяет сознание такими качествами, как *способность мыслить, творить, производить ментальные операции абстрагирования, обобщения и осуществлять рефлексии*. Итак, с сознанием связываются *высшие формы психического функционирования*.

Л.С. Выготский говорит о целостном, системном, смысловом строении сознания, подчеркивая единство его процессов и содержаний, явлений и функций (Выготский 1999).

Согласно С.Л. Рубинштейну, сознание - это психическая деятельность, состоящая в рефлексии мира и самого себя. «Единицей» сознательного действия является целостный акт *отражения объекта субъектом*, включающий единство двух противоположных компонентов: знания и отношения (Рубинштейн 1958).

Итак, психологи указывают на то, что сознание является функциональным феноменом.

Неразграничение модели и феномена ведет к неоднозначности понимания структуры сознания.

В своей работе мы придерживаемся взглядов психолингвистов и когнитивистов на особенности структуры и функционирования сознания.

Современная когнитивная психология обогатила понятие «сознание» представлением о *репрезентативных структурах*, особенностях организации мнемических процессов, переработке и хранении информации (Современная психология 1998). По данным нейрофизиологии, интегративная деятельность мозга строится на иерархической зависимости и разных типах взаимодействий между системами различных уровней. Согласно нейропсихологической структурно-функциональной модели мозга А.Р. Лурии, один из трех основных его функциональных блоков - блок получения, переработки и хранения информации о внешнем мире - принимает и комбинирует зрительную, слуховую, тактильную и иную информацию, в результате чего формируются *функциональные структуры и системы*, становящиеся основой сознательной, а, следовательно, и когнитивной деятельности (Лурия 1979, 84).

Способом и результатом упорядочивания и обработки определенной информации в сознании индивида являются *когнитивные структуры*. В.З. Демьянков отмечает, что «порядок следования информации, содержащейся в когнитивных структурах, соответствует стратегии сканирования у наблюдателя» (КСКТ, 100). Говоря об интерпретации воспринимаемого «мира явлений» и определяя ее как когнитивный процесс, В.З. Демьянков отмечает, что переработанные зрительные, слуховые и тому подобные сигналы образуют «частично осознаваемые структуры», которые «служат для того, чтобы конкретные переживания и действия соотнести с ментальными репрезентациями» (КСКТ, 180).

Когнитивные структуры (структуры сознания) опосредуют предметный мир в психике человека, на их базе образуются концептуальные структуры, представляющие собой результат обработки информации, встраивания ее в концептуальную систему индивида.

Репрезентация – одно из общих обозначений единиц нашего сознания. Под ментальной репрезентацией понимаются внутренние структуры, формирующиеся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя (Ментальная репрезентация 1998, 8). В данном определении речь идет о феномене.

У. Кинч, представляя свою интерпретацию ментальных репрезентаций, говорит о феномене. Рассматривая формы ментальных репрезентаций, возникающих в результате познания индивидом реальности, У. Кинч разрабатывает *иерархическую модель* таких репрезентаций с учетом участвующих в их продуцировании психических процессов (Kintsch 1998). Нижний уровень иерархии авербален. Второй уровень составляют авербальные репрезентации, связанные с функционированием эпизодической памяти и включающие разные формы образности. На следующих двух уровнях иерархии находятся вербальные репрезентации, менее зависимые от перцептивного опыта индивида. Классификация У. Кинча основывается на фило- и онтогенезе репрезентаций. Ученый говорит о гетерогенном характере ментальных схем, постулируя возможность внутрисхемного перехода от сенсомоторных репрезентаций аналогового типа через образ или жест к символическим и т.п. У. Кинч акцентирует положение о принципиальной неразрывности и совместном функционировании репрезентаций всех уровней (Kintsch 1998). Подчеркивает это и Л.М. Веккер, утверждающий, что «все уровни иерархии когнитивных процессов, включая высший уровень понятийного мышления, содержат элементы непосредственно чувственного образного отражения реальности, от которых все эти высшие уровни когнитивных процессов в принципе не могут быть полностью обособлены» (Веккер 1998, 384). Для Л.М. Веккера принципиально важна производность формы образных компонентов мыслительных процессов и их «опосредованность» (Веккер 1998, 385). С ним солидарна Е.С. Кубрякова, отмечающая, что в процессе когнитивной деятельности происходит постоянное соотнесение языковых данных с другими сенсомоторными данными в социологическом, культурологическом и психологическом контекстах (Кубрякова 1999, 8-9).

Теория ментальной репрезентации, активно развивающаяся в западной науке, неоднородна. Подробный обзор и критический анализ содержится в работах А.Г. Сониной (Сонин 2002).

В теории ментальной репрезентации акцент сделан на *активной роли субъекта*, не просто отображающего, а *конструирующего действительность* (модель мира). Как отмечает М.А. Холодная, в современной когнитивной

психологии *репрезентация* рассматривается не как форма фиксации знаний, а как *инструмент приложения знаний к определенному аспекту действительности* (Холодная 2002, 100).

Форма ментальной репрезентации может быть предельно индивидуализирована («картинка», пространственная схема, комбинация чувственно-эмоциональных впечатлений, иерархическая категориальная интерпретация и т.п.), но это всегда порожденная самим субъектом *ментальная конструкция*, формирующаяся на основе внешнего и внутреннего контекста (Холодная 2002, 103). О том, как построена репрезентация, можно судить по форме субъективного представления объекта и тому, какие элементы воспринимаются как релевантные.

Ф. Бартлетт для описания целесообразного представления информации в памяти использует понятие «схема». Под схемой он понимает «активную организацию прошлого опыта» (Bartlett 1932). Для такой схематической структуры, вокруг которой организуется весь наш опыт, М. Джонсон употребляет термин образная схема (image schema). М. Джонсон так определяет этот термин: «Образная схема - это повторяющийся динамический образец (pattern) наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту» (Johnson 1987). Образные схемы - это гештальт-структуры, они существуют как связные, значимые единые целые в нашем опыте и познании.

Итак, информация о мире, извлекаемая из опыта, хранится в памяти человека в виде разного рода связанных конструкций. К сожалению, не очерчены границы понятий и терминов, обозначающих «ментальные образования». Так, западные исследователи в качестве ментальных структур называют ментальные образы (имагены), логогены (корреляты написанного или услышанного слова), прототипы, схемы (Bartlett 1932), диаграммы, пропозиции, сценарии (Shank, Abelson 1977), фреймы (Минский 1979), ментальные модели (А. Пейвио, П. Джонсон-Лэрд, З. Пылишин, Дж. Фодор, Э. Рош и др.).

Еще сложнее картина выглядит собственно в лингвистике. Рассуждая о «новой реальности» языкознания, Г.И. Берестнев в качестве предмета исследования современной лингвистики называет «ментальные образования», «категориальные ментальные репрезентации», «скрытые ментальные сущности».

По мнению ученого, доступ к этим ментальным образованиям осуществляется через язык, причем особенностью ментальных репрезентаций является их большая масштабность по сравнению с собственно-языковыми и поверхностно-ментальными квантами смысла - понятиями (Берестнев 1997, 48).

В лингвистике в связи со знаниями о мире используется преимущественно понятие фрейма. Кроме термина «фрейм» в лингвистической семантике для обозначения разного рода структур знаний о мире используются термины «глобальная модель», «когнитивная модель», «псевдотекст», «база», «сцена» (Ч. Филлмор 1988, 54). Фрейм - структура знаний, «пакет» информации об определенном фрагменте человеческого опыта (объекте, (стереотипной) ситуации). Понятие фрейма стало широко использоваться в современной науке после появления работ М. Минского (Минский 1978, 1979, 1988). Универсальность, лежащая в основе определения фрейма, позволила перенести теорию фреймов из сферы искусственного интеллекта в область лингвистики и психологии. Классическим стало определение М. Минским фрейма как «структуры данных для представления стереотипной ситуации» (Минский 1979, 7).

В.В. Красных рассматривает фрейм-структуры сознания как составляющие когнитивной базы носителей языка - «определенным образом структурированной совокупности необходимых обязательных знаний и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества» (Красных 1998, 117). *При активизации одного из элементов фрейм-структуры активизируются все элементы, но для актуализации выбирается один элемент* (Красных 1998, 119). Психологические клише и штампы проявляются в ассоциациях. Структура фрейма: вершина (тема) представлена макропропозицией, слоты (терминалы) - заполняются пропозициями. Эта когнитивная структура организована вокруг определенного концепта. По мнению М.Л. Макарова, такие единицы содержат самую существенную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с данным концептом (Макаров 1998).

Лингвист Дж. Лакофф рассматривает соотношение между такими ментальными образованиями, как концепты и когнитивные модели, точнее идеализированные когнитивные модели. «В самых общих чертах, - пишет Дж. Лакофф, - концепты - это элементы когнитивных моделей» (Lakoff 1987, 286). Дж.

Лакофф проводит иерархизацию концептов, или хранилищ знаний. В данном случае речь идет о так называемых концептах базового уровня (basic-level concepts) и образно-схематических концептах (image-schematic concepts), возникающих при непосредственном участии восприятия. Что касается более сложных идей, то они соотносятся с комплексными концептами (complex concepts) - результатами человеческой способности формировать когнитивные модели на основе концептов базового уровня. К основным когнитивным моделям Дж. Лакофф относит пропозициональные (не использующие образные механизмы), метафорические, метонимические и символические (языковые). В исследовании Дж. Лакоффа речь идет о когнитивных структурах, представляющих собой «пакеты информации (храняемые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартной ситуации» (Герасимов, Петров 1988, 8).

Следует указать на то, что при поуровневом описании мы имеем дело с моделью.

От понятия ментальной репрезентации отталкивается А.П. Бабушкин, предлагающий свою типологию концептов. В представлении А.П. Бабушкина, «концепт является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются» (Бабушкин 1996, 16). Автор предлагает свое определение концепта как *дискретной, содержательной единицы коллективного сознания*, отражающей предмет реального или ирреального мира и хранимой в национальной памяти носителей языка в *вербально обозначенном* виде (Бабушкин 1996, 12).

И.А. Стернин и Г.В. Быкова выделяют три типа концептов:

концепты-представления - обобщенные чувственно-наглядные образы предметов или явлений;

гештальты - комплексные функциональные структуры, упорядочивающие многообразие отдельных явлений в сознании; основной их признак - совмещение чувственного и рационального элементов (они образуют мыслительное содержание абстрактной лексики);

понятия - результат рационального отражения общих и существенных признаков предметов. Они вербализуются терминологической лексикой (Стернин, Быкова 1998).

А.В. Кравченко понимает концепт как сложную репрезентацию, хранимую в человеческой памяти (Кравченко 2000, 30).

Психолингвист А.А. Залевская трактует концепт как *базовую когнитивную сущность, позволяющую связывать смысл с употреблением слова*, как содержательную единицу процесса концептуализации, посредством которого действительность преломляется в голове человека. При этом подчеркивается, что когнитивные сущности имеют перцептивные корни и эмоционально-оценочно переживаются индивидом (Залевская 2005, 398).

Концепты - это не пассивные инструменты или средства дескрипции, используемые сознанием, а *составляющие* «процессов порождения значения, интегрированные в динамические процессы мышления, активно стимулирующие новые связи, ассоциации, новую ментальную (само)организацию» (Залевская 2005, 404). Концепт индивида - это спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека.

Концепты - динамичны, они модифицируются, кроме того, они связаны друг с другом, оказывая влияние друг на друга, вызывая трансформации входящих в их состав смысловых структур.

Итак, *концепт* - это некий *образ фрагмента мира или части такого фрагмента, существующий в сознании индивида, имеющий сложную структуру знакового представления, реализуемую в системе языка различными языковыми средствами, которые индивид отбирает в своей речевой деятельности*. Относительно языка смыслы содержания концепта выражаются в закрепленной и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц. Будучи не только индивидуальным когнитивным образованием, концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний языкового коллектива о некоторых фрагментах мира. Поэтому в нем заключаются признаки, функционально значимые и для соответствующей культуры. В конечном итоге и

лингвисты, и психолингвисты пытаются отразить обе стороны концепта. Причем более противоречивая картина возникает в трудах лингвистов именно потому, что описания индивидуальной когнитивной величины часто пересекаются с описаниями ее отражения в общеязыковой системе или языковом сознании коллектива. В этом отношении более последовательны психолингвисты, работающие с категориями индивидуального сознания и разграничивающие сознание (феномен) и его описание (модель), а также сознание индивидуальное (модель1) и языковое сознание коллектива (модель2).

В исследовательском плане под единицей языкового сознания нами понимается обобщенная величина. Границы объема данного понятия определяются семным набором конвенционального лексического значения языкового знака и разницей между ним и тем смысловым содержанием, который представляет говорящий и опознает воспринимающий.

1.1.2. Способы выявления и описания компонентов сознания

«Сознание в своей непосредственности нам не дано познать, единственный путь приближения к нему - выбрать орудием и предпосылкой анализа *текст*, но понимаемый не просто в качестве суммы достигнутых знаний, но в качестве реализуемой мысли и способа бытия» (Мамардашвили 1999, 149). Таким образом, *изучение сознания возможно только опосредованно через язык.*

Психологические и психолингвистические концепции сознания имеют много общего с философскими и логическими теориями. *Основной точкой пересечения является утверждение косвенности исследовательских процедур, предполагающее, что сознание не может быть проанализировано иначе как через вербально оформленные результаты отражения.* Н.О. Швец в своей работе «Структуры сознания и роль языка в их «овнешнении» (Швец 2003) отмечает, что значение слова в структуре сознания индивида предстает как целостное единство продуктов сенсорного, когнитивного и аффективного опыта взаимодействия со средой. Исследования последних лет не только в области лингвистики, но и психологии, когнитивной науки, нейробиологии доказали правомерность вывода о неразрывной связи, сплавлении во всех феноменах психической жизни человека перцептивного, аффективного и когнитивного компонентов, влиянии взаимодействия телесного и духовного на функционирование сознания. Такой подход при изучении феноменов сознания представляется нам совершенно естественным, поскольку любая информация поступает в мозг посредством каких-либо органов чувств, которые, в свою очередь, принадлежат конкретному субъекту, находящемуся в каждый момент взаимодействия с миром и средой в определенном

психофизиологическом и эмоциональном состоянии. При этом следует подчеркнуть необходимость понимания структур сознания как находящихся в процессе постоянного движения, развития и взаимного влияния, кроме того, следует учитывать, что *значительная часть этих процессов протекает на глубинном подсознательном уровне*, лишь эпизодически попадая в окно сознания.

Подобное понимание природы психической жизни позволяет говорить о *неожждественности языкового и неязыкового сознания, вербализованных и невербализованных знаний, о возможности для структур сознания существовать одновременно на разных уровнях осознаваемости (и познаваемости)*.

Языковые средства выступают как инструмент доступа, извлечения из глубин сознания, описания и изучения того, что стоит за словом. Обращение к языку необходимо потому, что все объяснения и описания предстают для человека в вербализованной форме. Язык выступает как некая форма фиксации - относительно более стабильная, чем отражаемое и выражаемое им содержание сознания. Язык, несомненно, оказывает влияние на ментальную деятельность, *но приравнивать языковые структуры и знания невозможно. Необходимо изучение структур языка и структур сознания в их соотношенности и взаимодействии, но без подмены понятий.* Этому способствуют теории ментальных репрезентаций знаний, способные объяснить специфику порождения значения, взаимодействия сознательного и бессознательного, а также динамику, лежащую в основе интуиции и творческого мышления, и взаимодействие ощущений, чувств и абстрактных представлений в качестве базы ментальных процессов.

Языковые данные обеспечивают наиболее очевидный доступ к когнитивным процессам и механизмам; «... объективация действий с языковыми репрезентациями, которую мы наблюдаем в речемыслительной деятельности, действительно, может служить ключом к пониманию целого ряда когнитивных операций» (Кубрякова 1994, 41).

Именно благодаря изучению языкового материала становится возможным исследовать структуры языкового сознания индивида.

Психолингвисты А.Н. Леонтьев и В.П. Зинченко в своих концепциях развивают представления Л.С. Выготского о структуре сознания. По Л.С. Выготскому, основные составляющие сознания - *значения*, поскольку именно они являются преобразованной и свернутой в материи языка идеальной формой существования предметного мира, его свойств, связей и отношений (Леонтьев 1977, 141). Сознание человека - явление интерпсихическое, существующее вне индивида, в форме знаков и значений. Одной из форм фиксации содержания сознания является **язык**. Как подчеркивает А.Н. Леонтьев, присваиваемые индивидуальным сознанием значения хоть и являются производными от существующих в данном обществе «надындивидуальных» значений, но не в полной мере совпадают с ними. Причина этого заключается в том, что значения

принадлежат общественному сознанию, но, присваиваясь индивидуальным сознанием, получают развитие в процессе деятельности конкретного индивида (Леонтьев 1977, 141).

На возможность понимания особенностей функционирования сознания с помощью языковых средств указывают Л.С. Выготский и Н.И. Жинкин «Сознание создается посредством орудий и других экстрацеребральных «инструментов», и прежде всего знаков, ключом к пониманию природы человеческого сознания являются мышление и речь» (Ярошевский 1993). «Человеческий язык появился в процессе коммуникации в составе двух языков - внутреннего и внешнего. Это значит, что у человека развилось в этом процессе то явление, которое мы теперь называем сознанием» (Жинкин 1982).

Жизнь *слова в психике* человека обусловлена имплицитным присутствием при любом актуальном восприятии *базового внутреннего смыслового контекста* (образа мира, ментального пространства, концептуальной системы, информационного тезауруса субъекта коммуникации) при факультативности разграничения понятий «значение» и «смысл», поскольку для носителя лексикона смысл слова слит с его значением (Залевская 1978, Тарасов 1979).

Но какая часть языковой и речевой действительности должна использоваться при описании содержания сознания? Ю.Н. Караулов выделяет *три способа* репрезентации естественного языка.

Язык можно представить как все говоримое его носителями в данный момент и сказанное ранее, как глобальную совокупность речевых произведений, а в более узком смысле - как совокупность текстов на нем, т.е. как результат речевой деятельности соответствующего народа. В эту совокупность надо включить не только письменный язык литературы, но также записи диалектной и разговорной речи, протоколы заседаний, стенограммы полицейских допросов, народные сентенции, и т.д.

Второй способ репрезентации языка - способ, основанный на научном подходе, заключен в лингвистических описаниях, т.е. в словарях, учебниках, грамматиках, которые отражают системные закономерности его организации и одновременно содержат образцовый текстовый материал, иллюстрирующий системно упорядоченные типовые правила употребления основных единиц и

конструкций. Язык здесь предстает как результат научного его осмысления и обобщения правил его использования в тексте.

Третий способ, выделяемый Ю.Н. Карауловым, состоит в простом указании на среднего «наивно-говорящего» носителя этого языка и утверждения, что язык заключен «в голове» этого носителя, воплощен в его языковой способности. Язык в этом случае выступает как потенция, как то, что может и готово стать результатом, но им пока не стало, язык в готовности стать результатом, т.е. воплотиться в тексте или системном представлении.

Между указанными способами репрезентации языка возможны коррелятивные отношения и взаимные переходы из одного в другой (Караулов 1999).

В своем исследовании мы изучаем фрагмент сознания, центром которого является концепт, представляющий одну из правовых категорий. Концепт как сложный комплекс признаков имеет разноуровневую представленность в языке. Наиболее информативным с этой точки зрения является *лексический уровень*. Этот уровень является и наиболее доступным. Опираясь на этот уровень исследования, возможно выявить набор *семантических компонентов*, которые формируют *структуру концепта*.

В отечественной когнитивной лингвистике закрепилось представление, согласно которому *языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта*. «Значение слова - это лишь попытка дать общее представление о содержании выражаемого концепта, очертить известные границы представления его отдельных характеристик данным словом» (Болдырев 2000, 41). По определению Е.С. Кубряковой, значение - это концепт, схваченный знаком (КСКТ, 92). В процессе порождения знака значение выступает как облегченная ментальная структура, которая способна выступать представителем всей совокупности знаний об обозначаемом. В описании феномена языкового значения Е.С. Кубряковой предлагается «теория айсберга», подчеркивающая тот момент, что у истоков формирования значения знака стоят концептуальные структуры, редуцируемые в этом процессе до определенного минимума (Кубрякова 2000, 29). В качестве *составляющей концепта языковое значение* способно представлять концепт в целом, быть его знаком.

Чтобы описать концепт индивида, лингвисты анализируют и описывают значение слова или понятия, лежащего за словом, работая с материалами словарей. На основе текстов исследователь сводит изучение концепта к той части языковой картины мира, которая отражена в словарях, текстах. А.А. Залевская отмечает, что результатом исследования все же является *конструкт*, способ отображения части того, что содержится в каждом из концептов (Залевская 2000). На наш взгляд, в роли одного из вербальных компонентов концепта может выступать *лексическое значение* вербальной единицы, репрезентирующей концепт, но следует указать на то, что таким образом исследуется лишь часть концепта.

А.А. Залевская утверждает, что *концепт* следует признать *достоянием индивида как личности*, поэтому *исследование концепта индивида* должно предприниматься с позиции *комплексного подхода*.

В своем исследовании мы осуществляем попытку комплексного подхода к описанию концепта, *реконструируя его актуальные смыслы на основе всех типов репрезентации языка*: материалов словарей, художественного текста, ассоциативных экспериментов.

Сложность использования понятия «языковое сознание» связана с неоднозначностью его трактовки и понимания. Во-первых, одни авторы дают определение феномену, другие - модели описания феномена. Во-вторых, даже один и тот же автор в одном определении может говорить и о модели, и о самом явлении.

Информация хранится в сознании человека в виде базы данных. Как считают психолингвисты, каждая языковая личность обладает индивидуальным когнитивным пространством, набором коллективных когнитивных пространств, когнитивной базой национально-лингвально-культурного сообщества.

«Языковое сознание - совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, т.е. *психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека*». Это «знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений» (Этнокультурная специфика языкового сознания 1996, 11). Система языковых единиц с их разнообразными значениями хранится в сознании и является принадлежностью языкового сознания.

Трудно провести грань между сознанием и языковым сознанием. По утверждению А.А. Залевской, между осознанным и вербализованным, как и между неосознанным и невербализованным, нет однозначного соответствия: подразумеваемое осознанное может выходить за рамки вербализованного, а то, что переживается как знакомое, понятное, не всегда поддается экспликации, вербальному описанию. Любой психический процесс всегда формируется одновременно на разных уровнях осознаваемости, т.е. имеет место непрерывность осознанного и неосознанного как одно из фундаментальных свойств психического как процесса (Залевская 2000). А.А. Залевская обращает особое внимание на такой подход к изучению языкового сознания, как использование психофизиологических данных о межсловесных временных связях. Вербальные ассоциации, данные о которых служат материалом для суждения о языковом сознании, являются отражением межсловесных связей, выработанных у респондентов в течение жизни и образующих материю так называемых «вербальных сетей» в их нервной системе.

Вербально-ассоциативный эксперимент в психологическом проявлении обнаруживает существование физиологически установленных временных связей.

Вербально-ассоциативный подход позволяет характеризовать структуру системы в целом, обнаружить национальную (профессиональную) специфику ее организации, выявить ментальную историю данной группы людей.

По мнению Е.Ф. Тарасова, термин «языковое сознание» акцентирует важнейшую сторону психологического функционирования человека, подчеркивая значение внутренних психологических состояний, сознания субъекта, при использовании языка, речи. Термин подчеркивает объединение, слитность главных составляющих речевой деятельности: психологического и лингвистического элементов (Тарасов 2000, 22).

Понятие «языковое сознание» имеет широкое референтное поле, включающее две его основные разновидности: *динамическую* - выражение состояния сознания в вербальной форме, воздействие на сознание с помощью речи, - а также *структурную*, образуемую языковыми структурами, формирующимися в результате ментального опыта субъекта, действия его сознания. При всей широте этого референтного поля понятие языкового сознания имеет свою специфику, подчеркивая момент смыкания, совокупности феномена сознания, мысли,

внутреннего мира человека с внешними по отношению к нему языковыми и речевыми проявлениями. Этот важный момент высвечивает главную сущность *языка/речи* - быть *выразителем психического состояния говорящего*.

Языковое сознание в отечественной психолингвистике трактуется как система *«образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств»* (Тарасов 2000, 26).

1.2. Структуры языкового сознания профессионалов и непрофессионалов в аспекте их формирования

Поскольку предметом нашего исследования является лингвистическая реконструкция когнитивных структур, содержащих профессионально-маркированные компоненты языкового сознания, мы попытаемся проследить, влияет ли мотивация профессиональной деятельности на организацию когнитивных структур.

Рассмотрим подробно основной компонент содержания сознания - *знания*. Этот компонент интересен тем, что он играет большую роль в процессе *речемыслительной деятельности*.

Как указывает С.Л. Рубинштейн, «... мышление и знание вообще неотделимы друг от друга» (Рубинштейн 1958, 53).

Воспринимаемая новая информации интегрируется с ранее известными фактами с учетом того, что косвенно содержится в сообщении (Clark & Clark 1977, 154).

Новые знания возникают при формировании образов сознания в предметной деятельности, в ходе которой субъект деятельности воздействует на предметы-объекты. Они реагируют на это воздействие, и реакции позволяют субъекту судить о свойствах объектов. Таким образом, можно утверждать, что профессиональная деятельность влияет на формирование концептов, их переструктурирование, что отразится в языке профессионала.

Когнитивная структура, по мнению М. Минского, Г. Скрегга, В.З. Демьянкова, не является стабильной. Она изменяется под влиянием *новых знаний*. Ключевым звеном в обработке языковой информации, по мнению указанных ученых, является *анализ целеполагания, эмоционального состояния, скрытых мотивов, мировоззренческих ценностей* и т.д. Структурные мозговые образования -

это не константные психические образы, не паттерны восприятия, хранящиеся в памяти, а *функциональные* образования, находящиеся в процессе *постоянного становления* и потому (в силу причин, обозначенных Н.И. Жинкиным, А.Р. Лурия, В.К. Вилюнасом и др.) *имеющие в разное время своего существования разные смыслопорождающие интегративные признаки* (Пищальникова 2001, 52).

Е.В. Лукашевич считает, что порядок следования информации, содержащейся в когнитивных структурах, «... зависит от **актуальности** когнитивных признаков для индивида в определенных условиях речесмыслопорождения» (Лукашевич 2003, 71).

Языковые знаки выполняют функцию **носителя знаний**, медиатора, по выражению В.П. Зинченко. Знания, ассоциированные в нашем сознании с этим медиатором, дают возможность субъекту категоризировать сенсорные данные, получаемые от органов чувств при познании объекта деятельности (Зинченко 1997). Очевидно, что в предметной деятельности на долю языка выпадает только роль *средства организации* фиксации, переработки и хранения знаний, полученных в предметной деятельности.

Как указывает Е.Ф. Тарасов, для каждого человека предмет является знаком только потому, что с ним ассоциированы знания, которые хранятся только в сознании человека и больше нигде....» (Тарасов 2000, 28).

Типы знаний, обсуждаемые в связи с **процессами речемыслительной деятельности**, принято подразделять на языковые («лингвистические») знания и знания о мире («энциклопедические знания»/ «прагматические знания»). Принято различать и две формы общественного сознания: собственно языковое (лингвистическое) и познавательное (когнитивное) (Гальперин 1977, 97). Теоретическое обоснование неразрывности языковых и энциклопедических знаний дает С.Д. Кацнельсон (1972, 110). Исследователь показал, что механизмы языка связаны с механизмами сознания, а элементами или единицами индивидуального сознания являются знания, прежде всего практические и житейские знания, составляющие жизненный опыт индивида.

Чтобы проанализировать значение того или иного слова в когнитивном аспекте, необходимо установить когнитивный контекст, или область знания, которая лежит в основе значения данного слова, определенным образом ее

структурировать, показав, какие участки этой области «схвачены» знаком. При этом, как подчеркивает Н.Н. Болдырев, сложной проблемой остается определение той грани, за которой кончается языковое знание (знание значений) и начинается общее, энциклопедическое знание (знание о мире) (Болдырев 2000, 33).

Ю.Н. Караулов указывает на то, что большую часть наших знаний о мире составляют знания, имеющие вербальное выражение. Ученый условно разделяет эти знания на три части.

Первая часть представлена *экстралингвистической информацией*, запечатленной в словах, словосочетаниях, целых высказываниях и суждениях, называющих и характеризующих предметы и явления текущей жизни носителей, их повседневного взаимодействия и общения, реалии окружающей их действительности. Вторую часть знаний Ю.Н. Караулов условно называет *диалоговой*. Она отражает языковое сознание носителей, содержит элементы рефлексии и оценки по поводу языка, национальной культуры, типовых ситуаций окружающей действительности. Самая обширная часть знаний остается для большинства носителей *неосознанной*. Это информация *об устройстве языка*, его уровней. Караулов называет эти знания *интуитивными* (Караулов 1999).

Нила Бранскомб (Branscomb 1988) указывает на различия декларативного и процедурного знаний. Декларативное знание трактуется как пропозициональная сеть, т.е. концепты в долговременной памяти репрезентируются как узлы сети, соединенные друг с другом ассоциативными связями. Когда некоторые узлы, или концепты, активируются несколько раз подряд, они набирают силу; активация распространяется на другие связанные с ними концепты и они становятся более легко и быстро активируемыми.

Все виды знаний, упомянутые выше, входят в состав «блоков» концептуальной картины мира индивида: универсального, общенационального, научного, профессионального, наивного, индивидуального.

Данные исследований, проведенных Л.А. Дубровской, И.Г. Овчинниковой, Е.Г. Пенягиным, выявили большую динамику научного блока картины мира по сравнению с наивной и приоритет развития информационной базы в научном блоке картины мира над процедурными знаниями (Дубровская, Овчинникова, Пенягин 1998, 185). Под картиной мира авторами понимается интегральный образ

реальности в сознании человека. Человек в норме переживает картину мира как единое образование, в котором выделяются «научный» и «наивный» блоки. Эти блоки могут быть охарактеризованы как собственно входящей в них информацией, так и процедурными знаниями, т.е. специфическими способами отбора и переработки информации (Дубровская, Овчинникова, Пенягин 1998, 175).

Картины мира определенной профессиональной группы людей, в нашем исследовании будущих и настоящих офицеров правоприменения, несомненно, должны иметь специфические, присущие только этой группе черты, поскольку наше знание о мире неразрывно связано с нашей деятельностью в этом мире, «нашим диалогом с миром...» (Леонтьев 1997). Е.А. Климов полагает, что существуют особые «образы мира» в разнотипных профессиях: «Профессия, трудовое занятие в каждом случае представляет собой сложный мир, в частности, незримых объектов, переживаний, владения определенными незримыми профессиональными целостностями - «гештальтами» (Климов 1995).

Содержание профессиональной деятельности накладывает определенный отпечаток на информационные структуры, которые отражают знания и опыт человека, выражаясь в ментальных единицах, получивших обозначение «концепт» (КСКТ, 90-93).

В своем исследовании мы изучаем структуру языкового профессионального сознания будущих юристов, центральным компонентом сознания этой профессиональной группы должно быть сознание правовое, поэтому представляется необходимым рассмотреть связь некоторых форм общественного сознания между собой.

Правовое сознание тесно связано с нравственной, политической, религиозной, экономической и другими формами общественного сознания.

Общественное мнение о праве - это особое состояние общественного сознания. Оно носит массовый, относительно стабильный характер, никогда не ограничивается какой-то одной «предметной» формой сознания, а включает элементы нравственного, политического, правового и иного осознания действительности. В структуре общественного мнения о праве часто доминируют нравственная и политическая оценка закона, акта правосудия и т.п. (Бонк 1986, 121).

Правосознание - это представления, мнения, идеи и т.д., выражающие потребности в опосредовании поведения людей государственно-правовой волей (Кожевников 2001, 12). Как утверждает В.В. Кожевников, ни одно явление не оказывает влияния на право, «если предварительно не отражается в правосознании; правосознание - это своеобразный фильтр, через который пропускаются факторы, влияющие на право». Ученый считает возможным трактовать правосознание и как «совокупность чувств, настроений, представлений, взглядов и т.п., в которых выражено отношение к действующему праву, ко вновь создаваемым юридическим нормам» (Кожевников 2001, 12). В.В. Кожевников указывает на то, что все элементы взаимосвязаны и образуют целостное единство, пронизанное общей идеей. В этой системе главными компонентами являются идеи и нормы, в которых выражается специфика правосознания. Сущность этой специфики заключается в том, что правосознание объективно требует установления общеобязательных правил поведения, юридических прав и обязанностей для всех участников общественных отношений. В.В. Кожевников выделяет несколько важных черт правосознания. Позволим себе упомянуть одну из них. «Правосознание оказывает обратное воздействие на общественные отношения, выступает как активная сила, способная определять процессы социальных изменений, ускорять или тормозить их».

В структуре правосознания В.В. Кожевников выделяет «несколько групп оценочных отношений: во-первых, отношения к праву, его принципам, институтам и нормам; во-вторых, к правомерному и противоправному поведению окружающих; в-третьих, к правоохранительным органам и их деятельности; в-четвертых, к собственному правовому поведению» (Кожевников 2001, 18).

В качестве специфических способов и форм отражения правосознанием общественной жизни В.В. Кожевников называет специфические правовые категории и понятия: права и обязанности, закон и законность, суд и правосудие, преступление и наказание и др. (Кожевников 2001, 15).

В нашем исследовании мы анализируем языковое сознание не просто будущих юристов, а именно будущих сотрудников милиции.

З.К. Сокова выделяет в структуре профессионального сознания сотрудников органов внутренних дел два элемента: правовое и нравственное сознание (Сокова 2000, 91).

Профессиональное самосознание личности сотрудника ОВД включает, по крайней мере, три компонента: *когнитивный, эмоциональный и поведенческий* (Свободный 2003, 42-44).

Правовое мышление рассматривается как стиль (модификация) мышления, который выражается в склонности индивида воспринимать и оценивать события (факты, явления) жизни преимущественно по правовым критериям, т.е. с точки зрения соответствия (или несоответствия) нормам права (Ардавов, Гетокова 2001). Исследователи отмечают, что выделение правового стиля мышления *условно*.

В своих исследованиях М.К. Ардавов и Ж.М. Гетокова пытались проверить гипотезу о том, что «при прочих равных условиях системное обучение юриспруденции способствует формированию у обучаемых правового стиля мышления» (Ардавов, Гетокова 2001, 4).

Анализ результатов проведенного исследования позволил авторам утверждать, что «теоретическое обучение юриспруденции производит определенные сдвиги в мышлении обучаемых в сторону превращения этого мышления в правовое» (Ардавов, Гетокова 2001, 7). Авторы характеризуют происшедшие в мышлении испытуемых изменения как тенденцию. Мышление многих испытуемых после изучения полных курсов правовых дисциплин осталось преимущественно *обыденным, традиционным*.

При оценке *фактов юридической жизни* индивид, прежде всего, испытывает на себе влияние *правосознания*. Структуры сознания студента-юриста, образованные в процессе обучения, стереотипы, сложившиеся под влиянием изучения правовых дисциплин, определяют его поведение, деятельность, интерпретацию этой деятельности. Как предполагает В.В. Кожевников, оценочные моменты юридических явлений, содержащихся в других формах общественного сознания, будут воздействовать на формирование общественного мнения о праве сквозь призму правосознания или, во всяком случае, наряду с ним (Кожевников 2001, 17).

Итак, поскольку знания неразрывно связаны с мыслительным процессом, являются неотъемлемой его частью, знания в области права, приобретаемые курсантами вуза МВД, оказывают влияние на формирование и развитие их когнитивных структур.

Профессиональная деятельность офицеров правоприменения накладывает отпечаток на их мировоззрение и находит отражение в системе концептов, объединяющих группы людей по профессиональному и социальному признакам. Ассоциативный эксперимент является одним из наиболее плодотворных методов анализа содержания языкового сознания будущего юриста.

Мы полагаем, что элементы научного и наивного, общеязыкового и профессионального языкового сознания тесно переплетены между собой в сознании человека. Наша задача состоит в том, чтобы реконструировать фрагменты языкового сознания с выявлением основных вербальных компонентов, присущих модели концепта в общеязыковом сознании и профессиональном языковом сознании. Именно при реконструкции, в модели мы будем противопоставлять друг другу эти понятия. Под универсальным языковым сознанием мы будем понимать психолингвистическую модель, построенную по определенным параметрам. Параметром для построения данной модели является сущностное определение самого языкового сознания как системы образов сознания различной психической модальности, которые доступны наблюдению и описанию по своим внешним признакам (Тарасов 2000).

Под профессиональным языковым сознанием мы будем понимать *психолингвистическую модель, реконструирующую систему основных образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью профессионально ориентированных языковых средств.*

Мы предполагаем, что будет наблюдаться определенная общность в языковом сознании профессионалов правоприменения. Общность актуальных компонентов сознания должна указывать на стереотипность мышления.

В психолингвистике обосновано положение, согласно которому *стереотип* является психическим образованием, которое входит в концептуальную систему индивида и является *составляющей сознания*. В психолингвистике стереотип понимается как «когнитивная структура с фиксируемой оценкой представленного

знания, функционирующая в качестве психологического механизма стабилизации социально значимой деятельности» (Пищальникова 1997, 73). Конвенциональные стереотипы необходимо структурируют концептуальную картину мира, формируют сознание и локализуются в нем. Языковые стереотипы, по мысли С.И. Драчевой, должны соотноситься с ядром концепта, представленным понятийным компонентом, и представлять интернациональные знания об объекте. Национально-культурные знания, входящие в содержание концептов, определяются целой группой факторов: национально-культурными традициями, спецификой быта и той деятельности, которая характерна для исследуемого этноса, значимостью концепта в культуре (что определяет эмоциональное отношение) и географическими особенностями. В ходе эксперимента, который проводила С.И. Драчева, было подтверждено положение об интерференции разнокультурных смысловых элементов в структуре концептов билингвов (Драчева 1998, 19).

Модель концептуальной системы выявляет механизм функциональной актуализации субъективного содержания сознания индивида. Конвенциональный стереотип как составляющая концептуальной системы является устойчивой психолингвистической ассоциативно-апперцептивной структурой организации знания.

С точки зрения содержания, *стереотип* - фрагмент картины мира, существующий в сознании, образ-представление, ментальная «картинка», устойчивое, минимизированное инвариантное обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете и ситуации (Красных 2002). *Профессиональным стереотипом*, с нашей точки зрения, можно назвать устойчивые когнитивные структуры, отражающие мнения, впечатления, представления об определенных фрагментах действительности, совпадающие у представителей одной и той же профессиональной группы или смежных профессиональных групп, связанные с профессионально ориентированной лексикой.

1.3. Особенности функционирования языкового сознания в условиях учебного билингвизма

Исследуя особенности формирования и функционирования когнитивных структур в сознании формирующихся искусственных билингов, следует принимать во внимание уровень владения языком.

Мы придерживаемся трактовок изучаемых явлений с позиций когнитивной лингвистики. В рамках этой научной парадигмы языковое сознание является достоянием индивида, поэтому неизбежно должен быть затронут вопрос о *языковой/речевой способности* человека.

Мы лишь перечислим основные свойства языковой способности индивида, выделяемые исследователями.

Так, В.фон Гумбольдт актуализирует динамичность языковой способности, взаимовлияние развивающейся языковой способности и речевых навыков, усложнение механизма языковой способности у формирующейся языковой личности (Гумбольдт 1985).

Положение В.фон Гумбольдта о «врожденности» механизма языковой способности актуализируется в современных лингво- и психолингвистических исследованиях, и было подчеркнуто Н.И. Гореловым. «Гораздо более основательной является, вероятно, позиция тех, кто считает, что человек биологически наследует некую общую основу развертывания любого языка, своего рода универсальную грамматику. Сомнительно, чтобы младенец «начинал с нуля» и овладевал за короткий период наименее сознательной части своей жизни сложнейшим механизмом речи» (Горелов 1974, 8).

Л. Вайсгербер вводит понятие мыслительной способности. С понятием мыслительной способности связано понятие языковой способности (Вайсгербер 1993, 115). По мнению ученого, «языковая способность позволяет человеку чувственно-духовно осваивать мир». Под языковой способностью Л. Вайсгербер понимает «основу всего того, с чем мы познакомились как с языковыми возможностями, прежде всего способность в самом широком объеме удерживать с помощью знаков жизненные впечатления, перерабатывать их, соотносить с другими и таким образом постепенно приобретать общее представление об этих явлениях, владеть миром, отвлекаясь от частного впечатления». Л. Вайсгербер различает мыслительную деятельность, связанную с языковой способностью, и

мыслительную способность (мышление), «не связанную таким же образом с языковой способностью» (Вайсгербер 1993, 116).

Многие ученые определяют *способность* как потенциальную готовность носителей языка к пониманию и производству речи (Богин 1975). Использование другого термина - *компетенция* - предполагает знание неких несознаваемых/осознаваемых правил языка и умение воспользоваться ими в конкретной коммуникативной ситуации. В.А. Пищальникова считает термины «компетенция» и «способность» взаимодополняющими (Пищальникова 2001). Разграничение терминов «языковая компетенция» и «пользование языком» идет от работ Н. Хомского (Chomsky 1957; 1965).

Н. Хомский выделил *linguistic competence* (ментальные репрезентации языковых правил, выступающие в роли внутренней грамматики идеального говорящего-слушающего) и *linguistic performance* (понимание и продуцирование речи) (Хомский 1972а; 1972б). Согласно Н. Хомскому, понятия «знание языка» и «лингвистическая компетенция» тождественны. «Humans possess an innate set of pre-existing mental structures that enable them to possess and use language. These deep structures are a class of abstract underlying linguistic principles or structures that are called linguistic knowledge or linguistic competence» (Chomsky 1986).

Языковая способность носителя языка описывается в когнитивной лингвистике как *когнитивная система (компонент сознания-разума* человека и его общей человеческой когниции, обладающий собственными механизмами и сферами действия, характеризуемый как результат взаимодействия определенного набора модулей) (КСКТ).

Л.В. Щерба, рассматривая психофизиологическую речевую организацию индивида как систему потенциальных языковых представлений (Щерба 1974), впервые выявил такие базовые характеристики языковой способности, как психофизиологическая основа, ментальность, готовность индивида к речесмысловосприятию/порождению. Выделенные Л.В. Щербой особенности речевой организации - психофизиологичность, индивидуальность проявления в речевой деятельности и социальность - дополняет важными моментами А.А. Залевская: речевая организация понимается **не как пассивное хранение** сведений о языке, а как *динамическая функциональная система*; указывается на постоянное

взаимодействие между **процессами** переработки и упорядочения речевого опыта и его **продуктом** (т.е. если **новое в речевом опыте** не вписывается в рамки системы, ведет к её перестройке); названными положениями создается база для трактовки речевой организации человека как *самоорганизующейся системы* (Залевская 2001).

А.А. Залевская дает следующее определение *языковой способности*: это «*устройство, предназначенное для осуществления определенных процессов, обладающее возможностями (и накладываемыми на них ограничениями), которые определяются материальным субстратом - мозгом, и доступное для исследования на различных уровнях*» (Залевская 2001, 51). При этом механизм (структура) и процессы (функционирование) являются взаимозависимыми и взаимообусловленными.

А.А. Залевская отмечает следующие общие характеристики/принципы работы речевого/языкового механизма: *функциональность* - предназначенность для использования в целях какой-либо деятельности; *динамичность* — способность формироваться, варьироваться, развиваться в соответствии с внешними и внутренними условиями осуществления деятельности; *интегративность* - способность обеспечивать *компрессию смысла* за счет включения «в себя» комплекса потенциальных возможностей развертывания ситуации, описания объекта и пр.; *кодовая вариативность* - *разнообразие форм репрезентаций знаний* (Залевская 2000, 53). Последние две характеристики являются существенным дополнением психолингвистики к свойствам языкового механизма, отмеченных В.фон Гумбольдтом. Под интегративностью в данном случае понимается набор гетерогенных функциональных опор в речемыслительной деятельности индивида, обеспечивающих, например, вероятностную актуализацию некоего ментального содержания; кодовая вариативность представлена наличием когнитивных структур различных типов и различной степени осознания в структуре языковой личности.

В.А. Пищальникова предлагает свое определение языковой способности, отражающее ее наиболее релевантные характеристики. *Языковая способность - универсальный механизм вербализации ментального содержания, представляющий собой совокупность оптимизирующих когнитивных стратегий,*

способный к развитию по законам функциональных динамических систем (Пищальникова 2001).

По мнению А.М. Шахнаровича, **языковая способность** - как особая функциональная система, иерархически организованная и многокомпонентная, - "своего рода индивидуальный способ "хранения" языка в сознании и одновременно - способ реализации отраженных сознанием элементов системы языка" (Шахнарович 1995, 215).

При всей сложности проблемы связи психики и материи возникает искушение представлять переход от одного к другому как простой и непосредственный. Если бы это было так, то были бы сняты многие вопросы, связанные с приобретаемым неродным языком. На скольких языках думает билингв? На каком языке происходит концептуализация действительности в ситуации учебного билингвизма? Существуют ли две (или более) языковые/речевые системы в сознании индивида независимо друг от друга? Иными словами, сколько языковых личностей у билингва?

И.Н. Горелов указывает на существование гипотез «раздельности» и «совместности» (Горелов 2003). Согласно гипотезе «совместности» (Колерс 1972), воспринятые индивидом сигналы внешнего мира хранятся в памяти билингва в нейрофизиологическом внутреннем коде таким образом, что любой из языков, которым владеет индивид, «черпает» свою семантику из образованного «концептуального источника». В соответствии с гипотезой «раздельности», языковые компетенции индивида образуют отдельные «концептуальные источники».

Как отмечает И.Н. Горелов, большой вклад в развитие данного вопроса внес в свое время Л. Леше (Горелов 2003). Он впервые предположил, что 1) образование представлений и обобщений осуществляется в системе, отличной от речемоторной; 2) понимание речи не зависит от умения воспроизводить чужую или породить собственную речь; 3) *в зависимости от способа обучения системы родной и иноязычной речи могут функционировать либо автономно, либо в «пересечении»*. Л. Леше высказал мысль о возможности и целесообразности обучения иностранному языку, так чтобы он образовал **автономную систему**, непосредственно связываемую с миром представлений и понятий, а не

опосредованно - через систему родного языка, оказывающую интерферирующее влияние при изучении иностранного. Л. Леше полагал, что в мозгу человека, владеющего рядом языков, образуются локально *различающиеся зоны, соответствующие системе каждого языка* (Леше 1910, 24-36).

Нельзя сказать, что при естественном или учебном (искусственном) двуязычии разноязычные системы могут функционировать совершенно независимо друг от друга в любом случае, независимо от уровня владения языком. Как указывает И.Н. Горелов, исследователи интерференции свидетельствуют об обратном: две системы тем больше пересекаются друг с другом, чем больше разница в уровнях владения каждой из них и чем чаще практикуется сознательное или бессознательное смешение, сопоставление и анализ используемых в коммуникации разноязычных средств выражения (Горелов 2003). По мнению В.Л. Деглина, «при формировании порождающих механизмов второго языка чрезвычайно важно участие механизмов, обеспечивающих глубинные структуры высказываний на родном языке» (Деглин 1983, 77).

По мнению И.Н. Горелова, существует некоторый базис интеллектуальных действий, обеспечивающий переход от авербальной знаковой деятельности к вербальной. Следует говорить о наличии в аппарате мозга человека некоторой системы, занимающей промежуточное положение между «первосигнальной» и вербальной системами. Предположение И.Н. Горелова согласуется с гипотезой Н.И. Жинкина и А.А. Леонтьева о предметном или субъективном коде мышления.

А.Р. Лурия доказал этапность движения от «мысли к слову» в процессе порождения высказывания. Первый этап - процесс превращения исходного замысла или исходной «семантической записи» в схему развернутого речевого высказывания, второй этап - этап включения высказывания в коды языка. Итак, признается наличие авербально сформированного замысла, наличие авербальной схемы будущего высказывания, наличие момента включения этой схемы в кодовый аналог поверхностной (собственно языковой в лингвистическом смысле) структуры. Под поверхностной структурой «подразумевается окончательное оформление в грамматическом и фонетическом отношениях высказывания» (Лурия 1979).

Как полагает И.Н. Горелов, сам факт перевода мысли в слово с коммуникативными целями означает необязательность вербального мышления «для себя» и невозможность отождествления языковой компетенции с компетенцией мыслительной.

Актуальной остается проблема *взаимовлияния механизмов* порождения речи на *родном языке* и механизмов порождения речи на *изучаемом языке*.

Мы полагаем, что изучение иностранного языка должно влиять на формирующуюся в языковом сознании человека картину мира. Это, в свою очередь, должно отражаться в его речи. В экспериментальной части нашего исследования мы ставим перед собой задачу выяснить, отразится ли профессионально маркированный компонент языкового сознания будущего юриста - формирующегося билингва - в ассоциациях; если отразится, то каким образом; будет ли он представлять ядро ассоциативного поля или же его периферию.

Б.В. Беляев считает, что существует особое мышление на иностранном языке: «Обучаясь языку, учащиеся по сути дела должны обучаться мышлению на этом языке. Владеть языком в качестве средства общения всегда значит мыслить на этом языке. Стало быть, и весь процесс обучения языку следует понимать как процесс переключения мышления учащихся с базы одного языка на базу другого языка» (Беляев 1959, 145). «Овладев по-настоящему иностранным языком, человек приобретает способность мышления непосредственно на иностранном языке», - утверждает ученый. «Мышление на иностранном языке характеризуется специфическими особенностями и обладает некоторым своеобразием сравнительно с мышлением на родном языке» (Беляев 1959, 151).

Исследователи билингвизма (F. Grosjean) полагают, что овладение содержанием концепта у индивида может происходить только на базе имеющегося у него ассоциативно-апперцепционного содержания мышления. Билингв - это «индивид с особой языковой конфигурацией, складывающейся под влиянием двух существующих и постоянно взаимодействующих языков» (Grosjean 1985, p. 471).

О вмешательстве в структуры сознания билингва со стороны инокультурной концептуализации действительности говорит А.А. Леонтьев.

Вмешательство со стороны инокультурной концептуализации действительности влечет за собой изменения в уже сформированной картине мира

индивида. По мнению А.А. Леонтьева, «процесс обучения» представляет собой «процесс формирования инвариантного образа мира» (Леонтьев 1997). В процессе овладения иностранным языком индивид сталкивается с проблемой переструктурирования концептов. Все эти процессы происходят неосознаваемо нами. Вместе с усвоением иноязычных средств общения целесообразно формировать и иное мышление. Несомненно, язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей степени - из индивидуальных языковых особенностей. При этом индивидуальные черты формируются через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов. Отсюда формирование языкового сознания, объединяющего в себе как общественное (универсальное), так и индивидуальное (профессиональное) сознание, в процессе овладения иностранным языком неотделимо от развития *вторичной* языковой личности.

В процессе обучения иностранному языку очень важно знание и понимание *ассоциативного характера* всех мыслительных процессов.

Модель ассоциативной структуры памяти в прикладном аспекте была рассмотрена А.А. Залевской, которая, исследуя ассоциативные структуры памяти, установила функциональную и линейную зависимость между информационной нагрузкой нового иноязычного слова и объемом памяти учащихся (Залевская 1979).

Одним из факторов, влияющих на запоминание иноязычного слова, является способность нового иностранного слова или его компонентов соотноситься с ранее усвоенным или параллельно воспринимаемым материалом, т.е. возможность включения слова в ассоциативные связи различных типов.

В методологии преподавания иностранных языков метод свободных ассоциаций используется для исследования особенностей запоминания иноязычных слов и выявления путей поиска их в памяти. Необходимость использования свободного ассоциативного эксперимента как исследовательского метода при изучении монолингвизма, билингвизма и в преподавании второго языка вначале возникла в связи с разработкой проблемы методической типологии лексики и попытками количественно измерить степень трудности нового иноязычного слова в процессе его восприятия (Залевская 1971, 55-56). При этом А.А. Залевская считает, что «методическая типология лексики только тогда сможет

стать основой для системы работы над словарем, когда она будет трактоваться как *разграничение типов слов в соответствии с особенностями деятельности обучаемых по их усвоению*» (Залевская 1971, 57). Задача эта «не может быть решена без исследования механизмов овладения и оперирования иноязычным словом, ибо только на этой основе можно обеспечить адекватную особенностям материала и целям работы над ним организацию деятельности по усвоению лексики» (Залевская 1971, 57).

Как отмечает А.А. Залевская, билингвизм не является результатом перекрещивания двух разноязычных структур, но представляет собой сложный механизм с особыми взаимосвязями элементов в языковых процессах. Языковые связи в сознании билингва закрепляются в зависимости *от языкового опыта, полученного на данном языке*, и ассоциативное вербальное поведение билингва зависит и от структуры определенного языка.

Изучая языковое сознание формирующегося искусственного билингва, мы пытаемся проанализировать, какие когнитивные механизмы участвуют в процессах формирования и переструктурирования моделей фрагментов картины мира.

Выводы

В связи с поставленной целью - исследовать структуры языкового сознания индивида в ситуации учебного билингвизма (с учетом фактора влияния профессиональной деятельности на организацию этих структур) - мы рассматриваем проблему реконструкции языкового сознания как часть общей проблемы связи языка и мышления.

Сложность использования понятия «языковое сознание» связана с неоднозначностью его трактовки и понимания. Во-первых, одни авторы дают определение феномену, другие - модели описания феномена. Во-вторых, даже один и тот же автор в одном определении может говорить и о модели, и о самом явлении.

Термин «языковое сознание» удобен тем, что с его помощью можно анализировать содержательные стороны сознания, связанные с языком: как с родным, так и с изучаемым.

Когнитивные структуры являются единицами языкового сознания (феномен). В исследовательском плане под единицей языкового сознания нами понимается обобщенная величина. Границы объема данного понятия определяются семным набором конвенционального лексического значения языкового знака и разницей между ним и тем смысловым содержанием, который представляет говорящий и опознает воспринимающий.

Одним из основных *компонентов содержания сознания* и разновидностью когнитивных структур является *концепт*. Концепт - это некий образ фрагмента мира или части такого фрагмента, который имеет сложную структуру представления, реализуемую различными языковыми средствами. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В концепте заключаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры.

Концепты - это не пассивные инструменты или средства дескрипции, используемые сознанием, а спонтанно функционирующие в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовые образования динамического характера, подчиняющиеся закономерностям психической жизни человека. Языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта.

Мы полагаем, что элементы научного и наивного, общеязыкового и профессионального языкового сознания тесно переплетены между собой в сознании человека. Наша задача состоит в том, чтобы реконструировать фрагменты языкового сознания с выявлением основных вербальных компонентов, присущих модели концепта в общеязыковом сознании и профессиональном языковом сознании. Именно при реконструкции, в модели мы будем противопоставлять друг другу эти понятия. Под *универсальным языковым сознанием мы будем понимать психолингвистическую модель*, построенную по определенным параметрам. Параметром для построения данной модели является сущностное определение самого языкового сознания как системы «образов сознания различной психической модальности, которые доступны наблюдению и описанию по своим внешнителям» (Тарасов 2000, 26).

Одним из важнейших компонентов языкового сознания являются знания. Виды знаний соотносятся с «блоками» концептуальной картины мира индивида:

универсальным, общенациональным, научным, профессиональным, наивным, индивидуальным. Несмотря на условное разграничение исследователями знаний (Ю.Н. Караулов) для описания модели, при описании феномена указывается на неразрывность всех знаний в сознании индивида (С.Д. Кацнельсон). Содержание профессиональной деятельности накладывает определенный отпечаток на информационные структуры, которые отражают знания и опыт человека.

Под **профессиональным языковым сознанием** мы будем понимать **психолингвистическую модель, реконструирующую систему основных образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью профессионально ориентированных языковых средств.**

Принадлежность к одной профессиональной группе проявляется и в таких компонентах сознания индивидов, как стереотипы. С точки зрения содержания, **стереотип** - фрагмент картины мира, существующий в сознании, образ-представление, ментальная «картинка», устойчивое, минимизированное инвариантное обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете и ситуации (Красных 2002). **Профессиональным стереотипом** можно назвать устойчивые когнитивные структуры, отражающие мнения, впечатления, представления об определенных фрагментах действительности, совпадающие у представителей одной и той же профессиональной группы или смежных профессиональных групп, связанные с профессионально ориентированной лексикой.

При изучении проблем, связанных с **языковым сознанием билингва**, следует учитывать влияние инокультурной концептуализации действительности на структуры сознания индивида. Под языковым сознанием монолингва нами понимается система всех образов сознания индивида, овнешняемых единицами одного (родного) языка. Языковое сознание искусственного билингва нами понимается как система всех образов сознания индивида, овнешняемых единицами неродного языка, освоенными в ситуации обучения.

Актуальным остается вопрос о том, сколько концептов, репрезентированных средствами родного и изучаемого языков (словами-коррелятами), формируется в сознании билингва. Мы предполагаем, что в условиях естественного билингвизма индивид может использовать автономные «концептуальные источники» и может

иметь место интерференция. Что касается искусственной билингвальной ситуации, то здесь главным будут явления наложения, пересечения смысловых полей одного и того же концепта.

Исследуя языковое сознание формирующегося билингва-будущего юриста, следует принять во внимание два главных аспекта. Во-первых, единицы содержания языкового сознания, связанные с изучаемым языком, зависят от всей имеющейся информации, отражающей предшествующий опыт индивида. Таким образом, могут актуализироваться компоненты концепта, связанные с (будущей) профессиональной деятельностью индивида. Во-вторых, структура концепта, представленного средствами изучаемого языка, будет подвергаться влиянию профессионально ориентированной лексики, усвоенной в учебной билингвальной ситуации. В этом случае большая роль при актуализации тех или иных компонентов концепта может принадлежать языковым репрезентантам, функционирующим в учебном контексте.

ГЛАВА 2. АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ СТРУКТУР СОЗНАНИЯ

2.1. Роль ассоциативного эксперимента в психолингвистике

Психолингвистические эксперименты в наибольшей степени приближены к реальному мышлению и позволяют судить о конвенционально обусловленных и о специфических связях языковой единицы в индивидуальном сознании. Психолингвистический эксперимент помогает обнаруживать специфику процессов категоризации и идентификации через типичные примеры и признаки в языке носителей разных культур.

Наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики является ассоциативный эксперимент. Испытуемому предлагается ответить на список слов-стимулов первыми приходящими на ум словами (Белянин 2003). Ассоциативный эксперимент - это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. В психологическом словаре ассоциативный эксперимент определяется как «особый метод исследования мотивации личности» (ПС, 26). Ассоциативный эксперимент позволяет выяснить, как устроены фрагменты языкового сознания у носителей языка.

Целью ассоциативных экспериментов, проводившихся в 19в, в нач.20 века, было выяснение *общих закономерностей ассоциативного процесса*, задачей было найти оптимальную процедуру его проведения. Экспериментаторы хотели выяснить, по каким параметрам реакции испытуемых будут отличаться друг от друга, для чего применялись разнообразные их классификации, которые в основном связывались с психофизиологическими особенностями личности, существованием трех типов психики. При разработке классификационных принципов отсутствовали четкие критерии отнесения реакций к определенному виду. Как отмечает А.А. Залевская, наблюдалось смешение логических, лингвистических и психологических классификационных оснований (Залевская 1978). Одним из контрольных параметров в этих экспериментах являлось время реакции. В то время ставилась проблема связи между ассоциативным поведением испытуемых и его как индивидуальными психофизиологическими характеристиками, так и принадлежностью к определенной социальной группе.

Выяснилось, что на ассоциации могут влиять как условия эксперимента, так и слова-стимулы, вызывающие определенные «грамматические реакции».

Виды ассоциативных экспериментов

Существует несколько разновидностей ассоциативного эксперимента: 1) *свободный* ассоциативный эксперимент (не ставится никаких ограничений на реакции); 2) *направленный* ассоциативный эксперимент (испытуемому предлагается давать ассоциации определенного грамматического или семантического класса); 3) *цепочечный/цепной* ассоциативный эксперимент (испытуемому предлагается реагировать на стимул несколькими ассоциациями).

Некоторые авторы (А.А. Леонтьев) считают цепной ассоциативный эксперимент разновидностью свободного, а направленный ассоциативный эксперимент в терминологии А.А. Леонтьева называется *контролируемым* (САНРЯ, 5-6). Иногда ассоциативные цепные эксперименты называются *экспериментами с продолжающейся реакцией* (САНРЯ, 18).

Каждый из ассоциативных экспериментов имеет свои ***достоинства и недостатки***. Направленный ассоциативный эксперимент значительно ограничивает свободу процесса ассоциирования и как бы «направляет» ассоциации в нужное русло исследовательской задачи. «Направленность» эксперимента и наложение некоторых рамок на процесс ассоциирования могут серьезно уменьшать валидность результатов, полученных в этих экспериментах, и исказить реальную картину собственно протекания ассоциативного процесса. Главным преимуществом ассоциативного эксперимента является его простота, удобство применения, поскольку его можно проводить с большой группой испытуемых одновременно. Испытуемые работают со значением слова в «режиме употребления», что позволяет выделять некоторые неосознаваемые компоненты значения.

Результаты проведенных А.Н. Леонтьевым экспериментов привели его к мысли, что «данные экспериментов не позволяют рассматривать ассоциативный ряд как простую сумму отдельных ассоциаций». В результате исследования автор вынужден признать наличие сложного взаимодействия отдельных моментов ассоциативного процесса, которые превращают ассоциативные ряды в некие *единства, понимание которых возможно лишь на основе специального анализа их*

общих структур (Леонтьев 1983, 53). Эксперименты, проведенные А.Н. Леонтьевым, показали, что при определенных условиях эксперимента в зависимости от типа раздражителя, повторения эксперимента, темпа ассоциирования и прочего реакции цепного ряда могут приобретать ряд свойств. С формальной стороны могут изменяться интервалы ряда. С содержательной стороны ассоциации становятся глубже, наблюдается их скачкообразность (Леонтьев 1983, 57). Анализ динамики структуры ассоциативного ряда, по мнению А.Н. Леонтьева, помогает понять, что лежит в основе интеллектуальных процессов мышления.

Цели экспериментов. Ассоциативный эксперимент может служить полезным источником информации о степени актуальности различных лексико-семантических вариантов одного и того же слова для исследуемой группы людей (Залевская 1979). А.А. Леонтьев писал, что «если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертоны», - без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент ...» (Леонтьев 1977, 14).

Метод свободного ассоциативного эксперимента заключается в том, что испытуемый как можно быстрее отвечает первым пришедшим в голову словом (реакцией) в ответ на предъявленное слово-стимул. Свободный ассоциативный эксперимент является самым простым из всех ассоциативных экспериментов, и в то же время весьма эффективным. При проведении ассоциативного эксперимента регистрируется тип реакции, частота однотипных ассоциаций, величина латентных периодов, поведенческие и физиологические реакции и пр. По характеру этих сведений «можно судить о скрытых влечениях и «аффективных комплексах» испытуемого, его установках» (ПС, 26), о его социально-биографических данных. Считается, что на ассоциации, полученные в свободном ассоциативном эксперименте, влияют «лингвистический» фактор (определенные характеристики самого слова-стимула) и «прагматический» (влияние личности самого испытуемого) (САНРЯ, 7). Е.И. Горошко добавляет к этим двум факторам еще один - условия проведения самого эксперимента (Горошко 2001).

Результаты ассоциативного эксперимента отражают универсальные когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, и индивидуальные особенности испытуемых, содержание их личностных смыслов, т.е. позволяют получать знание о специфике этнического/профессионального сознания.

Один из способов изучения системности образа мира по материалам ассоциативного эксперимента - выявление ядра языкового сознания, т.е. тех единиц семантической сети, которые имеют наибольшее число связей с другими единицами данной семантической сети. На основе данных ассоциативных экспериментов создаются ассоциативные словари (тезаурусы). Содержание и смысл материалов ассоциативных словарей продолжает анализироваться и изучаться в связи с самыми разными направлениями психолингвистических (и лингвистических) исследований. И, прежде всего, с проблемами языкового сознания, образа мира, межкультурного общения.

Есть много возможностей интерпретировать результаты ассоциативного эксперимента.

Проблема классификации ассоциаций.

Проблема классификации ассоциаций существует столько же, сколько и сама теория ассоциаций, так как при работе с ассоциативным материалом всегда возникает проблема его дифференциации.

Выбор основания классификации определяется теми целями и задачами, которые ставит перед собой исследователь, использующий методику ассоциативного эксперимента.

В середине 60-х гг. стали появляться классификации, основанные на семантических принципах. В классификационные принципы стали вводиться параметры «эмоциональность», «семантический дифференциал», «принадлежность к грамматическому классу», «моно/полисемантность» и др. По мнению А.А. Залевской, все эти вновь введенные параметры все же были зависимыми переменными, а в качестве основных классификационных оснований выступали законы группировки ассоциаций по смежности, контрасту и сходству (Залевская 1994). В это время возникает и иное направление изучения свободных вербальных ассоциаций, рассматривающее связь между стимулом и реакцией как отражение глубинных моделей отношений, т.е. как результат функционирования внутренней

структуры (Deese). В 70-е гг. появляется и представление об ассоциативной паре как акте предикации, т.е свернутом высказывании, которое можно развернуть в соответствии с закономерностями ассоциативного процесса.

Проблема классификации ассоциаций непосредственно связана с определением сущности ассоциативной связи.

По мнению А.А. Залевской, при возникновении ассоциативной связи происходит идентификация стимула как значимой единицы, которая выступает и как *имя* объекта, и как имя *объекта* при фактическом слиянии того и другого в языковом сознании индивида. Ученая считает, что это происходит в силу того, что при взаимодействии языковых и энциклопедических знаний человека ассоциативный процесс может идти по линии актуализации знаний об окружающем мире при некотором опаздывании в формально-грамматическом согласовании языковых единиц - стимула и реакции. То же самое может происходить и в случаях, когда ассоциативная связь актуализируется по линии языковых знаний, но при этом все внимание индивида сосредоточивается на значениях вступающих в связь слов, а не на их формах (Залевская 1994).

А.А. Залевская считает, что «ассоциативный процесс предполагает актуализацию связей на базе специфических форм репрезентации языковых и энциклопедических знаний, свободных от ограничений формального характера, налагаемых на отношения между словоформами» (Залевская 1994).

Главной проблемой, по мнению А.А. Залевской, является выявление глубинных оснований для связи между стимулом и реакцией.

А.А. Залевская считает, что ассоциативное поле членится, прежде всего, по функциональному признаку. Фундаментальной основой для возникновения ассоциативной связи «является включение исходного слова в триединый контекст внутреннего лексикона - во взаимопересекающиеся системы когнитивных, эмотивных и языковых ориентиров, вне которых слово не может функционировать в индивидуальном сознании» (Залевская 1994, 11).

В качестве наиболее общих типов ассоциаций выделяют ассоциации, обусловленные мысленными образами и другими факторами, в противопоставлении их ассоциациям «чисто вербальным» (Galton 1880), и постулируют внешние (т.е. отражающие ранее воспринятые отношения)

ассоциации в отличие от внутренних, зависящих от мыслительных процессов самого индивида (Wundt 1883) или ассоциации, возникающие независимо от суждений, в противовес ассоциациям, являющимся результатами суждений (Ziehen 1898).

Не весь экспериментальный материал вписывается в предлагаемые классификации, вводятся дополнительные общие типы ассоциативных связей. Психоаналитики К. Юнг и Ф. Рилкин ввели фактор эмоциональной оценки (Jung, Rilkin, 1919).

Ч. Осгуд (Osgood 1953) дал трактовку разграничения ассоциаций по созвучию и по значению. Реакции, которые могут интерпретироваться как семантически связанные с исходным словом, как отмечает Ч. Осгуд, «обуславливаются сходством значения ассоциата и исходного слова, сходством контекстов, в которых они оба встречаются, или сходством с точки зрения некоторых иерархических отношений, в которые они вступают». Ч. Осгуд считает, что почти все ассоциативные реакции можно рассматривать как те или иные проявления либо подобия, либо контраста. Высокочастотные антонимичные ассоциативные реакции типа (*good - bad, man - woman*) и реакции завершения (*foot - ball*) не опосредованы осознанием слова-стимула, их появление обусловлено исключительно речевым навыком.

Выделяют ассоциации парадигматические и синтагматические (Jakobson 1959). **Синтагматическими** ассоциациями называются слова-ассоциаты, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула. **Парадигматические** ассоциации представляют собой слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы. Они подчиняются принципу «минимального контраста», согласно которому чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе. Этот принцип объясняет, почему по характеру ассоциаций можно восстановить семантический состав слова-стимула: множество ассоциаций, выданных на слово, содержит ряд признаков, аналогичных содержащимся в слове-стимуле. Носителю языка по реакциям можно достаточно легко восстанавливать стимулы.

Выделяют родо-видовые отношения, реакции, имеющие фонетическое сходство со стимулом, клишированные и личные.

Классификация, разработанная А.Р. Лурия (1928, 1930), имеет четкую иерархическую организацию.

Н.А. Гасица выделяет два разных типа ассоциаций - ассоциаций, имеющих *когнитивную* направленность, и ассоциаций, имеющих *коммуникативную* направленность (Гасица 1990). И.Г. Овчинникова выделяет три типа ассоциаций: синтагматические, парадигматические и тематические (Овчинникова 1994, 76).

Представленные выше классификации ассоциаций базируются на различных принципах. До 20в. при построении классификаций исходили из логических, психологических или лингвистических принципов. В 20в. с возникновением психолингвистики большая группа классификаций базируется на психолингвистических принципах, учитывая широкое распространение межкультурных сопоставительных исследований, появились классификации, основанные на когнитивных и других культурологических принципах, которые прошли успешную апробацию и повлияли на результаты межкультурных описаний особенностей языкового сознания и реалий различных культур.

Проблема классификации ассоциаций непосредственно связана с определением сущности ассоциативной связи. Очевидно, что процессы актуализации ассоциации, происходящие во время проведения свободного ассоциативного эксперимента не могут быть описаны однозначно лингвистическими, логическими, психолингвистическими или философскими категориями. Реакции, полученные в ассоциативном эксперименте, являются индивидуальными в своей конкретности, и универсальными как принцип связи между стимулом и реакцией, и как тип ассоциирования.

В своей работе мы классифицировали экспериментальные данные на основании принадлежности слова-ассоциата к предметно-понятийному или эмоционально-оценочному компоненту концепта, субъектно-объектных отношений слова-стимула и слова-ассоциата, по тематическому принципу.

2.2. Ассоциации как инструмент анализа языкового сознания

Изучение ассоциаций имеет давнюю научную традицию. В течение многих

веков они были объектом изучения философов, психологов, лингвистов.

Платон упоминал о случаях припоминания по сходству и смежности. Аристотель считал образы, возникающие без видимой внешней причины, продуктами ассоциаций. Р. Декарт изучал ассоциации для понимания процессов овладения своими страстями. Б. Спиноза изучал ассоциации для того, чтобы объяснить особенности «движения мысли». Т. Гоббс создал систему механистической психологии, где элементы сознания взаимодействуют на основе механистических по своей сути связей, которые впоследствии назовут ассоциациями. В 18 веке Д. Гартли разработал учение об ассоциациях в рамках механистического материализма. Д. Гартли выводил все психические проявления, включая мышление и волю, из общих законов ассоциации, имеющих своим основанием воздействие материальных процессов на нервную систему. Д. Гартли полагал, что внешние объекты, действуя на наши органы чувств, вызывают колебательные движения мельчайших частиц нервов и мозга. Вибрациям соответствуют ощущения и идеи. Повторение конкретной вибрации вызывает связанные с ней вибрации частиц мозга. Сам процесс Д. Гартли и назвал ассоциацией (ПС, 26).

Сам термин «ассоциация» в научную парадигму был введен Дж. Локком. Он полагал, что путем образования сложных идей посредством ассоциаций образуются достаточно случайные, произвольные объединения идей. Представители субъективно-идеалистического направления в ассоциативной психологии (Д. Беркли, Д. Юм, Т. Браун) считали ассоциации формами взаимосвязи явлений замкнутого в себе сознания. Согласно Д. Юму, ассоциации являются объяснительным принципом всей познавательной сферы психики. Д. Юм доказывал, что все образования сознания и объекты внешнего мира есть «пучки идей», объединенных ассоциациями. Он также объяснял упорядочивание ассоциаций внутренней причинной связью явлений сознания (цит. по: Горошко 2001, 12). А. Бэн и Г. Спенсер разработали учение об ассоциациях как определенной системе психологической науки. В конце 19 века намечается кризис теоретического ассоцианизма, но в то же время разрабатываются его практические и экспериментальные методы. Предпринимаются попытки рассмотреть ассоциации в биологическом аспекте. В экспериментальных исследованиях идеи ассоцианизма

используются для объяснения законов памяти (Г. Эббингауз), для диагностики патологических изменений психики (Э. Крепелин, Э. Бейлер), для исследования мотивации (З. Фрейд). Г. Эббингауз одним из первых стал применять экспериментальные методы для исследования деятельности высших психических функций.

Развитие ассоциативной психологии в России связано с именами И.М. Сеченова и И.П. Павлова. И.М. Сеченов в созданной им рефлекторной теории описал психологические основы ассоциации и ввел это понятие в систему материалистически ориентированного психологического знания (Сеченов 1953). Физиологические механизмы ассоциации исследовались в школе И.П. Павлова, который объяснял ассоциации по смежности во времени и пространстве образованием условных рефлексов, а ассоциации по сходству - их генерализацией. И.П. Павлов ввел понятие «подкрепление» для объяснения избирательного образования ассоциации и представления о сложных системах ассоциаций, обладающих динамическими характеристиками. Он считал, что основой всех видов ассоциаций являются временные нервные связи. И.П. Павлов экспериментально установил, что ассоциации легко затормаживаются и угасают без соответствующей биологической или социальной опоры условно-рефлекторной связи (Павлов 1949).

В 20 веке становится общепризнанной мысль о том, что «ассоциация - это вообще не столько «механизм», сколько явление, - конечно, фундаментальное, - которое само требует объяснения и раскрытия его механизмов» (ПС, 26).

Впервые об ассоциациях в языке заговорил В. фон Гумбольдт. Ф.де Соссюр считал, что «все, в чем выражено данное состояние языка, надо уметь свести к теории синтагм и к теории ассоциаций» (Соссюр 1977, 155).

В отечественном языкознании А.А. Потебня развил идею о слове как форме мысли и выделил внутреннюю форму слова. Внутренняя форма слова может быть охарактеризована, по А.А. Потебне, как «ассоциация данного объекта с некоторым другим объектом по одному ведущему признаку» (Потебня 1892). О важности вербальных ассоциаций говорил и Н.В. Крушевский. Ученый исследовал проблему слова и описывал овладение словарным составом языка через ассоциативные связи данного слова. Н.В. Крушевский указывал на необходимость ассоциативного подхода к проблеме значения.

Философов, психологов и лингвистов ассоциации интересовали и интересуют с разных точек зрения. Философы занимаются изучением не вербальных ассоциаций, а «ассоциаций идей»; психологам интересен практический подход и использование ассоциаций в психодиагностике и психиатрии. Интерес к проблеме ассоциаций у лингвистов был обусловлен прежде всего тем, что в них отражаются существенные черты значения слова.

И психологи, и лингвисты, и философы могли бы согласиться с тем, что существует много видов ассоциаций, которые отражают процессы, происходящие в глубинных слоях человеческой психики.

Лингвисты же впервые высказали предположение о том, что изучение многообразия ассоциаций и их связей позволяет делать выводы о соотношении субъективной реальности, т.е. смысла, связанного со словом в сознании человека, и «объективного конструкта» картины мира в его сознании.

Рассмотрим подходы к интерпретации ассоциаций с психологической и психолингвистической точек зрения.

До публикации У. Баусфилда (Bousfield 1953) ассоциации трактовались как отражение следования элементов в прошлом опыте индивида. У. Баусфилд подчеркивает существенную особенность ассоциаций, на которую ранее не обращали внимания, а именно на их *структурированность и взаимосвязь*. У. Баусфилд обнаружил, что в ходе свободного воспроизведения вербального материала испытуемые перегруппируют его, объединяя элементы, относящиеся к одной категории. У. Баусфилд объяснил это опосредованием через категорию (Bousfield 1953). Дж. Диз полагает, что если продолжить мысль У. Баусфилда, то сами категории могут оказаться членами некоторой суперсистемы, что это приведет к схеме внутренней организации элементов, имеющей вид разветвляющейся иерархической классификации, и переход от одной подсистемы к другой может осуществляться не прямо, а через более высокий (суперординантный) уровень (Deese 1965). При ассоциировании одного из элементов некоторой категории с каким-то новым элементом этот новый элемент оказывается в равной мере ассоциированным и с другими членами той же категории, поскольку благодаря первоначально установленной связи он станет одним из координированных членов существующей системы. Наилучшим

средством исследования таких глубинных структур Дж. Диз считает свободные ассоциации, поскольку они наименее зависимы от контекста и в то же время коренным образом связаны со значением слова (Deese 1965).

При разработке нового метода анализа ассоциаций Дж. Диз исходил из необходимости применения такой процедуры, которая обеспечила бы классификацию ассоциаций, вытекающую из специфики самого ассоциативного процесса. Поскольку ассоциативное значение некоторого слова-стимула выявляется через дистрибуцию полученных на это слово ассоциативных реакций, общность ассоциативного значения двух слов-стимулов должна определяться посредством установления степени общности дистрибуций реакций и будет зависеть от встречаемости общих элементов в сопоставляемых дистрибуциях (Deese 1965). Особый интерес представляют не сами пересечения таких дистрибуций, а *глубинные модели отношений, которые за ними скрываются*. Обнаружить эти базисные структуры отношений внутри групп слов позволяет факторный анализ, применяемый с учетом принадлежности исследуемых слов к определенному грамматическому классу. В результате исследований Дж. Диз сформулировал два новых закона ассоциаций: 1) элементы являются ассоциативно связанными, когда они могут быть противопоставлены специфичным образом; 2) элементы являются ассоциативно связанными, когда их можно группировать на основании двух или более общих характеристик (Deese 1965).

Дж. Диз рассматривал ассоциативную связь как индикатор глубинной структуры лексикона и разработал метод исследования, способный вскрыть эту структуру. Ученый попытался объяснить формирование внутренней системы отношений с учетом влияния речевого опыта индивида. Очень важно, что Дж. Диз считает ассоциативную структуру одной из составляющих группы высокоорганизованных процессов, обеспечивающих познавательную деятельность человека (Deese 1965). Дж. Диз впервые экспериментальным путем установил и описал семантические и ассоциативные характеристики слова. Объектом изучения Дж. Диза стали «сети» (пучки) ассоциируемых слов, а не отдельные реакции на слово. Эти слова, служащие друг для друга стимулами и реакциями и вызывающие появление новых ассоциаций уже в виде реакции.

Дж. Диз подготовил ассоциативный словарь, который, по его представлению,

является когнитивным словарем нового типа, способным показать, каким образом «мысль отражается в языке». Дж. Диз предвосхитил обращение к идеям глубинной когнитивной структуры, распространения активизации по сети связи, кластерного принципа объединения значений. Итак, в работе «Структура ассоциаций в языке и мысли» (1965) Дж. Дизом были заложены основы развития многих современных гипотез организации семантической памяти.

Н.И. Жинкин рассматривает ассоциацию как физиологический механизм, запоминающий язык.

«Ассоциации - это психическая реальность...» (Ломов 1984, 111). Можно сказать, что «индивидуальная память человека - это хранилище ассоциаций» (Лебедев 1990, 106). Но память человека - это не склад индивидуальных следов, дублирующих события внешнего мира, а творческий процесс конструирования этих событий.

А.А. Залевская отмечает важность исследования принципа/механизма ассоциирования. Данный принцип дает человеку возможность связать многие, казалось бы, не имеющие отношения друг к другу объекты по огромному разнообразию оснований на разных уровнях единой перцептивно-когнитивно-аффективной системы (памяти) (Залевская 2000, 55).

Ассоциации представляют собой достояние носителя языка. А.А. Залевская напоминает, что «...специфически лингвистические характеристики ассоциаций способны отразить только одну из сторон многопланового и многообразного ассоциативного процесса» (Залевская 2000, 15-16).

По мнению Т.А. Фесенко, языковое сознание включает в себя лингвокогнитивную компетенцию индивида, обеспечивающую стратегию поиска оптимальных вариантов вербализации, а также этнокультурно маркированную **ассоциативную компетенцию носителя языка**, благодаря которой осуществляется ассоциирование вербального материала с фрагментом реального мира и коммуникативной ситуацией (Фесенко 2002).

Ассоциативный характер человеческого языкового мышления результируется в вербальном установлении формальных и функциональных сходств, которые связывают предметы объективной и субъективной реальности. Когнитивные структуры связаны с различными невербальными ассоциациями, но эти связи

принципиально вербализуемы, что позволяет ассоциациям, вербальным и невербальным, участвовать в порождении смысла (Пищальникова 2001, 47). Таким образом, структура слова определяется соотношением внешней и внутренней формы. Внутренняя форма - это взаимодействие когнитивной структуры, образа звуковой оболочки, эмоции, вербальных ассоциаций и смысла. Внешняя и внутренняя формы в процессе речевого мышления могут находиться в самых разнообразных отношениях, что и проявляет принципиальную динамичность значения как когнитивной структуры и определяет эволюцию структуры слова. Схема демонстрирует, каким образом значение может одновременно входить и в мысль, и в речь. Схема предполагает включение в процесс мышления разных ментальных образований: образа, символа, знака.

И.Г. Овчинникова попыталась экспериментально подтвердить положение Дж. Миллера об ассоциативной паре как акте предикации и выявить типологию этих предикаций, а именно характеристики исходной пары «стимул-реакция», предопределяющие структуру и семантику развернутого на ее основе высказывания (Овчинникова 1994, 45).

Полученные экспериментальные данные доказали взаимозависимость ассоциативных процессов и структурирования высказывания, позволили выяснить характеристики исходной ассоциативной структуры, детерминирующей семантическую структуру развернутой на их основе расчлененной номинации. Основным фактором, влияющим на структурно-семантические особенности предложения, является тип исходной ассоциативной пары (Овчинникова 1994, 75-76). И.Г. Овчинникова считает, что тот факт, что структурно-семантические особенности предложения как более крупной номинации детерминированы типом исходной пары, говорит об объективности выделения основных типов ассоциаций (Овчинникова 1994, 76). Ученый выделяет три типа пар: **синтагматические, парадигматические и тематические**. В ассоциативной паре парадигматического типа, которая представляет две отдельные номинации, между стимулом и реакцией устанавливается сочинительная или предикативная связь, репрезентирующая логические отношения соположения, тождества и противопоставления. На основе этих логических конструкций строится синтаксическая основа предложения. Данные эксперимента показали, что парадигматическая пара ограничивает не

столько собственно семантику лексического состава, сколько его лексико-грамматические особенности. Таким образом, парадигматическая ассоциативная пара жестко детерминирует структуру предложения и слабо предопределяет его возможное лексическое наполнение. Синтагматические ассоциативные пары задают параметры развернутой номинации наименее жестко. Стимул и реакция в синтагматической ассоциативной паре обычно выступают в предложении как единая неоднословная номинация, как одна номинативная или предикативная единица. Функционирование этой пары в пределах одной синтагмы не определяет структуру предложения в целом и слабо ограничивает его лексический состав. При этом сочетание заданного стимула с синтагматического типа реакцией накладывают рамки на появление в предложении других реакций из ассоциативного поля, исключая наиболее частотные. Тематические ассоциативные пары выступают как своего рода ключевые слова. Стимул и реакция тематической ассоциативной пары представляют собой фрагмент некой более крупной номинации, а также задают параметры некоторой ситуации или множества ситуаций. Типологические особенности тематической пары не позволяют ей детерминировать структуру предложения, но довольно жестко ограничивают ее лексическое наполнение (Овчинникова 1994, 76-77).

В целом в исследованиях вербальных ассоциаций выделяются два подхода: *лексикоцентрический* и *текстоцентрический*. При первом подходе рассматриваются пары слов, полученные в свободном ассоциативном эксперименте, и основное внимание уделяется ядру ассоциативного поля. В этом подходе *слово* рассматривается как основная *единица лексикона*.

Представители *текстоцентрического* подхода считают стратегию построения «текста» вербальных ассоциаций одной из разновидностей стратегии построения целого текста (Андриевская 1971, Сахарный 1989, Овчинникова 1994). Такой подход основывается на выделении так называемых «текстов-примитивов», понимаемых как своего рода базисные структуры. Они являются «строительным материалом» при создании развернутых текстов. Стратегия построения «текста» вербальных ассоциаций рассматривается как одна из разновидностей стратегии построения текста-примитива вообще. При этом считается, что слова-реакции на самом деле представляют собой не только собственно слова-тексты, но и

фрагменты словосочетаний - и набор ключевых слов - текстов (Сахарный 1989, 144).

Ассоциации не существуют разрозненно (большинство современных исследователей доказывает это). Взаимосвязь ассоциаций в сознании индивида формирует определенным образом организованные участки. Им в лингвистическом описании соответствуют структуры ассоциативного поля.

2.3. Ассоциативное поле как средство анализа структур сознания индивида

Каждому полю в понятийной сфере соответствует в языке лексическое поле, состоящее из совокупности отдельных слов. Лексические поля покрывают соответствующие пространства понятийных полей, очерчивая тем самым их границы. Принадлежность слов к *понятийному полю*, т.е. их способность выражать определенный круг понятий, определяет состав *лексического поля*, которое выступает как самостоятельная единица и занимает промежуточное положение между системой языка в целом и отдельным словом. Самостоятельность таких единиц, по мнению Й. Трира, состоит в том, что отдельные слова не являются обособленными носителями смысла (Trier 1931). Каждое из них имеет смысл потому, что его имеют другие смежные с ним слова, входящие в поле. В связи с этим слушающий может понять отдельное слово, если в его сознании присутствует все поле словесных знаков. Иными словами, слово имеет значение только внутри целого поля и благодаря этому целому. *Семантические поля* объединяют слова по общности их значения, которая выражается центральным членом поля.

О. Духачек разделяет *словесные (лексические)* и *понятийные* поля. Ученым выделяются два типа лингвистических полей: *словесные* лингвистические поля (в них ядром является слово) и *понятийные* лингвистические поля (в них слова связаны только тем, что в своей семантике они содержат одно общее понятие - элементарное понятие, или несколько общих понятий - комплексное понятие.) Словесные поля: *морфологические* (омографы, омофоны, паронимы, и т.д.); *синтаксические* (синтагматические) - в которых связь с ядром осуществляется с

помощью ассоциаций, основанных на формальном или семантическом сходстве; *ассоциативные* (см. подроб. Босова 1997).

В своем исследовании мы реконструируем концепты на основе *смысловых, семантических* и *ассоциативных* полей. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть универсальные свойства полевой модели.

Л.М. Босова понимает под полевой структурой *объединение языковых элементов*, характеризующееся признаками языкового поля. Термином «поле» исследователь называет не группировку, а *принцип организации* группировки (Босова 1997). В процессе полевого структурирования раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, механизм этой связи и его закономерности, выявляются особенности языкового сознания, раскрываются его национально-специфические черты. Поле представляет собой одну из форм систематизации языкового материала (значений) в системе языка.

Любая полевая модель характеризуется следующими свойствами.

«Поле имеет особую структуру - ядро-периферия, - для которой характерна максимальная концентрация полнообразующих признаков в ядре и неполный набор этих признаков при возможном ослаблении их интенсивности на периферии» (Щур 1974, 4). Ядерные конститuentы наиболее специализированны для выполнения функций поля. Это обязательные конститuentы поля, они наиболее частотны и наиболее однозначно выполняют функцию поля. Граница между ядром и периферией, а также между зонами поля нечетка и размыта (Босова 1997).

Рассмотренные свойства поля - наличие отношений между его элементами; структура поля: *ядро-периферия; неравномерность, аттракция* - являются обязательными для любой полевой модели. Но будут и индивидуальные признаки. Например, семантическое поле, кроме указанных свойств, характеризуется взаимоопределяемостью или *взаимозаменяемостью* его элементов. Такие свойства семантического поля, как *связь между элементами, их упорядоченность, взаимоопределяемость* гарантируют его *целостность* и принципиальную *выделяемость*. Семантическое поле, по мнению О.С. Ахмановой, покрывает «частичку действительности», выделенную в человеческом

опыте и имеющую соответствие в данном языке в более или менее автономной микросистеме (Ахманова 1966, 334). В современном языкознании под **семантическим полем** понимают совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Семантическое поле характеризуется следующими *свойствами*: наличием семантических отношений между составляющими его словами; системным характером этих отношений; взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц; относительной автономностью поля; непрерывностью обозначения его смыслового пространства; взаимосвязью семантических полей в пределах всей лексической системы.

Неизменным параметром семантического поля можно назвать его неравномерность, которая проявляется в неоднородной структуре поля (Босова 1997, 115). Неоднородность структуры семантического поля как константный его признак и позволяет использовать это свойство при формировании смысловых полей. Практически это свойство выступает когнитивной базой при **формировании функциональных смысловых полей**.

Ассоциативным полем слова является совокупность *ассоциатов* на слово-стимул. Ассоциативное поле имеет *ядро* (наиболее частотные реакции) и *периферию* (единичные реакции). Различают *индивидуальное* ассоциативное поле и *коллективное*. Коллективное ассоциативное поле, выявленное в свободном ассоциативном эксперименте, обычно называют *ассоциативной нормой*.

Сам термин «ассоциативное поле» в лингвистический оборот был введен Шарлем Балли (Балли 1955).

В ассоциативных полях встречаются отношения, в основе которых лежит связанная со словом коннотативная информация. В связи с наличием у каждого человека помимо общекультурных еще и сугубо индивидуальных представлений, связанных с денотатом слова (индивидуальных ассоциаций), в ассоциативное поле лексемы у конкретного носителя языка попадает слово, семантическое отношение которого к слову-стимулу можно объяснить только на основе индивидуального жизненного опыта.

Описание ассоциативного значения слова не обходится без «обращения к абстрактным признакам модели ситуации» (Залевская, Каминская, Медведева, Рафикова 1998, 95). *Ассоциативное поле* слова рассматривается как *неполная схема выводных знаний, типичных и инвариантных* по своему характеру. В силу того что ассоциативное значение представляет собой некую область пересечения различных схем знаний, в этом поле отражаются: 1) схемы, которые описывают различные предметные ситуации и разные абстрактные модели этих ситуаций, определяемых в зависимости от позиции, занимаемой в данной модели идентифицируемым значением слова; 2) схемы, отображающие позиции мыслящего субъекта в ментальном пространстве разных ситуаций.

Особенности организации значения слова могут влиять на выбор слова как опорного элемента понимания в виде одной из его проекций (Залевская, Каминская, Медведева, Рафикова 1998, 96).

Школа А.А. Залевской проводит эксперименты по исследованию процессов формирования опорных элементов текста, анализирует ассоциативные структуры значения слов, изучает механизм стабилизации смыслового поля ключевого слова. «Ассоциативное поле слова построено таким образом, чтобы обеспечить пересечение смысловых пространств не только на уровне актуально идентифицируемой части поля, но также и на уровне зон перспективного развития, которые определяют области притяжения дополнительной информации» (Залевская, Каминская, Медведева, Рафикова 1998, 107). Это обеспечивается с помощью механизма стабилизации смыслового поля некоторой схемой знаний, задействованной в качестве опоры для построения проекции текста. Если в актуально идентифицированном поле значения слова отражен предметный аспект ситуации, то зону перспективного развития некоторых опорных элементов будет определять информация, касающаяся умственного аспекта ситуации, если же на уровне абстрактной признаковой модели ситуации идет заполнение некоторых слотов схемы, то в зоне перспективного развития будут идентифицированы другие позиции данной схемы (Залевская, Каминская, Медведева, Рафикова 1998, 107).

Исследователь строит гипотезу о *концентрическом строении ассоциативного поля слова, интегрирующего значения всех входящих с ним в связь слов*. По мнению

А.А. Залевской, все виды полей и связей между словами являются актуальными для организации лексикона.

Для определения различных аспектов плана содержания слова вводится понятие «ассоциативная структура слова». Состав и характер реакций в ассоциативных полях позволяют раскрыть существенные компоненты значений слова. Ассоциативная структура слова - это основные направления, по которым происходит ассоциирование слова в ходе эксперимента, это отношения, которые возникают между словом-стимулом и словами, образующими его ассоциативное поле.

Получаемые в результате свободных ассоциативных экспериментов ассоциативные структуры отражают семантику слова в ее сложности и единстве, определяют особенности словоупотребления, выявляют определенные компоненты значения слова. Как правило, число основных направлений ассоциирования, ветвей ассоциативной структуры, укладывается в рамках десяти. Основные направления ассоциирования выявляются уже в совокупности наиболее частых ассоциаций, составляющих ядро ассоциативного поля, развиваясь за пределами ассоциативного ядра за счет дополнительных, факультативных элементов каждой наметившейся ветви. Отдельные второстепенные ветви ассоциативной структуры не намечаются в ядре, а возникают в периферийных слоях ассоциативного поля (Титова 1977, 13).

По утверждению Е.И. Горошко, ассоциативная структура слова отражает структурированные определенным образом элементы ассоциативного поля (Горошко 2001).

Ассоциативное поле слова представляет собой самоорганизующуюся систему, поддерживающую необходимый уровень стабильности за счет хранения одной и той же информации в разных подсистемах одного и того же поля, благодаря чему она интегрируется в единицы различной степени сложности. Стабильность системы сохраняется и на уровне выводных знаний, поскольку разные подсистемы, активные в пределах одного и того же поля, приводят к получению соотносимых выводных знаний (Залевская 2005, 441).

В пределах одного ассоциативного поля слова пересекаются разные формы репрезентации знаний и их организации (Залевская 2005, 440).

Н.В. Рафикова под схемой знаний как одной из форм функционирования образа мира у индивида понимает *динамичное ментальное образование* той или иной степени обобщения, формирующееся на перцептивно-когнитивно-аффективной базе, конкретизируемое в зависимости от текущей ситуации и способное трансформироваться под воздействием ряда внешних и внутренних факторов. Под знаниями же понимаются все виды и формы хранения и функционирования продуктов взаимодействия индивида с окружающим его миром (Залевская, Каминская, Медведева, Рафикова 1998).

Ассоциативное поле помогает вскрыть те традиционные модели поведения, которые оказывают влияние на включение слова-стимула в данную систему связей, свойственных тому или иному социуму. В результате анализа данных ассоциативного эксперимента выявляется системность сознания, которая принадлежит коллективному бессознательному данного социума или этноса. Фиксация общей и специфической частей образов сознания детерминирует подход к формированию методики «межкультурного обучения» (Уфимцева 1998, 69).

Под *смысловым полем* слова мы вслед за Э.Е. Каминской понимаем «системное, словесно-образное интермодальное психическое образование, интегрирующее всю потенциальную совокупность связей данного слова у некоторого субъекта интерпретации, имеющее многоуровневое строение, находящееся в отношениях пересечения со смысловыми полями ... других слов рассматриваемого лексикона и в силу всего этого непосредственно участвующее в процессе актуализации необходимого сегмента многогранного предшествующего опыта индивида» (Каминская 1998, 49).

Э.Е. Каминская вводит понятие *проекции семантического поля* слова в индивидуальном сознании, обозначающее некоторую потенциальную величину, которая интегрирует все когда-либо существовавшие в проекции данного семантического поля слова вне/в зависимости от этнических, социальных, временных рамок, и понятие *реального семантического поля слова*, функционирующего во внутреннем контексте конкретного индивида. В дополнение к основным параметрам и характеристикам индивидуального знания, органически присущих **внутреннему контексту** (неосознаваемости/осознаваемости, невербальности/вербальности,

автоматичности/контролируемости, объемности, пластичности, функциональности и др.) (Залевская 2003), Э.Е. Каминская называет *триединство* как целостное функционирование перцептивного, когнитивного и аффективного аспектов предшествующего опыта человека; *постоянство* как неизменное присутствие некоторого смыслового континуума в качестве фона, предваряющего любое чувственное восприятие; *непрерывность* как саморазвитие единой информационной базы человека, построение новых концептуальных картин на основе уже имеющихся, с перестройкой как включаемого фрагмента знания, так и самой системы на разных уровнях ее организации. Совокупность таких характеристик внутреннего контекста во взаимодействии с социальными и личностными факторами объясняет, почему языковой знак, осмысленный относительно некоторой концептуальной системы и, возможно, получивший в ней более одной интерпретации, может казаться бессмысленным с позиции какого-то другого ментального пространства (Каминская 1998).

Широкая сеть ассоциативных связей, приводимых в возбуждение словом, *неоднозначна по своей энергетике*: наиболее «энергетичные» на момент восприятия связи группируются в некоторый «*фокус*», исходя из которого и вокруг строится все поле проекции как взаимно соотнесенное, замкнутое целое, которое отражает «*угол зрения*», принятый интерпретатором в момент речемыслительной деятельности. Это позволяет говорить о динамике центра и периферии фокусного ряда, зависящей от угла зрения, с изменением которого меняется и энергетика связей (Залевская 2005, 448).

2.4. Значение как когнитивный механизм и достояние сознания индивида: способы экспериментальной реконструкции

На наш взгляд, *лексическое значение* вербальной единицы, репрезентирующей концепт, может выступать основой вербального компонента концепта.

Исследуя концепт и лексическое значение, следует помнить о том, что существует два аспекта: концепт как модель и как феномен; лексическое значение как модель и как феномен.

А.А. Леонтьев указывает на важность исследования значения как процесса. Вслед за Л.С. Выготским А.А. Леонтьев подчеркивает, что «значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс, не система или совокупность

вещей, но динамическая иерархия процессов»; поскольку, по Л.С. Выготскому, «значение есть путь от мысли к слову», психологическую структуру значения следует искать «во внутренней структуре иерархии процессов психофизиологического порождения речевого высказывания» (Леонтьев 1971, 10-11).

С позиций логической когнитологии (Минский 1979, Скрегг 1983) значение понимается как устойчивая, но внутренне динамичная структура, реализующая определенный способ познания и дискретизованная определенным звуковым образом, который символизирует значение. Смысл связан с акустической оболочкой, вербальными и невербальными ассоциациями, мотивационно-эмоциональным компонентом (терминология В.А. Пищальниковой).

Как и в ситуации с терминами *сознание, языковое сознание, концепт*, мы рассмотрим толкование *лексического значения* как *феномена* и как *модели*. Как феномен лексическое значение - устойчивая структура познания, конвенционально связанная с устойчивой языковой единицей, принципиально динамичная при существовании в сознании индивида. Именно отсюда берется индивидуальный и интерсубъективный «смысловой набор», реализуемый в речи (речевых произведениях, текстах, дискурсах и пр.).

Как модель лексическое значение рассматривается специалистами. Устойчивую, многократно воспроизводимую часть *лексического значения* лексикографы отражают в виде структуры значения в словарях. Проводя семантический эксперимент, мы пытаемся «ухватить» фрагменты феномена и отразить в своей исследовательской модели, сравнивая с моделью других специалистов (в словаре!). Причем эксперимент никогда не дает всей системы значения, которая извлекалась из текстов и моделировалась как семемы и семантемы.

Лексическое значение слова - значение, присущее слову как лексеме; его содержание как предмета мысли, отражающее функционирование слова в языке; совокупность лексико-семантических вариантов.

Концепт включает в себя более глубинные и существенные свойства предмета или явления. Такие свойства представляют обобщенные признаки предмета или явления, которые считаются самыми важными и необходимыми для опознания

того, к чему они относятся. Признаки предмета или явления формируют структуру концепта. Структура концепта - совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета (явления). То, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира, и есть концепт (Павилёнис 1983).

А.А. Худяков полагает, что соотношение концепта и значения определяется их онтологическим статусом. «Концепты - явление мыслительное, основная форма осуществления понятийного мышления. Значение - феномен языковой. Формируясь на основе соответствующих концептов..., языковые значения конституируют десигнатную часть словесных знаков, носящих идиоэтнический характер и обусловленных типологическими особенностями конкретных языков» (Худяков 1996, 102-103).

По мнению Н.Ф. Алефиренко, характер соотношения языкового значения и концепта определяется типом номинации. В знаках первичной номинации значение стремится к понятию как своему пределу. Значение знаков вторичной номинации стремится к представлению, поэтому выражает художественный, а не познавательный концепт, как в первом случае (Алефиренко 1999).

В отношении таких номинативных единиц справедливо утверждение В.И. Карасика о том, что «концепт значительно шире, чем лексическое значение» (Карасик 1996, 6), реализующее лишь часть художественного концепта. Н.Ф. Алефиренко считает, что следует говорить о реализации в значении определенных признаков, образных потенций концепта. При восприятии значения слушающим происходит процесс декодирования с целью «схватить» сущность выражаемого концепта (Алефиренко 1999). В этом отношении концепт может «подменять» значения, облегчая тем самым взаимопонимание общающихся, так как снимаются различия в понимании значения (Лихачев 1993). «...В семантическом треугольнике *концепт* соотносится с *сигнификатом* значения, его центральная часть (ядро) образует интенционал - содержание понятия, а периферию - импликационал - ассоциативно-образный макрокомпонент значения, включающий различные коннотации» (Алефиренко 1999, 67).

Вербальное описание того, что лежит за *словом*, представляет собой *выводное знание*, обеспечиваемое соответствующими механизмами и построенное на базе

потенциального набора активируемых в памяти *репрезентаций* некоторых сущностей или событий (Damasio 1989).

Следует обратить особое внимание на специфику психолингвистической трактовки *слова* как *единицы речевой/языковой способности* человека - его индивидуального лексикона. Если в лингвистическом представлении о слове как единице абстрактной языковой системы его значение может быть представлено в виде набора конкретных компонентов, то значение слова как единицы индивидуального лексикона может быть охарактеризовано как *процесс* соотнесения идентифицируемой словоформы с некоторой совокупностью продуктов переработки чувственного и рационального, индивидуального и социального предшествующего опыта человека (Залевская, Медведева 2002, 31). Согласно концепции специфики индивидуального лексикона А.А. Залевской, «слово при его функционировании выполняет роль, сравнимую с ролью лазерного луча при считывании голограммы: оно делает доступным для человека определенный *условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира* во всем богатстве связей и отношений, полнота которых обеспечивается в разной мере осознаваемой опорой на прямые и/или опосредованные выводные знания и переживания разных видов» (Залевская 2002, 245).

Излагая концепцию психологической структуры значения, основы которой были заложены еще в трудах И.М. Сеченова, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и др., А.А. Леонтьев (1971, 8-11) отмечает, что такое представление о значении не сводит его к индивидуальному, субъективному значению. Объективируясь в слове, идеальная форма существования предметного мира включается в систему общественно выработанного знания и приобретает «относительную самостоятельность, как бы вычлняясь из психической деятельности индивида» (Рубинштейн 1958, 41). Тем не менее, такое объективное значение всегда преломляется через индивидуальное, субъективное.

А.А. Леонтьев указывает на важность исследования значения как процесса: «Значение как *психологический феномен* есть не вещь, но *процесс*, не система или совокупность вещей, но *динамическая* иерархия процессов» (Леонтьев 1971, 8). *Психологическую структуру* значения следует искать «во внутренней структуре

иерархии процессов психофизиологического порождения речевого высказывания» (Леонтьев 1971, 9).

Под психологическим значением А.Н. Леонтьев понимает «ставшее достоянием моего сознания (в большей или меньшей своей полноте и многосторонности) обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения как обобщенного «образа действия», норм поведения и т.п.» (Леонтьев 1972, 290).

На взаимодействие приобретаемых энциклопедических и языковых знаний с продуктами переработки разнородного (чувственного и рационального, индивидуального и социального) предшествующего опыта человека при усвоении слова, неразрывно связанным с формированием новых знаний об окружающем человека мире и об особенностях оперирования этим словом в речи, указывает А.А. Залевкая (Залевская 2005, 123). **Нейрофизиологический механизм** рассматриваемого явления может трактоваться в терминах динамических временных связей, основывающихся на общих (совпадающих) элементах соотносимых в уме объектов и являющихся продуктом аналитико-синтетической деятельности мозга (Бойко 1976). Поскольку динамические временные связи при их повторении переходят в замыкательные, **слово** становится **средоточием пучка связей**, прямо ведущих к продуктам многочисленных актов глубинной предикации (Залевская 2005, 123-124).

Как отмечает А.А. Залевская, значение слова не сводится к понятию. Трактовка значения слова как совокупности продуктов широкого набора актов глубинной предикации, включающего констатацию фактов сходства и различий по разным аспектам языковых и энциклопедических знаний, с учетом эмоциональных переживаний индивида и выработанных социумом норм и оценок, объясняет, по мнению А.А. Залевской, способность слова служить средством доступа к единому информационному тезаурусу человека, содействовать выходу говорящего или слушающего человека за пределы непосредственно сообщаемой или воспринимаемой информации. В экспериментальном материале А.А. Залевской обнаружены факты соотношения идентифицируемой словоформы с образом того или иного объекта, связываемыми таким объектом эмоциональными состояниями

и т.д. опознаваемое индивидом слово имплицитно включает более широкий круг продуктов актов глубинной предикации, чем тот, который описывается в рамках лексических пресуппозиций, выделяемых при лингвистическом анализе.

В.А. Пищальникова под значением предлагает понимать *когнитивный механизм языковой обработки индивидуального опыта* (Пищальникова 2001, 5). Автор подчеркивает, что если значение интерпретировать не только как стабильную структуру, но и как форму представления цельного понятийно-образного компонента отображенной действительности, то именно тогда можно выйти на содержание мышления как процесса. «Внутренняя взаимосвязь акустического образа, мотива, когнитивного способа категоризации и невербальных ассоциаций — это и есть значение как когнитивная структура, стабильно-нестабильная структура как основа смыслопорождения» (Пищальникова 2001, 19).

Вслед за В.А. Пищальниковой и Е.В. Лукашевич мы полагаем, что язык - "это порожденные мозгом человека вербально-познавательные структуры" (Пищальникова, Лукашевич 2001, 25). Данные структуры имеют стабильный характер и фиксируются в значении слова. Поиск и реконструкция верифицированных когнитивных структур позволяет выявить универсальные и уникальные явления познания и интерпретации предметного опыта, отраженные в языковой системе. В центре когнитивных исследований находится "наивное понятие", которое связано с фоновыми знаниями, внеязыковой ситуацией, процессом человеческого мышления и др. Как считает Е.С. Кубрякова, "... само значение определяется как *когнитивный феномен*, а любые данные об этом феномене - как проливающие свет на структуры сознания, их "форматы" и внутреннее устройство" (Кубрякова 1994, 37). Автор полагает, что "наиболее существенные представления нашего мозга формируют наше сознание и репрезентируют структуры сознания с помощью языковых знаков" (Там же).

H.R. Pollio акцентирует внимание на коннотативном значении слова, на лежащей за словом единой вербально-когнитивной структуре; J. Anglin указывает на то, что слова являются средством организации опыта с целью сделать его доступным для осмысления, а набор ассоциируемых со словом признаков репрезентирует большую часть его значения (Anglin, 1970).

На многослойность значения указывают многие исследователи. Среди обязательных компонентов лексического значения называют денотативный и сигнификативный; факультативными компонентами - коннотативный (эмотивный), этнокультурный, структурный (парадигматический и синтагматический) (Комлев 1969, Гак 1971, Новиков 1982, Кобозева 2000). Г.Н. Складарская характеризует прагматический компонент как «типизированный (социально закреплённый и единый для всех говорящих) элемент содержания лексического значения, который в типовых речевых актах символизирует отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения и к адресату». В прагматическом компоненте она выделяет эксплицитные (коммуникативно-ситуационный и эмотивный) и имплицитные (когнитивный и идеологический) компоненты (Складарская 1993). По мнению В.В. Морковкина, «значение слова - сопряжённая с соответствующей материальной оболочкой **информация**, необходимая для правильного **использования** слова в собственной речи и восприятия чужих речевых произведений. Эта информация объединяет в себе абсолютную (толкование слова в одноязычных объяснительных словарях), относительную (локализация слова в лексико-семантическом пространстве языка) и сочетательную (способность сочетаться с другими словами) ценность слова» (Морковкин 1977).

Прагматический слой значения слова содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому словом объекту или к адресату сообщения, а также специфическую для данной лексемы информацию о тех речевых действиях, которые можно осуществлять с ее помощью (т.е. информацию о ее прагматических функциях). Соответствующая лексическая информация называется прагматической (Апресян 1988), коннотативной (Телия 1986), экспрессивной (Городецкий 1969), стилистической (Винокур 1990).

Как отмечает А.А. Залевская (Залевская 2005, 103), несмотря на то, что многие ученые признают ассоциативную природу разных типов или аспектов значения слова, некоторые авторы все же противопоставляют коннотативное, стилистическое, аффективное, рефлексивное и колокационное значения, ассоциативные по своему характеру, денотативному и тематическому значениям. Ассоциативное значение слова интерпретируется в лингвистике как элементарный («образно-ассоциативный») комплекс коннотативного макрокомпонента (Телия

1988, 199), как коннотация и информация, передаваемая словом (Климкова 1991), как «признак», уточняющий и изменяющий значение слова в высказывании, способный переходить в семы (Болотнова 1994, 12-13).

В современную научную парадигму понятие ассоциативного значения было введено Дж. Дизом. Психолингвист интерпретирует ассоциативное значение как наиболее адекватное психологической структуре значение, как «потенциальное распределение ответов на некоторое слово-стимул» (Deese 1965). Данное определение находится в рамках деятельностного подхода к слову как к единице общения. Этот подход актуален в коммуникативной лингвистике. Психологическая природа семантических компонентов значения определяется в концептуальных рамках этой теории как система противопоставлений слов в процессе их употребления в деятельности (САНРЯ, 11). Одним из первых, кто изучал психологическое значение слова, следует назвать А.А. Потебню. Он первым показал, что слово представляет собой не жесткую связь звуковой оболочки с закрепленным за ним значением как обобщенным отражением объективной действительности, а динамическое образование, в котором между «членораздельным звуком» и значением лежит «представление» («внутренняя форма») как признак, лежащий в основе обозначения, как способ означивания. Внутренняя форма является отношением мысли к сознанию, т.е. объективирует чувственный образ и обуславливает его осознание, и таким образом выступает как способ передачи знания (Потебня 1892).

А.А. Залевская подчеркивает, что, независимо от того, какой терминологией оперируют авторы исследований в области семантики, в материалах ассоциативных экспериментов всегда можно обнаружить соответствия примерам, которые приводятся в этих работах для иллюстрации выделяемых аспектов или компонентов значения. Каждый из таких аспектов или компонентов является актуальным для носителя лексикона и тем самым выступает в качестве одного из оснований для связи между единицами лексикона. С этой точки зрения, по мнению А.А. Залевской, должна быть пересмотрена типичная для лингвистических публикаций трактовка ассоциативного значения как дополнительного, несущественного, отождествляемого с коннотациями (Schlauch 1967, 75). Имеет место пересечение психологического и лингвистического терминов

«ассоциативное значение», но, как считает А.А. Залевская, точнее было бы говорить об *ассоциативной природе* любого аспекта *психологической структуры значения* слова, а с этой точки зрения неправомерно противопоставлять, например, коннотативное, стилистическое, аффективное, рефлексивное и коллокационное значения (как ассоциативные по своему характеру).

Признание ассоциативной природы любых проявлений того, что принято называть значением слова, ведет к трактовке *значения* как *процесса соотнесения идентифицируемой словоформы* с некоторой *совокупностью единиц глубинного яруса лексикона*, отражающей многогранный опыт взаимодействия индивида с окружающим его миром. Таким образом, слово в лексиконе человека представляет собой результат, продукт такого соотнесения. Подобная трактовка значения с позиций носителя лексикона согласуется с мнением о том, что *слово имеет значение не само по себе, а в силу того, что оно возбуждает определенные психические образы в сознании индивида* (Залевская 2005, 107).

Как полагает Н.С. Болотнова, в рамках деятельностного подхода к слову как единице коммуникации правомерно рассматривать ассоциативное значение слова как принадлежащее не только слову, а и *сознанию* коммуниканта, в силу того, что оно имеет лингвистическую основу и экстралингвистическую обусловленность (Болотнова 1994, 6). Поэтому «ассоциативное значение слова на уровне узуса можно интерпретировать как инвариантный ассоциативно-смысловой комплекс, закрепленный за словом в сознании коммуникантов и формирующийся не только на основе семантической структуры, грамматической оформленности, словообразовательной структуры, мотивационных связей и фонетических особенностей, но и имеющейся в обществе традиции употребления» (Болотнова 1994, 16).

Коммуникативный, деятельностный подход к значению слова связан с современными психологическими концепциями значения слова, так как «в основе значения слова лежит представление, которое не только включает в себе более или менее обобщенный детальный образ предмета, но и неизбежно содержит отношение к предмету. Это отношение и формирует тесную связь слова с говорящим и познающим субъектом» (Солганик 1987).

По мнению Н.С. Болотновой, *ассоциативное значение* слова имеет *комплексную, интегральную сущность и отражательный динамический характер*. При этом ассоциативное значение слова и коммуникативное как бы пересекаются, не совпадая только по параметру объективности/субъективности. Коммуникативное значение слова включает объективно закрепленный за ним квант знания, отраженный в словарях, и соотносится с «узуальным» ассоциативным значением. Последнее связано с ядерной, инвариантной зоной ассоциативного смыслового комплекса слова и проявляется в ядре ассоциативного поля. «Индивидуальное» ассоциативное значение слова коррелирует не только с ядерной, но и с периферийной зоной ассоциативно-смыслового комплекса слова и проявляется как в типовых, так и в уникальных ассоциациях (Болотнова 1994, 16).

Итак, понятие ассоциативного значения сформировалось в ходе поисков специфической внутренней структуры, глубинной модели связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление. Структура эта лежит в основе «когнитивной организации» многостороннего опыта человека и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова. Так, Дж. Кишу удалось через анализ ближайшего окружения слова выявить слова, содержащие некий общий «концептуальный компонент», а через глобальный анализ (анализ сети в целом) обнаружить группы (кластеры) слов, связанные знанием о том, что «бывает с чем» в окружающем нас мире и судить о силе установленных связей (Залевская 2000).

Ассоциативному значению как компоненту ассоциативно-вербальной сети также присуще свойство фиксировать и отражать психологически значимые для индивида связи и отношения.

Рассуждая об ассоциативном значении слова, следует отметить мнение А.А. Залевской о признании ассоциативной природы любых проявлений того, что принято называть значением слова. Именно *ассоциативной природе* любого аспекта *психологической структуры значения* слова уделяет она внимание, когда говорит об ассоциативном значении слова.

Как утверждает А.А. Залевская, специфику ассоциативного значения слова необходимо учитывать при рассмотрении динамики разнообразных опорных схем понимания текста (Залевская 1998, 92).

Слово как интегративный компонент смысла актуализирует всю структуру порождаемого содержания, в зависимости от целей смыслопорождения изменяя ее. Актуализируется практически безграничное поле ассоциативных связей с этим словом, причем как вербальных, так и авербальных, т.е. в процессе смыслопорождения участвуют не только в разной степени осознаваемые языковые единицы и ментальные компоненты, но и некие неосознаваемые компоненты, связанные с ментально-языковыми образованиями. Большую роль при этом могут играть и феномены, порожденные самим словом. Они развивают систему вербальных ассоциаций и определенным образом упорядочивают мир физических явлений, ведут к осознанию возможных связей между явлениями (признаками и отношениями), а следовательно, формируют определенную подсистему мнений в мышлении индивида. Рожденный из субъективной связи языковых единиц, феномен способен приобретать в вербальной деятельности объективное существование. Как справедливо замечает В.А. Пищальникова, в повседневной коммуникации речевая ситуация *исключает актуализацию всех компонентов* значения, реализуются лишь наиболее важные для индивида признаки, т.е. *личностный смысл* (Пищальникова 2001, 24).

Выводы

Вторая глава посвящена *ассоциативному характеру* исследуемых нами явлений: ассоциативному характеру когнитивных структур, ассоциативной природе лексического значения слова. Положения А.А. Залевской о структуре лексикона позволяют делать выводы о наличии в составе лексикона ассоциативных полей. Рассмотрены универсальные свойства поля, присущие любой полевой модели. Очерчены границы смыслового, ассоциативного и семантического поля.

Ассоциативный эксперимент служит ценным материалом для изучения психологических эквивалентов того, что в лингвистике называется семантическим полем, и вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов. Ассоциативный эксперимент выявляет и разные аспекты

значения, и набор валентностей исследуемого слова, и типичные заполнители этих валентностей.

В целом ассоциативный эксперимент является одним из наиболее эффективных способов реконструкции языкового сознания.

Для исследования профессионально и национально маркированных компонентов языкового сознания важно понимание следующих *функций слова* (выделяемых А.А. Залевской, но несколько измененных нами): 1) с помощью слова идентифицируется определенный фрагмент *предшествующего опыта индивида* в единстве его перцептивных, когнитивных и аффективных характеристик. Из этого следует, что вербальные ассоциации дают нам выход на индивидуальное знание, а значит, и на *индивидуальное языковое сознание*; 2) слово выступает как средство доступа к принятой в социуме системе значений как языковому знанию. Вербальные ассоциации определенной социальной/профессиональной группы дают нам выход на *профессиональное языковое сознание*. Таким образом, мы считаем возможным выявление с помощью ассоциативного эксперимента определенных специфических черт *фрагментов профессионального языкового сознания будущих юристов*.

С помощью анализа ассоциативных полей, реконструированных на основе вербальных ассоциаций респондентов, сопоставления их с семантическими полями возможно соотнести выделяемый фрагмент опыта с коллективным и научным знанием, зафиксированным в лексико-семантической системе языка. Тем самым становится возможной реконструкция концепта, которая бы соответствовала реальной ситуации в языке, отражая *современное* состояние актуальности тех или иных компонентов концепта. Ассоциативные поля, представляющие фрагменты языкового сознания будущего юриста, являются живым индикатором *актуальности компонентов концепта, мотивированных профессиональной деятельностью*.

Межязыковое сопоставление экспериментальных материалов позволяет выявить дополнительные параметры ассоциативных полей концептов, репрезентированных словами-коррелятами разных языков.

ГЛАВА 3. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР СОЗНАНИЯ, ВКЛЮЧАЮЩИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАКИ

3.1 Дефиниционный анализ когнитивных составляющих языкового сознания: аспект лексикографического описания семантики

С целью реконструкции семантических и смысловых полей нами предпринята попытка дефиниционного анализа лексем, вербально представляющих компоненты концептов «преступление» и «crime». Лексеммы были отобраны на основании их частой встречаемости в художественном тексте детективного жанра (Christie 1989, 2004, Poe 2001), в научной литературе (Daniel 1997, Kenney, Finckenauer 1995, Wasik, Gibbons, Redmayne 1999), а также высокого процента их содержания среди ассоциаций, данных будущими юристами в ходе предварительного этапа экспериментального исследования.

Были проанализированы лексеммы *преступление, преступник, подозреваемый, совершать, расследование (расследовать), арест (арестовать), наказание (наказывать), алиби, оружие, тайна* и их корреляты на английском языке: *crime, a criminal, a suspect, to commit, to investigate (investigation), to arrest (arrest), punishment (to punish), alibi, weapon, mystery*.

При реконструкции *семантических* и *смысловых* полей концептов в качестве материала использовались словари.

Структура концепта реконструировалась на основе лексем, входящих в дефиниции исследуемых компонентов концептов. Состав семантического поля воспроизводился с опорой на словарные дефиниции, а основой смыслового поля послужил контекст словарных статей.

Принадлежность к компонентам общеязыкового и профессионального языкового сознания определялась типом словарей: универсальные и юридические словари. В таблицах представлены модели концептов по данным словарей.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ / CRIME

Семантическое поле концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в русском профессиональном сознании представлено компонентами:

ДЕЯНИЕ (действие или бездействие)	нарушающее направленное против	ЗАКОННОСТЬ
его совершение может повлечь за собой		ПРАВОПОРЯДОК
НАКАЗАНИЕ		ЗАКОН, ПРАВО
(судебная, административная или уголовная ответственность)		ОБЩЕСТВО (социальная норма и организация её соблюдения)

В словарях представлена типичная лексико-предметная наполняемость концепта. Анализируя содержание словарных статей, можно предположить варианты возможных ассоциатов на слово-стимул «преступление». Предсказуемые ассоциации - нарушение(ать), совершение(ать), закон, законность, право, порядок, общество, наказание(ывать), ответственность. Важно, что **совершение** преступного деяния может повлечь за собой **ответственность, наказание**.

На основе лексико-семантического анализа *модель* концепта в общеязыковом сознании может быть представлена следующим образом: *преступник (и другие фигуранты), обвинение, мотив, место (преступления), улики, состав преступления, орудие преступления, деятельность правоохранительных органов, вид преступления*.

В преступлении агенс - преступник, пациенс - закон, норма, потерпевшая сторона, жертва. Преступление - это деяние противоправное. Совершить преступление - значит переступить черту, грань дозволенного. И семантика, и внешняя форма слова актуализируют негативный характер данного явления. Сравним синонимический ряд: **беззаконие, злодеяние, злоупотребление, правонарушение, злодейство, лиходейство** (Горбачевич 2001, 374). Все синонимы содержат негативно маркированные корневые или аффиксальные части.

Модель концепта **CRIME** на основе словарных дефиниций:

CRIME —	any act	contrary to	the public good
	a wrong	injurious to	the public
	illegal conduct	which breaks	law
	prosecutable (by the State)		

CRIME —	act	against	law
		punishable by	

CRIME —	an illegal act	if the accused is convicted	prosecution
	an unlawful act		severe punishment

Семантическое поле концепта **CRIME** в английском общеязыковом сознании представлено компонентами: противозаконность (there can be no crime without a law), *нарушение* закона, *наказуемость* преступления, *деятельность правоохранительных органов*.

В смысловом поле концепта **CRIME** в английском общеязыковом сознании отражены следующие компоненты: противозаконность, *нарушение* закона, *неизбежность наказания* (an illegal action or activity for which a person can be punished by law), *вина, субъект расследования* преступления (police).

Смыслы, репрезентирующие концепт **crime**, представлены в словарях следующими вербальными единицами - **to commit a serious crime; to prove smb guilty; It's the business of the police to prevent and detect crime and of the law courts to punish crime; there has been a 50% increase in crimes of violence**. В примерах к словарным статьям отражены следующие важные компоненты концепта: предотвращать, совершать, расследовать, доказывание вины, суд, наказывать, рост (преступности), уровень (преступности), волна (преступности), менее/более серьезные(тяжкие) преступления, жестокие преступления. В примерах к словарным статьям отражена стереотипная лексико-предметная наполняемость концепта. На материале словарей можно выявить предсказуемые ассоциации - break(s), injurious, unlawful, a wrong, illegal conduct, prosecute, prosecutable, prosecution, prosecutor, the public good, the public, law, illegal, the accused (фигурант), convicted, punish, (severe) punishment. В английских юридических словарях не просто совершение (преступления) влечет за собой наказание (уголовную ответственность), но после

предъявления обвинения. В связи с этим можно продолжить ряд предсказуемых ассоциаций - вина, обвинять, невиновность.

ПРЕСТУПНИК / A CRIMINAL

Модель концепта по данным словарей:

лицо, человек	ПРЕСТУПНИК	совершает/совершил преступление
злоумышленник, правонарушитель		осуждение

В смысловом поле концепта **ПРЕСТУПНИК** в русском *общеязыковом* сознании представлены такие компоненты, как: *деятельность* преступника (*преступление*), *действия органов судебной системы* в отношении преступника (*осуждение*), *тип* преступника (*злоумышленник, правонарушитель*).

Модели концепта по данным юридических словарей:

лицо	ПРЕСТУПНИК	виновное в совершении преступления
субъект преступления		осужденное за совершение преступления
		признанное преступником по суду

		совершение преступления
лицо	ПРЕСТУПНИК	суд
субъект преступления		вина
		осуждение

В смысловом поле концепта **ПРЕСТУПНИК** в русском *профессиональном* языковом сознании компонент *действия органов судебной системы* представлен шире: *судебный процесс, (доказательство) вины, осуждение*.

Модель концепта **A CRIMINAL** по данным словарей:

one		committed a crime
a person	A CRIMINAL	convicted of a crime
hardened, plain, war, depraved, evil, habitual, alleged, persistent, wanted, escaped, wrong, repentant, penitent, master, professional, young		investigation, detection, arrest
organized group		punish, death penalty, jail
hero		carrying guns

В смысловом поле концепта **A CRIMINAL** в английском *общеязыковом* сознании представлены такие компоненты, как: *деятельность* преступника (*crime*), *действия следственных органов* и органов *судебной системы* в отношении преступника (*detection, investigation, arrest, conviction, punishment*), *мера*

наказания (*death penalty*), **характеристика** преступника (*hardened, plain, war, depraved, evil, habitual, alleged, persistent, wanted, escaped, wrong, repentant, penitent, master, professional, young*), его «специализация» (*war*), **вооруженность** преступника (*carrying guns*), отношение к преступнику как к **герою**, **принадлежность** преступника к **группе** (*organized group*).

Модель концепта в профессиональном языковом сознании:

one	A CRIMINAL	convicted of a violation of the criminal laws
a person		committed a crime

Семантическое поле концепта **A CRIMINAL** в английском профессиональном языковом сознании представлено уже, чем в общезыковом сознании: отражены компоненты **деятельность преступника** (*совершение преступления, нарушение закона*), **действия органов судебной системы** (*осуждение*).

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ / A SUSPECT

Модель концепта **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ** по данным словарей:

лицо	ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ	задержанное по подозрению в совершении преступления
лицо		применена мера пресечения до предъявления обвинения

В русском общезыковом сознании смысловое поле концепта **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ** представлено компонентами: **причина** быть подозреваемым, а именно совершение **преступления; действия следственных органов** и органов **судебной системы** по отношению к подозреваемому.

Модели концепта **A SUSPECT** по данным словарей:

Семантическое поле:

		may be guilty of a crime/an offence
a person	A SUSPECT	suspected of having committed a crime

Смысловое поле:

		terrorist
to arrest, to pursue, ill-treatment, interrogation, to detain, to identify	A SUSPECT	crime, murder

В английском общезыковом сознании смысловое поле концепта **A SUSPECT** представлено компонентами: *причина* быть подозреваемым, а именно совершение *неправомерного поступка*; потенциальность, вероятность, *возможность* отношения к преступлению; *действия следственных органов* и органов *судебной системы* по отношению к подозреваемому.

СОВЕРШАТЬ / TO COMMIT

Модель концепта **СОВЕРШАТЬ** по данным словарей (семантическое поле):

		преступление
сделать, осуществить	СОВЕРШАТЬ	подвиг, посадку, сделку, визит
что-нибудь задуманное, намеченное, порученное		ошибку, пакость

В материалах словарей отражены следующие компоненты концепта **СОВЕРШАТЬ**: *объект* действия (необязательно негативный), *запланированность* действия.

Модель концепта **TO COMMIT** по данным словарей (смысловое поле):

do something illegal or bad		illegal , unlawful, crime , murder, robberies, minor offences , further offences, a second serious offence, adultery, a daily crime, an assault or felony, driving offences
	commit	bad, wrong, this monstrous evil, suicide, sin, a grave sin, parasuicide, a disgraceful action
		punishment

В семантическом поле глагола **commit** отражен *объект* действия, причем с *негативной оценкой*, представлен компонент *наказания* за что-то совершенное.

Commit в значении «совершить» предполагает совершение негативного, дурного, противозаконного действия, поступка. В связи с этим наличие такого компонента в семантическом поле данного глагола, как «наказание» вполне закономерно.

**РАССЛЕДОВАНИЕ/ INVESTIGATION
TO INVESTIGATE/РАССЛЕДОВАТЬ**

Модель семантического поля концепта **РАССЛЕДОВАНИЕ** в общеязыковом сознании:

всестороннее рассмотрение, изучение	РАССЛЕДОВАНИЕ
-------------------------------------	----------------------

Модель семантического поля концепта **РАССЛЕДОВАНИЕ** в профессиональном сознании:

	РАССЛЕДОВАНИЕ	следствие, дознание
--	----------------------	---------------------

Модель смыслового поля концепта **РАССЛЕДОВАНИЕ** в общеязыковом сознании:

всестороннее рассмотрение, изучение	РАССЛЕДОВАНИЕ	<i>вопрос, факты, обстоятельства дела</i>
--	----------------------	---

Модель смыслового поля концепта **РАССЛЕДОВАНИЕ** в профессиональном сознании:

следствие, дознание	РАССЛЕДОВАНИЕ	<i>преступление</i>
---------------------	----------------------	---------------------

Модель семантического поля концепта **INVESTIGATION** в общеязыковом сознании:

to examine, inquiring about, to observe or study, to find out	INVESTIGATION	the character of people, the reasons, what happened, the truth
carefully and systematically, thoroughly		

Модель смыслового поля концепта **INVESTIGATION**:

officers, police, the authorities	INVESTIGATION	incident, explosion, death, story, claim
guilty, suspected drug ring		cases, thefts, receiving bribes, murders, fiddle, accident
murder inquiry		evidence

Семантические поля концептов **РАССЛЕДОВАНИЕ/ INVESTIGATION/TO INVESTIGATE/РАССЛЕДОВАТЬ** представлены компонентами: *объект* расследования (*вопрос, факты, обстоятельства дела, the character of people, the reasons, what happened, the truth, story, claim, преступление, incident, explosion, death, cases, thefts, receiving bribes, murders, fiddle*), *качество* расследования - *всестороннее, carefully, systematically, thoroughly*.

В смысловом поле данного концепта в *английском общезыковом* сознании, кроме перечисленных компонентов, отражены следующие: *субъект* расследования (*officers, police, the authorities*), некоторые *атрибуты (средства)* расследования (*evidence*).

Семантическое поле концепта **INVESTIGATION** в профессиональном сознании:

examine	INVESTIGATION	something wrong
---------	----------------------	-----------------

Несмотря на широкое значение лексемы «**investigation**» (исследование), в англоязычном словарном материале в большей степени отражен компонент расследования чего-то противозаконного (отражение фрагмента профессионального языкового сознания). Это является свидетельством в пользу того, что данный концепт можно рассматривать как достаточно жестко структурированный в общезыковом сознании.

АРЕСТ / ARREST

Модель семантического поля концепта **АРЕСТ**:

принудительное задержание и помещение в тюрьму	АРЕСТ	вид уголовного наказания
заключение под стражу		содержание лица в строгой изоляции
наиболее строгая мера пресечения		

Семантическое поле концепта **АРЕСТ** в русском общезыковом сознании представлено компонентами: принадлежность ареста к наиболее *строгим мерам пресечения*, видам *уголовного наказания*; *принудительное* задержание, заключение *под стражу*, в строгой *изоляции*, помещение в *тюрьму*.

Модель смыслового поля концепта **АРЕСТ**:

лишение свободы	АРЕСТ	лица, подозреваемые в совершении преступления
постановление судьи		административные правонарушения
подвергнуть, взять под		кратковременное содержание
домашний		под стражей

Смысловое поле концепта представлено следующими компонентами: *лишение свободы; документ*, обосновывающий арест (*постановление судьи*), *длительность* содержания под стражей (*кратковременное*), *объект* ареста (*лицо, подозреваемое в совершении преступления*), *основания* для ареста (*преступление, правонарушение*).

Модель семантического поля концепта **ARREST**:

taking or detaining in custody by authority of law	ARREST	seizure/capture; by the authority of the law; making a prisoner
	the act of arresting or of being arrested	

Семантическое поле концепта **ARREST** в английском общеязыковом сознании представлено компонентами: *физическое удерживание* (задержание), в соответствии с *законом*.

Модель смыслового поля концепта **ARREST**:

the police, the security forces	ARREST	suspicion , commit armed robbery, crime, offences
detention		
house, false, citizen's, military, arbitrary, by mistake		detection , charge, conviction of
circumstances		a police station, prison
warrants		a suspect , a prisoner, the thief

to avoid		
the grounds, threat		
abuse the powers, to resist		

В смысловом поле концепта **ARREST** в английском общезыковом сознании отражены следующие компоненты: *физическое удерживание* (задержание), *субъект* ареста (*the police, the security forces*), *объект* ареста (*a suspect, a prisoner, the thief*), *вид* ареста (*military, house, arbitrary*), *характеристики* ареста (*false, by mistake*), *атрибуты* ареста (*warrants*), *основания* для задержания (*suspicion, commit armed robbery, crime, offences*), *действия арестованного* во время задержания (*to resist*), *действия лиц, производящих* задержание (*abuse the powers*), *возможное место содержания* после ареста (*a police station, prison*), деятельность правоохранительных органов и органов судебной системы (*detection, charge, conviction of*).

НАКАЗАНИЕ / PUNISHMENT

Модель смыслового поля концепта **НАКАЗАНИЕ** представлена следующими компонентами: *объект* наказания, *вид* наказания, его *характеристики*, *причина* наказания, *цель* наказания (*воздействие*).

мера воздействия; строгое воздействие	НАКАЗАНИЕ	тот, кто совершил проступок, преступление
кара, заслуженная кара		вина, проступок, ложь, грубость, поступок
штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; исправительные работы, ограничение свободы, арест, лишение свободы, смертная казнь, смертная казнь, высшая мера наказания; телесное наказание, порка; пытка, дисциплинарное взыскание		применять наказание; избежать наказания, остаться безнаказанным; определять наказание, покорно принимать наказание
уголовное		

заслуженное, тяжелое, строгое, поделом, суровое, мягкое, нестрогое		несоразмерное тяжести преступления
--	--	---------------------------------------

Модель концепта уголовное **НАКАЗАНИЕ**:

приговор суда	НАКАЗАНИЕ	лица, совершившие преступления
мера государственного принуждения	уголовное	
лишение, ограничение прав и свобод граждан		

Модель семантического поля концепта **PUNISHMENT** в общеязыковом сознании:

	PUNISHMENT	
the act of punishing or condition of being punished		
the way in which a person is punished.		

Модель смыслового поля концепта **PUNISHMENT** в общеязыковом сознании:

penalty	PUNISHMENT	sins, misdeeds, reckless driving, crime, wrongdoing, a fault, offense, violation, murder, violence, corruption
suffering, discomfort, threaten		guilty, criminals, minor criminals, children
fit the crime, out of all proportion to the crime		social problems
capital, corporal, non- custodial, physical, a fine		prevention and treatment, conviction
severe, a divine, hard,		morality

outrageous, double, cruel and unusual, an eye-for-an-eye, tough		
the cane		an effective cure
deserve, inflict, to accept, to escape, take, to receive, abolition		

В смысловом поле концепта **PUNISHMENT** отражены следующие компоненты: *объект* наказания, *вид* наказания, его *характеристики*, *причина* наказания, *эмоции*, испытываемые наказуемым (*suffering, discomfort*), действия субъекта наказания, отражающие причинно-следственные отношения (*prevention, conviction*).

Модель семантического поля концепта **PUNISHMENT** в профессиональном сознании:

sanctions	PUNISHMENT	
act of punishing someone		a person found to have committed some act
treatment		
suffer for		a crime

Модель смыслового поля концепта **PUNISHMENT** в профессиональном сознании:

	PUNISHMENT	
capital, the penalty of death, corporal		The Constitution
execution, whipping, fines, prison sentence, loss of rights and privileges, banishment or deportation, physical dismemberment		
unusual, cruel		

Вербальная представленность концепта **НАКАЗАНИЕ** в общеязыковом и языковом профессиональном сознаниях (по данным словарных статей)

обусловлена принадлежностью данного концепта к области *неправомерных деяний*. Виды наказаний в материалах универсальных и профессиональных словарей представлены одинаковой лексикой.

АЛИБИ / ALIBI

В семантическом поле концептов **АЛИБИ / ALIBI** отражены компоненты: *отсутствие* человека; *место преступления*; *время* совершения преступления; *доказательство непричастности* к совершению преступления.

Модель концепта **АЛИБИ** по данным словарей (смысловое поле):

отсутствие		
время	АЛИБИ	обвиняемый
преступление		непричастность
место	доказательство	

Модель концепта **ALIBI** по данным словарей (смысловое поле):

absence		
a crime	ALIBI	to establish/prove
time		the accused
place	excuse/defense	

ОРУЖИЕ / WEAPON

Модель семантического поля концепта **ОРУЖИЕ**:

		технически пригодное для нападения или защиты
устройства, средства	ОРУЖИЕ	для уничтожения живой силы противника, его техники и сооружений

Семантическое поле концепта **ОРУЖИЕ** в общеязыковом сознании представлено следующими компонентами: *техническая пригодность* оружия к *защите, нападению, уничтожению*; *объект* применения оружия (*противник*).

Модель смыслового поля концепта **ОРУЖИЕ**:

массового поражения	ОРУЖИЕ	ношение, хранение, изготовление, приобретение и сбыт
обычное		вооружение
ядерное, химическое, бактериологическое, холодное, огнестрельное, нарезное, скорострельное, автоматическое, ядерное		законодательство, закон, международные конвенции, соглашения,
стратегическое, оперативно-тактическое, тактическое		регулирование
дубина, деревянное копьё, лук, железные мечи, штуцер, пицаль, мины, торпеды, пушка, пулемет, минометы, танки, самолеты, зенитные орудия, авиационные, глубинные бомбы. фау-1, фау-2		армия, флот
сложить, бросать, поднять		война, для нападения или защиты

В смысловом поле концепта **ОРУЖИЕ** в общеязыковом сознании отражены следующие компоненты: *цель применения* оружия - принадлежность оружия к *средствам защиты, нападения, совершения преступлений, ведения войны*; другие *действия*, совершаемые с оружием (носить, хранить и т.п.); *виды* оружия; качественные *характеристики* оружия; *субъект* владения оружием; *правовое* (государственное) *регулирование* использования оружия (*законодательство, закон, международные конвенции, соглашения*).

Модель семантического поля концепта **WEAPON**:

a thing	WEAPON	defence
a tool	something	fighting, war, harming/ hurt /killing/ attack, to injure, defeat, or destroy
any means of		contending against another
	an object	

Семантическое поле концепта **WEAPON** в общеязыковом сознании представлено следующими компонентами: принадлежность оружия к *средствам защиты, нападения*.

Модель смыслового поля концепта **WEAPON**:

nuclear, chemical, atomic, biological	WEAPON	of crime, of war, an assault, of mass destruction, murder
uzi, kalashnikov, v2, atom bomb. tanks, artillery, anti-aircraft weapons and machine guns		ballistic tests
modern, a powerful, smart, dangerous, highly sophisticated, a monster, an ordinary, a deadly, an offensive, illegal		armour, ammunition
dummy		collection
heavy		defence, free way of life. wound, destructiveness, destructive power
to carry, to use, to fire, to give up, control of, prohibition and elimination, searching, limitation, possession, ban, surrender, trafficking		sound, brass guard, bullets
unlawfully and dangerously discharging		armies, the police
		victims

В смысловом поле концепта **WEAPON** в общеязыковом сознании отражены следующие компоненты: цель применения оружия - принадлежность оружия к *средствам защиты, нападения, совершения преступлений, ведения войны, виды* оружия, качественные *характеристики* оружия, *субъект* владения оружием (*armies, the police*), *объект* использования оружия (*victims*), *основные составляющие* оружия (*brass guard, bullets*).

Следует указать на богатство материала, касающегося вербальной репрезентации концептов «ОРУЖИЕ/WEAPON» как на английском, так и на русском языке.

В английском языковом сознании не отражен такой компонент, как «правовое регулирование».

ТАЙНА / MYSTERY

Модель семантического поля концепта **MYSTERY** в общезыковом сознании:

something strange or secret		
a matter		hidden
something that		cannot be, or has not been explained, understood, known about, beyond understanding
a private secret, enigma		
secrecy; obscurity	MYSTERY	
the secret or specialized practices or ritual peculiar to an occupation or a body of people		
rites and ceremonies in some ancient religions, made known only to certain persons; secret ceremonies practiced among some primitive races of people		
a piece of fiction dealing usu. with the solution of a mysterious crime		
a form of drama in which scenes from the Bible were represented		

Модель смыслового поля концепта **MYSTERY** в общезыковом сознании:

unsolved		
to be shrouded, wrapped in, to be riddled	MYSTERY	
of death, immutable mystery of the universe, of witches, the essential		forensic evidence, DNA analysis

mystery of human nature		
the search, the discovery, to find, resolving, reveal, solution, explain, to clear up, guess, explore, to trace		suspicious
the truth, clue		God
priests, scientists and explainers		a police officer... police sergeant
total, the biggest, a sweet, a complete		a beautiful place
magic and surprise, shadowy, secrecy		assassin
an aura, the world, hell		a chilling medical murder, murder
uncertainty, complexity, randomness		thriller

Семантическое поле концепта **MYSTERY** (на основе дефиниционного анализа) включает следующие компоненты: «скрытость и скрытность от других», «загадка (загадочность)», «неизвестность», «непонятость», «необъяснимость», «неразгаданность». Смысловое поле концепта **MYSTERY**, реконструированное на основе анализа материалов словарей, дополняет вербальное представление о концепте следующими компонентами: *вид тайны*, *процесс разгадывания, раскрытия тайн*, *субъект расследования тайн (priests, scientists, explainers)*, *характеристики тайн (total, the biggest, sweet, complete)*, *эмоции*, связанные с тайной (*uncertainty*). Важно указать на наличие компонентов в составе смыслового поля, отражающих деятельность полиции, в данном случае в роли *субъекта* расследования тайн может выступать *a police officer, a police sergeant*, а в качестве средств раскрытия тайн - *forensic evidence, DNA analysis*. В смысловом поле также отражены компоненты, устанавливающие связь данного концепта с концептом «преступление»: они представлены лексемами *assassin, a chilling medical murder, murder*. В связи с этим стоит напомнить одно из значений лексемы «mystery»: *a piece of fiction dealing usually with the solution of a mysterious crime*.

Модель семантического поля концепта **ТАЙНА** в общеязыковом сознании:

ничто	ТАЙНА	неразгаданное, еще не познанное
		скрываемое от других, известное не всем
секрет, скрытая причина		

Семантическое поле концепта **ТАЙНА** включает следующие компоненты: **секретность; скрытость и скрытность** от других; **неопознанность; неразгаданность.**

Модель смыслового поля концепта **ТАЙНА** в общеязыковом сознании:

тайны Вселенной		хранить тайну, держать в тайне, действовать тайно
сердечные тайны	ТАЙНА	тайна обаяния, тайна успеха
тайник, тайный, тайность		тайная любовь, тайное свидание, тайное голосование, тайные выборы
тайная вечеря		тайнопись
тайная мечта, тайная надежда, тайное желание		тайная канцелярия, тайный советник (устар.)

Смысловое поле концепта **ТАЙНА** в общеязыковом сознании представлено следующими компонентами: **вид тайны; действия**, тайно выполняемые.

Выводы

Семантические и смысловые поля концептов в английском и русском сознаниях (по данным словарного материала) имеют универсальные и специфические компоненты. Словари фиксируют компоненты концепта, характерные для профессионального сознания, если речь идет о **ПРЕСТУПЛЕНИИ / CRIME, ПРЕСТУПНИКЕ / A CRIMINAL, АЛИБИ / ALIBI**, поскольку данные языковые знаки представляют основные категории права и впервые были зафиксированы именно в области права.

3.2. Смысловые поля концептов «преступление» и «crime»: реконструкция по художественному тексту

С целью реконструкции смысловых полей концептов «преступление» и «crime» нами были проанализированы тексты художественных произведений детективного жанра.

Материалом послужили тексты художественных произведений детективного жанра на английском языке - Brown Dan. *The Da Vinci Code*; Chase James Hadley. *Come easy go easy*; Christie Agatha. *ABC Murders*; Christie Agatha. *Selected Prose*; Gunn Victor. *Death at Traitor's Gate*; Kaminsky Stuart M. *A Cold Red Sunrise*; Levin Ira. *A kiss before dying*; McBain Ed. *Long Time no see (an 87th precinct mystery)*; Pearson John. *The Profession of Violence. The Rise and Fall of the Kray Twins*. Perry Anne. *Seven Dials*; Poe Edgar Allan. *The Mystrey of Marie Roget and other stories*; Turow Scott. *Presumed innocence*; на русском языке - Вайнер А., Вайнер Г. *Лекарство против страха*; Корецкий Д.А. *Антикиллер 2*; Корецкий Д.А. *Ведется розыск*; Маринина А.Б. *Замена объекта*; Маринина А.Б. *Имя потерпевшего никто*; Маринина А.Б. *Когда боги смеются*; Маринина А.Б. *Шестерки умирают первыми*; Сухов Е. *Я - вор в законе. Общак*.

Модель концепта ПРЕСТУПЛЕНИЕ по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

виды преступлений: подкуп; шантаж; *очередное убийство*; двойное убийство; причина смерти - удушение; отмывание «грязных» денег; уклонение от уплаты налогов;

характеристика убийства: *запутанное, прогремевшее* на всю Москву дело об убийствах; *незатейливое* убийство; *дерзкое* похищение; кровавая перестрелка;

мотив преступлений: *деньги* никогда не бывают *первопричиной* убийства; *убить человека за квартиру*; *корыстный* мотив;

время преступления: момент убийства.

Модель концепта CRIME по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

желание преступника и **меры**, принятые преступником, для того, чтобы преступление *не выглядело* преступлением: *look like an accident, look like obvious*,

indisputable suicide, there could be possibly *no hint of murder*; that young hound's death must be made to look like *an accident*, или по крайне мере, было непонятно, что именно произошло: it would be a *mystery*, it seemed very *mysterious*;

мотив: generally, the *motivation* is pretty *obvious*; evidence of *motive* is not *strong/weak*; a very *strong* motive, a pretty *good* motive for murder, a motive *as big as a mountain*, *strong* motives for murder; the street killings *did not need motivation*, *robbery* wasn't the *motive* here, in the city you could get somebody *to be killed for fifty dollars*;

характеристика преступления: a very *curious* crime, a *grimly suggestive* crime, a crime of *jealous passion*, committed in *a fit of madness*, it was *a woman's* crime; *brutal* murders; *victimless* crimes, not *a hundred-dollar gold-plated* rape, nor even a *two-bit tissue-paper* rape;

время совершения преступления: on the *night* of the murder; the *exact time* of the killing, the murderer chose his *spot*, *and chose his time*, *the exact time of the murder*, *the actual time* of the murder, at the *time the crime was committed*, the time of the shooting;

классификация преступления: *murders*, it looks like *murder*, a *serious* crime has been committed; *a stabbing*, *a poisoning*, *a hanging*, the first murder could have been chalked off as *a street killing*;

запланированность противоправного действия: *deliberate* murder, this crime has all the earmarks of *premeditation*, sufficient for the murderer's purpose, this thing could only be done by *careful planning*—by *preliminary preparation*;

взаимоотношения преступника и потерпевшего: the *victim and the killer knew each other well*; about half of them are *broken love affairs*: marriage on the rocks, *unhappy lovers*;

оценка преступления: *the murder of the year*; favourite murder case; *the most noted* case in his career; *unsolved* homicide; *undiscovered* crimes;

отношение к преступлению, как **к неоправданному проступку**: that *doesn't justify* murder;

место преступления: a crime scene, sealed by order of the Superior Court; the murder scene;

связь с **тайной**: *murders aren't usually mysterious*;

жестокость преступления: to have been *brutally* murdered;

общественный резонанс: to be *speculated* in the press;

преступный *жаргон*: the world of crime has its *argot*, as ruthless as the jazzman's is sweet;

обесцененность жизни;

потерпевшая сторона;

преступник.

На основе анализа имеющегося материала мы приходим к выводу, что концепт **ПРЕСТУПЛЕНИЕ / CRIME** богаче представлен в текстах художественных произведений детективного жанра англоязычных авторов.

Ядром и концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ**, и концепта **CRIME** можно назвать *классификацию* преступления; *характеристику* преступления. *Мотив* преступлений и *время* преступления представляют собой периферию смысловых полей концептов **ПРЕСТУПЛЕНИЕ / CRIME**.

Обширная часть смыслового поля концепта **CRIME** включает компоненты: *запланированность* противоправного действия; *потерпевшая сторона;* *преступник;* *взаимоотношения* преступника и потерпевшего; *желание* преступника и *меры*, принятые преступником, для того, чтобы преступление *не выглядело* преступлением или по крайней мере, было непонятно, что именно произошло; связь с *тайной;* *жестокость* преступления; отношение к преступлению, как к *неоправданному проступку;* *обесцененность жизни;* *общественный резонанс;* *преступный жаргон.*

Модель концепта **ПРЕСТУПНИК** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

деятельность преступника: ликвидировать; *выбросить* б человек из жизни легким движением пальца на спусковом крючке; убийца беспрепятственно приблизился сзади и использовал шнур от плеера в качестве инструмента для удушения; убийца продолжает слежку, *выжидает* подходящий момент, убивает; ухищрения; маскировка; сокрытие следов; оставить на месте убийства отпечатки пальцев; *убрать* того, кто мешает; ловко обойти полицейских; взять на себя миссию восстановителя справедливости; убивать *систематически* — раз в неделю; *случайный отбор жертв;* быть не особо опытным в совершении преступлений; чистить добропорядочных граждан; быть готовым к любым неожиданностям;

характеристика преступника: терпение, выдержка, неподвижность, сосредоточенность (о снайпере); острое чувство смертельного риска; человек с *больной психикой не способен к планомерным действиям; типичная психология убийцы; сумасшедшая убийца; хладнокровный убийца; беглый убийца; машина для убийства; наемный убийца; крупнейший матерый мафиози;*

связь преступления с финансами: *оплаченный замысел; выполнять заказ; зарабатывать вожделенные суммы, используя свой талант снайпера; мстить, свести счеты с кем-то; путем убийства и сопутствующего ему ограбления преступник решает свои финансовые проблемы;*

отношения милиции и преступника: *тюрьма в подарок от ментов; вырваться из цепких прокурорских тисков; играть в кошки-мышки с прокуратурой; наш горячо любимый уголовный кодекс;*

связь преступника с **группой:** сообщники; групповой сговор; хитрая, замаскированная группа преступников; *таинственная группа; криминальные компании;*

действия милиции в отношении преступника: *они никогда меня не найдут, им не поймать меня; припаять убийство; находиться в разработке;*

отношения преступника и потерпевшего: *о знакомстве убийцы и жертвы никто не знал; убить незнакомого человека;*

эмоциональная оценка: *мразь; проклятый снайпер;*

мотив преступлений: *косвенная улика — мотив убийства.*

внешность преступников: *бычьи шеи; бритые затылки.*

Некоторые компоненты концепта представлены жаргонизмами: хрустящая свежая зелень; натуральная зелень; деревянные рубли; «черная касса»; «брюлики»; «голды»; баксы; бабки; общак; сход; пахан; Бугор; ксива; наводка; крысятничество; отлуп, мафиози; смотрящий; авторитет; братки; братва; «быки»; бритоголовые.

Модель концепта **A CRIMINAL** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

характеристика преступника: *a very charming-type fellow; half-mad; the murderer had the nerve to pause, this killer is an artist, be killed by a lunatic, his precautions were far too thorough, he congratulated himself on his cleverness,*

surrendered to a moment's *terrible temptation*, an accused *homicidal felon*; a man of my *viciousness*, very *cautious*; a multiple murderer; very *cute*, you don't have to *be smart* to kill people; you have to be *dumb* to try covering your tracks by killing smb else; in the good old days *your average real-life murderer* was a woman coming into the apartment and finding her husband drunk again, there was no law that said a *lunatic* couldn't come out of the woodwork in the middle of November and kill, with *crazy people* you couldn't go looking for reasons, *crazies* made very *soothing killers*, the people were sometimes *professionals* – as were *armed robbers* and *burglars* and some *murderers*; or they were sometimes *amateurs* – as were *most* murderers; or they were sometimes *crazies* - as were most *pyros* and some *murderers* and a mixed bag of other *lawbreakers* as unrelated as *rapists or false-alarmists or muggers or parakeet-thieves*; **характеристика** преступника через сравнение с его поведением: to *misbehave as badly* as the killer. Следует отметить присутствие оценочного компонента: a *professional* killer, a *professional* gunman. **Характеристика** преступника вербально представлена в описании самого преступления: an unknown gunman committed two *brutal* murders, *brutal, savage* attack. **Характеристика** преступника через описание его планов: *crafty, devilish* plans, the *brilliance* of his whole scheme, this *villainous* attempt, the hideous *cleverness* of it.

планирование совершения преступления; **подготовительный этап** совершения преступления; **уверенность** преступника в **успехе** предприятия: with *no chance of failure*, he had been *successful*. Следует отметить присутствие оценочного компонента: *careful* planning, everything was going to be *perfect*, the *flawless success* of his plans, he had *succeeded*, Walter Stillwell had *concocted* a *crafty, cunning, premeditated* crime, the whole *plan* was *foolproof*; Stillwell had it all *planned out in his mind*, this thing could only be done *by careful planning*—by *preliminary preparation*, he would be a victim of his own murderous *scheming*, *plan* the murder *in advance*, this crime has all the earmarks of *premeditation*, he took every *precaution, intending to murder*, he *planned* it all *in advance*, of all the *crafty, devilish plans...*, the *brilliance* of his whole *scheme*, if the *plan* had gone as he *arranged*, this *villainous attempt on smb's life*;

состояние преступника перед совершением преступления: he greeted them with *boisterous cordiality*, Walter Stillwell was a *genial host*, he felt a certain *tension* in

Stillwell's manner, it seemed a slight *overboisterousness*, *happy and jolly*, he was *politeness* itself, the *anxious look* at the back of his eyes, strove to *conceal this anxiety* by an *exaggerated eagerness to play the happy host*, Stillwell was in the grip of some *intense inward emotion*, he was doing his best to hide it by *talking loudly*, and talking *continuously*, if Stillwell had any *mischievous intentions*, he would surely have welcomed the absence of his children, *unusual* behaviour, was behaving rather *queerly*, Stillwell was now in a condition of *acute tension*, Stillwell was *trembling*, there was a *feverish light* in his eyes;

действия полиции в отношении преступника: if I'm *caught*, they'll *half kill* me, to be *suspected* of murdering smb, *to fox*, to take the chance of being *shot down*, to be *hunted*; the real killer *will be found*, be found guilty, released, cured, *confinement*, be *hanged*, *be sent to prison* for a long term, *be charged* with manslaughter, be *discharged and set free*; to be *interrogated*, he had been *caught* burglarizing an apartment, *caught* right on the premises, had been *unarmed*, whether the perpetrators of a Class B Felony had ever been *apprehended*. В основном, деятельность полиции выражается пассивными конструкциями.

эмоции преступника: преступник испытывает страх перед полицией. На семантическом уровне это выражено прямо через соответствующие лексемы: sudden *panic* gripped me, *panicky* thoughts, to feel *scared*, *worried sick and tired*, to be *scared* of the police, to sense one's danger; а также через лексемы, выражающие желание быть в безопасности: to feel *more secure*, to be *safe*;

желание преступника и **меры**, принятые преступником, для того, чтобы преступление **не выглядело** преступлением: to prove to the police that it had been *an accident*; there could be possibly *no hint of murder*; that young hound's death must be made to look like *an accident*;

отношение преступника к потерпевшему: the victims of someone *totally unknown* to any of them; some bedbug ho had a *hang-up* about blind people; *knew* them (the victims) only from their respective neighbourhoods, *saw* them around all the time, their very presence *disgusted* him; decided *to do away* with them;

действия преступника: to commit the murder; take part in violence; to do evil; to *damage one's reputation*;

выбор жертвы: to pick another victim at random; to choose deliberately; the murderer was looking for smth;

принадлежность к криминальной **группировке:** to belong to a street gang; a street gang named the Hawks, these gangs like to think of themselves as armies;

уверенность преступника в **безнаказанности** за содеянное: no police danger, I got away with murder;

наличие **мотивов** для совершения преступления: anybody who hated him sufficiently to kill him;

характеристика потерпевшего: kill two helpless blind people;

желание преступника **избавиться от оружия:** rid himself of the air pistol;

связь преступника с **местами отбывания наказания;**

планирование преступником **побега;**

орудие преступления.

Модель концепта **ПРЕСТУПНИК** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: **деятельность** преступника; **связь преступления с финансами;** **действия милиции** в отношении преступника; **мотив** преступлений; **отношения преступника и потерпевшего;** **характеристика** преступника; **эмоциональная оценка;** связь преступника с **группой**. Некоторые компоненты концепта представлены жаргонизмами.

Модель концепта **A CRIMINAL** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: **характеристика** преступника; **характеристика** преступника через сравнение с его поведением; **характеристика** преступника вербально представлена в описании самого преступления; **характеристика** преступника через описание его планов; наличие **мотивов** для совершения преступления; **планирование** совершения преступления; **подготовительный этап** совершения преступления; **уверенность** преступника в **успехе** предприятия; **орудие** преступления, **состояние** преступника перед совершением преступления; **действия** преступника; **выбор жертвы;** **желание** преступника и **меры**, принятые преступником, для того, чтобы преступление **не выглядело** преступлением; желание преступника **избавиться от оружия;** уверенность преступника в **безнаказанности** за содеянное; **эмоции**

преступника; *характеристика потерпевшего; отношение преступника к потерпевшему; действия* полиции в отношении преступника; связь преступника с *местами отбывания наказания; планирование* преступником *побега; принадлежность* к криминальной *группировке*.

На основе анализа смысловых полей концептов **ПРЕСТУПЛЕНИЕ, CRIME, ПРЕСТУПНИК, А CRIMINAL** можно сделать вывод о том, что в центре сюжета в произведениях англоязычных авторов находится преступник, а в произведениях русскоязычных авторов — правоохранительные органы.

Модель концепта **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ/ ПОДСЛЕДСТВЕННЫЙ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра представлена следующими компонентами:

действия милиции: арестовали; избили; кинули в камеру; допрашивали по 6-7 часов подряд; приносит несчастного парня в жертву интересам правосудия;

поведение при допросе: менял показания; растеряется, начнет говорить глупости, его будет легче загнать в угол;

взаимоотношения с преступником: сделать послушным орудием в чьих-либо руках; рискует быть убитым; помочь убийце; уберечь его ответственности;

характеристика подозреваемого: хитрый, предусмотрительный;

причастность к совершению преступления: быть замешанным в убийстве.

Смысловое поле концепта **SUSPECTS** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

способность/неспособность совершить преступление: *quite incapable of murder, or plotting murder with another party, could be a party to deliberate murder, take part in the murder, any of them might be guilty;*

наличие *мотивов* для совершения преступления: *to have plenty of reason to kill smb, have a strong motive for killing;*

характеристика подозреваемого: *solid suspects, a man with a guilty conscience, a more likely suspect, the more obvious suspects;*

наименование преступления, в котором подозреваются: to be suspected of killing smb; a burglary suspect;

наличие или отсутствие *алиби*: not to have a *ghost of an alibi*, have *no real alibi*;
наличие или отсутствие *свидетелей*, способных подтвердить алиби: to find
witnesses to support my statement;

действия полиции: to *identify* a possible suspect;

эмоции подозреваемого: *fear* of punishment.

Модель концепта **DEFENDANT** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

отношение *участников судебного процесса* к правдивости показаний подсудимого: an axiom as certain as *the laws of gravity*, that *defendants rarely tell the truth*; cops and prosecutors, defense lawyers and judges—everybody knows *they lie*; they *lie solemnly*, with *sweaty palms and shifty eyes*, or, more often, *with a look of schoolboy innocence and an incensed disbelief* when their credulity is assailed; they *lie to protect* themselves; they *lie to protect* their friends; they *lie for the fun* of it; it is the defendant's *credo*; *lie to the cops*; *lie to the lawyer*; *lie to the jury* that tries the case;

деятельность участников судебного процесса (представителей закона): indictment; charge;

права подсудимого: the defendant is *presumed innocent*; the defendant's right to *remain silent*;

отношение к подсудимому его *начальства*: to have *absolute and complete confidence in his judgment and integrity*; to *approve of his judgement*.

Модель концепта **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ/ ПОДСЛЕДСТВЕННЫЙ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра представлена следующими компонентами: *действия милиции, поведение* подозреваемого *при допросе, причастность к совершению преступления, взаимоотношения с преступником, характеристика* подозреваемого.

Модель концепта **SUSPECTS** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *способность/неспособность* подозреваемого *совершить* преступление; наличие *мотивов* для совершения преступления; *характеристика* подозреваемого; *наименование преступления*, в котором подозреваются; наличие или отсутствие

алиби; наличие или отсутствие *свидетелей*, способных подтвердить алиби; *действия* полиции; *эмоции* подозреваемого.

Модель концепта **DEFENDANT** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *деятельность участников судебного процесса*; отношение *участников судебного процесса* к правдивости показаний подсудимого; *права* подсудимого; *отношение* к подсудимому его *начальства*.

Итак, центральным компонентом концепта **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ/ПОДСЛЕДСТВЕННЫЙ** является *деятельность милиции*. Важность таких компонентов концепта **SUSPECTS**, как *способность/неспособность* подозреваемого *совершить* преступление; наличие *мотивов* для совершения преступления; наличие или отсутствие *алиби*; наличие или отсутствие *свидетелей*, способных подтвердить алиби, свидетельствует о связи концепта с концептом **ALIBI**. По нашему мнению, это говорит о действии принципа презумпции невиновности в англоязычных странах.

Модель концепта **INVESTIGATION** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

неофициальность расследования: a *private inquiry*;

конкретизация *действий, выполняемых полицией*.

Модель смыслового поля концепта **INVESTIGATION** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *неофициальность* расследования; конкретизация *действий, выполняемых полицией*.

Следует отметить, что актуализация концептов **РАССЛЕДОВАНИЕ/INVESTIGATION/ТО INVESTIGATE/РАССЛЕДОВАТЬ** в текстах художественных произведений детективного жанра является фоном при актуализации концептов **POLICE, PUBLIC, СЫЩИК**.

Модель концепта **СЫЩИК** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

характер работы: 1) *скрупулезная работа; нудная, рутинная работа; сыщиков ноги кормят как волков;* 2) **умственная** работа: *чертить* схемы, придумывать *невероятные версии;* расследование убийства; выполнять *функции аналитика;* дополнительное расследование; собрать информацию; документирование преступной деятельности; *нащупать* следы этой *таинственной* группы; возбудить дело; приобщить к уголовному делу; фотографии, сделанные на местах преступлений; выявить сомнительные контакты; + голова как *компьютер;* придумывать *глупости;* показывать *интеллектуальные фокусы;* *покрутить* информацию в голове; *копать;* 3) **физическая:** убийцу ловить; 4) **риск:** жизнь работника милиции стоит так же мало, как жизнь любого гражданина; никто не останавливается перед убийством человека в погонах; ходить по *лезвию бритвы;* постоянная *угроза, опасность;*

качества сотрудника: *усидчивость;* требующая *недюжинной изобретательности;* профессия требует *медлительности и аккуратности;*

профессионализм милиции: *настоящий профессионал;* *толковый сыщик;* *опытный сыщик;* милиция хорошо *обученная и старательная;* *талантливый* подчиненный; *славный* ловец душегубов и насильников; *мастерство* работников милиции; таких *профессионалов* поискать;

связь милиции с криминалом: *сотрудник-убийца;* брать *взятку;* *прикрывать махинации;* *перестать* крутить дело; *замарафетить* улики; *смазать* дело; *развалить* дело; обвинить *во взяточничестве и убийстве;* *мафия* прикупила заставив *развалить* дело; *сознательное сотрудничество* с людьми, совершающими преступления; *убрать* слишком информированного агента; вывести себя из под подозрения в *убийствах;* *скрыть* от следствия факты;

профессиональный сленг: *оперативка;* *сходняк;* «*новые поступления*»; *ориентировка;* *расчлененка;*

негативное отношение к своей работе самих сотрудников: сказать, что работа следователя благородная, мог только тот, кто никогда в жизни на следствии не работал; какая же *гадость* ее работа! *вранье, сплошное вранье, подтасовки, прижимание в угол* растерянных, испуганных людей;

мнение **общества:** невысокое мнение о *моральном облике* работников уголовного розыска;

некоторые *азы работы*: схема «злой следователь — добрый следователь»; сыщицкие заповеди.

Модель концепта **POLICE** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

характеристика полицейского: *негативная* — a damned *busybody*, this *wretched* policeman, never thought the police could be *so stupid*; only cops knew that even *Sherlock Holmes* was a *total bullshit*, a *fake* cop; сходство (сравнение) полицейского с *обывателем*: the uniformed patrolmen always seemed a bit *awed* by the crime of murder, urging pedestrians to move right along, nothing here to see, folks, let's keep it moving, but *empathizing* with them completely when it came to their *curiosity*, almost as if they were *not part of the law enforcement team* but were instead on the *civilian fringes*, watching *agape*; they milled about talking in *whispers* except when they were moving pedestrian traffic; what they *whispered about* was *murder*; *позитивная* — *clever, thorough*, to be *agile, immaculate* sergeant, *experienced* men, this *tired* officer, what's at the back of that *crafty mind* of yours, Old Iron? a *bona fide* cop, an *experienced* cop;

внешность детективов: *detectives were chosen from the uniformed force* on the basis of their *size* and not their special ability to make reasonable deductions or even wild guesses; most of them were *hatless*; most of them *smoked cigarettes* endlessly; if you didn't know better, you'd think the detectives at a crime scene were part of a *bowling team*; the Homicide cops were immediately *identifiable*; they all looked and sounded like Monaghan and Monroe, the perfect prototypes, the others being slightly marred castings from the same mould; *black* was the *color* still *favoured* by many of the older Homicide bulls; the *shields* pinned to their *overcoats* were similar in every respect to the shields the precinct detectives wore – *blue enamel* set in a *gold sunburst pattern* – except for the single word *Homicide* stamped into the gold beneath the word *Detective*; every detective at the crime scene had his shield pinned to his coat or his jacket;

деятельность правоохранительных органов: to *prosecute* for murder; resume the *search* for the murder; *deal with every crime* committed in a city; *coordinate* homicide investigations of special interest; следственные действия, действия, направленные на розыск преступника, на опознание потерпевшего, осмотр места

преступления с целью нахождения улик: *to catch a killer; track down a couple of redneck bank robbers, examine the body, take pictures, roll the corpse over, need smb fingerprinted at the scene, check for identification; деятельность, направленная на поиск оружия: look for a murder weapon;*

характеристика преступления: in his view, *slitting the throats of blind people was tantamount to strangling innocent babes in their cribs; that all too often a knife in the back was put there senselessly, they were to be here to learn whether there'd indeed been a motive; they would not have been surprised to learn there hadn't been the shred of one (the motive); to Carella, there was never a good or valid reason for murder; in the good old days you wrapped a thing up in three, four hours sometimes—between lunch and cocktails, so to speak;*

оценка качества работы полиции: *skilled police work; press hard on every case; his exploits were legendary; used to crack Homicide cases as if they were walnuts;*

оценочный компонент также имеет место при описании действий полиции: *thorough examination, the plain clothes officer, hidden effectively, persist in his questioning, to examine carefully; utterly ridiculous questions, damned ridiculous questions; detaining me in this fashion is a gross interference with the liberties of a respectable citizen, detaining innocent people is an outrage;*

обесцененность жизни; the results reminded a working cop day in and day out that *life was fragile; it reminded him that life was cheap; it reminded him that death could be bought suddenly and senselessly;*

оценка деятельности полиции **обществом:** police in that damned city *never did anything* about anything;

оружие полиции, **средства,** используемые полицией для работы: the search can be done *by machine; to maintain a computer run* of sexual offenders;

характеристика правонарушителя: to work on *strange types; crazies; mun* преступника: *sexual offenders;*

оценка дела: the first *famous case; another routine* police case;

наименования самих специалистов: Homicide detectives, Homicide cops, M.E., the assistant medical examiner;

наименования департаментов: Homicide, the ID Section.

Модель концепта **СЫЩИК** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *характер работы; риск; качества сотрудника; профессионализм милиции; связь милиции с криминалом; профессиональный сленг; некоторые азы работы; негативное* отношение к своей работе самих сотрудников; мнение *общества* о милиции.

Модель концепта **POLICE** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *наименования департаментов; наименования* самих специалистов; *деятельность* полиции (следственные действия, действия, направленные на розыск преступника, на опознание потерпевшего, осмотр места преступления с целью нахождения улик); *деятельность* полиции, направленная на *поиск оружия; деятельность* полиции по отношению к *преступнику; оружие* полиции, *средства*, используемые полицией для работы; *характеристика* правонарушителя; *тип* преступника; *характеристика* преступления; *негативная характеристика* полицейского; сравнение полицейского с *обывателем; позитивная характеристика* полицейского; *оценка качества работы полиции; оценка профессиональных* качеств полицейского; *оценка* деятельности полиции *обществом; оценка дела; внешность* детективов; *обесцененность жизни*.

В целом смысловые поля концептов **СЫЩИК** и **POLICE** совпадают. В произведениях англоязычных авторов данный концепт проработан более детально.

Модель концепта **LAWYERS** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя один важный компонент:

оценка качества работы юристов: the best courthouse reporter; a hardworking lawyer; an experienced criminal defense lawyer; a straight, capable judge; typical of many prosecutors: humorless, relentless, blandly mean; he is this season's media hero, the man who solved the murder of the year; a smart prosecutor; to construct the case with care; one of the most prominent lawyers; a lawyer of national standing; the best lawyer on the face of the earth.

Модель концепта **LAWYERS** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующий компонент: *оценка качества работы юристов.*

Модель концепта **TRIAL/COURT** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

деятельность участников судебного процесса: *судьи, обвинителя, защитника*: *plea of not guilty to the indictment; to attack the prosecutor is a tactic that is seldom convincing to a jury; суда присяжных*: *to find the defendant guilty; деятельность* работников суда: *to make a note on the court record;*

поведение участников судебного процесса: *lawyers of a kind move about hustling clients in the subverted tones scalpers, while the state defenders shout the names of persons whom they have never met and whom they will be defending in a moment; the prosecutors are shouting searching for each of the arresting officer on a dozen cases, the better to hinder cross-examination; prosecutors and defence lawyers haggle amiably over prospective plea bargains; a jury will not warm to him; Carolyn claimed a special sympathy with the victims of these crimes, and her commitment was genuine;*

эмоциональное восприятие процесса: *the lull of jury selection is past and the blood urge is on the air; the adrenalized excitement of beginning becomes a kind of painful irritant; be invigorated by the high excitement; like taking hold of a live wire; a drumming excitement; the jury is in love with the judge already.*

Модель концепта **TRIAL/COURT** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: **деятельность участников** судебного процесса: *судьи, обвинителя, защитника, секретарей, суда присяжных; поведение участников* судебного процесса; **эмоциональное восприятие** процесса.

Модель концепта **НАКАЗАНИЕ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

соответствие наказания преступлению: *масштаб мести оказался несоразмерен проступку; за содеянное зло должно следовать возмездие; зло должно быть наказано; нельзя совершать преступления безнаказанно; идея справедливого возмездия;*

вид наказания: *получить высшую меру; отделаться большим сроком; подписать себе смертный приговор.*

Модель концепта **НАКАЗАНИЕ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *соответствие наказания преступлению; вид наказания.*

Данный концепт недостаточно актуализован в художественных произведениях детективного жанра англоязычных авторов.

Модель концепта **ПОТЕРПЕВШИЙ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

характеристика потерпевшего: романтический дурачок, обладатель глубочайших и уникальных знаний; назойливое нелепое существо; шустрый; *убрать* того, кто *мешает*; обладатель *тайны*;

отношения преступника и потерпевшего: *узнать* что-то крайне *опасное* для *преступников*; крутиться возле *криминала*;

характер ранения: причина смерти — *удушение*; криминальный труп с *рубленной раной* головы;

связь с тайной: тайник, обладатель *тайны*; *узнать* что-то крайне *опасное*.

Модель концепта **A VICTIM** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

характеристика потерпевшего: *to enjoy being in the public eye*. Потерпевший может характеризоваться как с положительной, так и с отрицательной стороны. Имеется оценка, отражающая *сочувствие* к потерпевшему: *an innocent victim, the poor guy; you did not slay bind men or little children, you did not strangle bluebirds or pull the wings off butterflies, blind men were objects of pity or sympathy, but never of hate, to harm helpless..., to kill two helpless blind people, never said a harsh word to anyone; slitting the throats of blind people was tantamount to strangling innocent babes in their cribs*. Следует отметить обилие лексических средств, с помощью которых выражается *негативное отношение* к потерпевшему: *a swine, one of the dirtiest rat, one of the worst brutes and tyrants that part of the world ever produced, he was a beast, was a cruel, sadistic scoundrel*.

связь потерпевшего с *криминалом, преступным* миром: *be involved with anyone who had a criminal record, to know criminals; to know anyone who had a*

criminal record; criminal friends; be involved in some sort of criminal activity; to plan some sort of criminal activity; to plan smth that would be against the law; some sort of get-rich-quick scheme, possibly illegal; to examine the criminal aspects of Jimmy's traumatic memory; he was cooking up a crooked scheme like armed robbery; to cook up a larcenous scheme involving guns; the prosecuting attorney's lax of approach to law enforcement for the last twelve years has made him the accomplice of the city's criminal elements;

действия преступника по отношению к потерпевшему: *smb opened his throat nice, to be seized from behind, be stabbed, her throat had been slit, her head was twisted at an awkward angle in a pool of her own blood, to have been brutally murdered, be killed in the identical manner;*

события, предшествующие совершению преступлению: *felt the note of warning, had a suspicion that excessive caution was now necessary, had no inkling of immediate danger;*

характеристика происшедшего с потерпевшим: *to die violently; to be shot through the brain, be killed in an accident, with a bullet hole in his forehead, I have to report an attempted murder, shot like dogs;*

осведомленность потерпевшего о планирующихся происшествиях: *to be on guard, to be warned;*

вид преступления, жертвой которого он стал: *killing a prosecutor is only one step short of killing a cop;*

отношение к **истине**: *you could never figure out if it was the victim or the defendant who was closer to the truth.*

Модель концепта **A VICTIM** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: **характеристика** потерпевшего; оценка, отражающая **сочувствие** к потерпевшему; **негативное отношение** к потерпевшему; **связь** потерпевшего с **криминалом, преступным миром**; **события, предшествующие** совершению преступлению; **осведомленность потерпевшего** о планирующихся происшествиях; **характеристика** происшедшего с потерпевшим; **вид преступления**, жертвой которого он стал; **действия преступника** по отношению к потерпевшему; отношение к **истине**.

Модель концепта **ПОТЕРПЕВШИЙ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *характер ранения; характеристика потерпевшего; отношения преступника и потерпевшего.*

Ядро концепта **A VICTIM** представлено эмотивно-оценочным компонентом. Следует отметить наличие достаточно яркой негативной оценки, которую дают потерпевшему его знакомые и родственники. Возможно, в этом выражается некая аксиома, присущая английскому сознанию: *«преступления чаще совершаются против законопослушных граждан».*

В смысловом поле концепта **СВИДЕТЕЛИ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра представлены следующие компоненты:

незащищенность свидетелей в России: отсутствие Закона о защите свидетелей; брошен на произвол судьбы.

Актуализация данного концепта оказалась нехарактерной для русского сознания.

В смысловом поле концепта **WITNESSES** по данным текстового материала художественных произведений детективного жанра представлены следующие компоненты:

их *отношение* к случившемуся: *filled with loathing and horror; dazed and frightened, with horror in their eyes, they were stricken dumb, their limbs momentarily paralyzed, they could neither move nor speak, the voices, breaking that deadly silence, had already brought Pamela and Wendy of their horror-stricken stupor, crying hysterically;*

сотрудничество с полицией: to know how to dial the police in an emergency, to the morgue for identification purposes; to send for the police, to be open with Inspector Cromwell, prepare oneself for a lot of questioning;

характеристика свидетелей: *a reliable witness; perfectly innocent people; the most natural, the most likely of all witnesses, the watchful eyes;*

их *отношение* к потерпевшему: *feel enormous pity for the dead man.*

В смысловом поле концепта **WITNESSES** по данным текстового материала художественных произведений детективного жанра представлены следующие компоненты: *характеристика* свидетелей; их *отношение* к потерпевшему; их *отношение* к случившемуся; *сотрудничество с полицией*.

В смысловом поле концепта **СВИДЕТЕЛИ** по данным текстового материала художественных произведений детективного жанра представлен следующий компонент: *незащищенность свидетелей в России*. Актуализация данного концепта оказалась нехарактерной для русского сознания.

Актуализация такого компонента концепта **WITNESSES**, как *сотрудничество с полицией*, свидетельствует о работе Программы Защиты свидетелей в англоязычных странах.

Модель концепта **ОБЩЕСТВО** по данным текстов художественных произведений детективного жанра актуализован компонентом:

мнение *общества* о милиции: невысокое мнение о *моральном облике* работников уголовного розыска.

Модель концепта **PUBLIC** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

сотрудничество с полицией: *call/telephone the police, to give smb (away) to the police, to pass gossip and rumors to the police, to report to the police*;

наименование и оценка происшедшего: *a tragedy; whoever killed him did smth great and glorious*;

общественный резонанс на происшедшие противоправные события отражен в оценке, какую дает общественность происшедшему.

Модель концепта **PUBLIC** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *сотрудничество* с полицией; *наименование и оценка* происшедшего; *общественный резонанс* на происшедшие противоправные события отражен в оценке, какую дает общественность происшедшему.

Модель концепта **ОРУЖИЕ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

отношение оружия к **преступлению**: не использовалось при *совершении преступлений*; *потерпевших* связывало оружие, из которого они были *убиты*; грохнуть;

основные составляющие оружия: предохранитель; *пули, выпущенные из пистолета*; плюхи;

наименование оружия: револьвер Стечкина; ТТ; остро заточенный охотничий нож; пугач; пушки с «глухарями»; топор;

характеристики оружия: «секретное» оружие;

легкий доступ к оружию (отсутствие ограничений в приобретении): оружие, *бесконтрольно гуляющее по рукам*;

действия, производимые самим оружием: тихий хлопок; пистолет кашлянул;

действия, производимые с оружием: расстрелять обойму.

Модель концепта **WEAPON** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

наименование оружия: *an air pistol; it made little difference whether the wound was inflicted by shotgun or knife, pistol or hatchet, baseball bat or ice pick*;

характеристика оружия: *a big blade, the shiny, gleaming weapon, expensive and beautifully made*;

деятельность полиции: *being immediately detectable, the weapon carried worthwhile fingerprints, trace it, find the murder weapon*;

связь оружия с **преступлением**: *the gun that was used to kill, the murder weapon*;

действия, производимые **преступником** с оружием: *the blade that viciously sliced across her throat*;

обладатели и пользователи оружия: *burglar's tools on the floor, soldiers are trained to use guns*;

основные составляющие оружия;

действия, производимые с оружием (или его частями);

действия, производимые самим оружием;

характер **ран**, причиной которых было применение оружия: *a bucket wound*.

Модель концепта **ОРУЖИЕ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты:

отношение оружия к *преступлению*; *основные составляющие* оружия; *наименование* оружия; *характеристики* оружия; *легкий доступ* к оружию (отсутствие ограничений в приобретении); *действия*, производимые самим оружием.

Модель концепта **WEAPON** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *наименование* оружия; *основные составляющие* оружия; *характеристика* оружия; *обладатели и пользователи* оружия; *действия*, производимые с оружием (или его частями); *действия*, производимые самим оружием; связь оружия с *преступлением*; *действия*, производимые *преступником* с оружием; характер *ран*, причиной которых было применение оружия; *деятельность полиции*.

Для русского языкового сознания оказалась актуальной связь *оружия с преступлением*. Для носителя английского языка важнейшим компонентом является *наименование* оружия. Практически все компоненты концептов **ОРУЖИЕ** и **WEAPON** совпадают. Отметим компонент *легкий доступ* к оружию, актуализованный в русском языковом сознании.

Концепт **MYSTERY** актуализируется в произведениях Агаты Кристи, Эдгара Алана По и Дэна Брауна.

Основными компонентами данного концепта являются: *убийство*; *ключ*, *разгадка*; *сложность*, *запутанность*; *неразрешимость*.

Реконструкция концептов по художественному тексту позволила сделать нам следующие *выводы*:

В английском (американском) языковом сознании актуализуются связи концепта **CRIME** с такими концептами, как **A CRIMINAL, A VICTIM, POLICE, LAWYERS, TRIAL, DEFENDANT, SUSPECT, WITNESSES, PUBLIC**. Причем главная роль принадлежит связям с концептами: **A CRIMINAL, POLICE, VICTIM, LAWYERS, TRIAL**.

Что касается таких компонентов, как **INVESTIGATION, PUNISHMENT**, то их актуализация является фоном при актуализации концептов **POLICE, PUBLIC**.

Практически не актуализируется в *современных* произведениях компонент **MYSTERY**.

В русском языковом сознании актуализуются связи концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** с такими концептами, как **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, ПРЕСТУПНИК, ОРУЖИЕ**. Для русского языкового сознания не актуальным оказался компонент **ОБЩЕСТВО**.

Актуализация взаимосвязи таких концептов, как **SUSPECTS** и **ALIBI, WITNESSES** и **POLICE** свидетельствуют о действии принципа презумпции невиновности и о работе Программы Защиты свидетелей в англоязычных странах.

Наличие достаточно яркой негативной оценки, которую дают потерпевшему (**A VICTIM**) его знакомые и родственники, может свидетельствовать о некоей аксиоме, присущей английскому сознанию: *«преступления чаще совершаются против законопослушных граждан»*.

Концепт **CRIME** богаче представлен в текстах художественных произведений детективного жанра англоязычных авторов, чем концепт **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в художественных произведениях русскоязычных авторов. На основе анализа смысловых полей концептов **ПРЕСТУПЛЕНИЕ, CRIME, ПРЕСТУПНИК, A CRIMINAL** можно сделать вывод о том, что в центре сюжета в произведениях англоязычных авторов находится преступник, а в произведениях русскоязычных авторов - правоохранительные органы.

3.3. Модели концептов «преступление» и «crime» по данным ассоциативного эксперимента

С целью реконструкции ассоциативных полей концептов «преступление» и «crime» были проведены ассоциативные эксперименты. А.А. Леонтьев писал, что «если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертон», - без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент ...» (Леонтьев 1977, 14).

Метод ассоциативного эксперимента является весьма эффективным. При проведении ассоциативного эксперимента регистрировался тип реакции, частота однотипных ассоциаций. Была предпринята попытка смоделировать ядро ассоциативных полей исследуемых концептов. Результаты ассоциативного эксперимента отражают универсальные когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, и индивидуальные особенности испытуемых, содержание их *личностных смыслов*, т.е. позволяют получать знание о специфике профессионального сознания.

Эксперимент проводился в 2 этапа. На предварительном этапе эксперимента участвовало **60** респондентов. Респондентами являлись курсанты, слушатели, студенты Омской академии МВД РФ, учащиеся Сибирского Казачьего юридического колледжа (возраст респондентов: 17-35 лет). Респондентам было предложено записать слова-ассоциаты на слово-стимул «преступление» (русский язык) и слова-ассоциаты на слово-стимул “crime” на английском языке.

Основной этап ассоциативного эксперимента состоял из записи слов-ассоциатов на слова-стимулы и их корреляты в английском языке: *преступление/crime, преступник/a criminal, подозреваемый/a suspect, совершать/to commit, расследование (расследовать)/ to investigate (investigation), арест (арестовать) /to arrest (arrest), наказание (наказывать)/punishment (to punish), алиби/alibi, оружие/weapon, тайна/mystery.*

Основанием для выбора именно этих слов в качестве слов-стимулов послужил анализ данных предварительного этапа эксперимента, анализ модели концепта, построенной на основе словарного материала и литературных произведений

детективного жанра. Именно данные лексемы оказались в числе наиболее частотных реакций в предварительном ассоциативном эксперименте или в числе языковых знаков наиболее значимых элементов концепта, модель которого была реконструирована на основе текстов научной литературы и произведений детективного жанра. В эксперименте участвовало **506** респондентов, чей родной язык - русский. **186** участников эксперимента (формирующихся искусственных билингвов) давали английские ассоциации на английские корреляты слов-стимулов. Мы условно разделили русскоязычных респондентов на две группы: будущие юристы-профессионалы и люди, чья будущая профессиональная деятельность не связана с расследованием преступлений или правоприменением.

Возраст респондентов варьируется от 17-35 лет.

Социальный статус респондентов-неюристов - студенты филологического, математического факультетов и факультета иностранных языков Омского государственного университета им.Ф.М.Достоевского. Социальный статус респондентов - будущих юристов - курсанты, слушатели, студенты Омской академии МВД РФ.

Экспериментальное исследование проводилось в период с 2002-2005 гг.

10 слов-стимулов на русском языке были записаны без соблюдения логической последовательности на одном бланке. 10 слов-стимулов на английском языке были записаны без соблюдения логической последовательности на другом бланке. Анкетирование на русском и английском языках проводилось не одновременно. Образцы бланков анкет представлены в **Приложении 1**. Количество реакций, данных на английском языке, *5511*. Количество реакций, данных на русском языке, *8690*. Сводные данные представлены в виде таблиц (**Приложение 2**) и диаграмм (**Приложение 3**).

Цель экспериментов заключается в выявлении когнитивных структур, связанных с профессионально маркированными языковыми знаками, их места и роли в языковом сознании будущих юристов-профессионалов и в языковом сознании не-юристов, людей, не связанных с правоприменительной деятельностью.

Цель определила круг *задач*:

реконструировать модели ассоциативных полей концептов, репрезентированных лексемами *преступление, преступник, подозреваемый,*

совершать, алиби, расследовать, арест, наказание, оружие, тайна, (в ситуации с родным языком);

выявить актуальные смыслы данных концептов для общеязыкового сознания и для профессионального языкового сознания;

реконструировать модели ассоциативных полей концептов, репрезентированных лексемами *crime, a criminal, a suspect, to commit, to investigate, arrest, punishment, alibi, weapon, mystery* (в ситуации учебного билингвизма);

выявить актуальные смыслы данных концептов для общеязыкового сознания и для профессионального языкового сознания.

Модели ассоциативных полей концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ	Юр.	Не юр.
противоправное деяние, бездействие, предусматривающее уголовное наказание	17,8%	1,2%
проступок	11,9%	5%
противоправность	4,7%	—
убийство	21%	20,5%
деяние	9,8%	0,8%
общественно опасное деяние	5,3%	—
человек, преступник	3,3%	0,7%
пострадавший	1,9%	1,9%
закон	2,9%	1,9%
(и) наказание	9,8%	15,1%
расследование	1,7%	9,7%
вина	5%	0,8%
реакции на слово «преступник»	0,2%	2,7%
черный цвет, беда, горе, зло	5,2%	3,9%
совершение, мотив, цель	3,1%	1,5%
место, следы, оружие	0,5%	4,2%
Достоевский	—	2,3%
Отказ	7	—

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>убийство, кража, разбой, грабеж</i>	
21%	20,5%

Ядро ассоциативного поля **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** и в профессиональном языковом сознании, и в общеязыковом сознании составляют лексемы, обозначающие виды преступлений (*убийство, кража, разбой, грабеж, насилие(изнасилование), угон, воровство, пропажа имущества, мошенничество, предательство, нападение, против личности, против человека, против закона, против здоровья, взрыв, хищение, посягательство, посягательство на права других, разборки, уголовщина, криминал, (уголовное)дело, тяжелое, насильственное* и т.д.) и последствия преступлений: *ущерб, вред, смерть, разрушение, тяжкие телесные.*

К центральной части ассоциативного поля **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в общеязыковом сознании относятся и **20,1%** ассоциаций, выражающих оценочное отношение к преступлению: *жестокость³, жестокое³, ужасный², зло, ужас, сожаление, плохо, плохое, безжалостность, грубость, безнравственный, наказанный, хладнокровное, дерзкое, злонамеренное, безжалостное, продуманное, неожиданный, случайное, небольшое, чрезвычайное, непоправимое, коварный, известное, коварное.*

Ближайшую периферию ассоциативного поля **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в общеязыковом сознании представляют ассоциации, отражающие справедливые с точки зрения закона и законопослушного гражданина последствия преступных деяний: (*и*) *Наказание³⁷, кара, расправа — 15,1%.*

Ближайшую периферию (**17,8%**) ассоциативного поля **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в профессиональном языковом сознании составляют ассоциации, отражающие противозаконность данного деяния: *правонарушение²⁵, виновно совершенное, противоправное действие/деяние¹⁹; противоправное деяние, + против/незаконное действие=11, нарушение (порядка) закона¹⁰, (деяние) действие, запрещенное законом³; нарушение нормы права², деликт², уголовный*

поступок, противоправный поступок, бездействие, предусматривающее уголовное наказание, несоблюдение закона. Данные ассоциации отражают содержание нормативно-правовых актов и уверенность в неизбежности последующего наказания. Процент подобных реакций для общеязыкового сознания составил **1,2%**.

11,9% реакций представлены лексемами, обозначающими запрещенность данного деяния и тем самым расширяющими область действий, которые подходят под данную категорию: *проступок*²⁴, *нарушение*¹⁴, *запрещенное деяние, запрещенность.*

10,34% ассоциаций отражают оценочное отношение к преступлению. Напомним, что данная категория реакций составляет центральную часть ассоциативного поля **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в общеязыковом сознании.

9,8% реакций составляют ассоциации, отражающие справедливые с точки зрения закона и законопослушного гражданина последствия преступных деяний: *(и) наказание*⁴², *наказуемость*⁸, *виновно наказуемое*², *наказуемое, уголовно наказуемое, запрещенное УК под угрозой применения наказания, предусмотренное УК, кара.* Сравним с общеязыковыми ассоциациями той же категории: *(и) Наказание*³⁷, *кара, расправа.*

Реакции *«уголовно наказуемое, запрещенное УК под угрозой применения наказания, предусмотренное УК, виновно наказуемое»* являются **профессионально ориентированными** лексемами и словосочетаниями.

9,8% ассоциаций представлены лексемами, которые не имеют явной отрицательной коннотации: *деяние*³⁹, *действие*¹², *событие*², *дело, бездействие, ответственный шаг человека, ошибка (жизни).* Интересно отметить тот факт, что для общеязыковых ассоциаций процент подобных реакций составляет **0,8%**.

9,7% общеязыковых ассоциаций представлены лексемами, отражающими следственный, судебный процессы, участников этих процессов: *расследование*⁴, *арест*³, *срок*², *следствие, суд, правосудие, дело, уголовное дело, дача ложных показаний, колония, комендант, милиция.* В профессиональном языковом сознании данные смыслы не актуализуются (процент ассоциаций = **1,7%**): *приговор*², *пресечение, расследование, розыск, искать преступника, осуждение, милиция.*

5,02% общеязыковых ассоциаций связывают преступление с каким-либо нарушением вообще: *проступок*⁵, *нарушение*⁴, *за гранью, запрещено, подстава, афера*.

Реакции *вина/виновность, ответственность, невиновность, алиби* составили **5%** ассоциаций в профессиональном языковом сознании и **0,8%** от общего числа общеязыковых ассоциаций.

Дальняя периферия ассоциативного поля и в профессиональном языковом сознании, и в общеязыковом сознании представлена похожими категориями ассоциаций.

Возможный агент преступления отражен в **3,6%** ассоциаций, данных будущими профессионалами правоприменения: *преступник*¹⁷, *подозреваемый, Раскольников*. Для общеязыковых ассоциаций процент подобных реакций составляет **0,7%**: *Раскольников*⁸, *преступник*⁶, *подозреваемый*⁴, *обвиняемый*², *человек, мужчина, виновник, непокорный, убийца*.

Возможный пациент преступления и другие фигуранты данного деяния нашли отражение в **1,9%** общеязыковых ассоциаций, такой же процент характерен и для профессионального языкового сознания: *пострадавший, жертва, потерпевший, свидетель, очевидцы, бабушка*.

Ассоциации *закон, уголовный кодекс(УК), статья (УК)* составили **1,9%** общеязыковых ассоциаций и **2,9%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания.

Компоненты, сопутствующие совершению преступления (и вообще любого действия), отражены в **1,5%** общеязыковых ассоциаций и в **3,1%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания: *совершение, умысел, уклонение, укрывательство, корысть, цель, анализ, последствие* и др.

Атрибуты совершения преступления представлены в **4,2%** общеязыковых ассоциаций и в **0,5%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания: *место, следы, оружие, пистолет, топор, черная маска, стрельба, кровь* и т.п.

Реакции на агента преступления составили **2,7%** общеязыковых ассоциаций и **0,2%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания: *пойманный, сбежать, неудачник, дурак, эгоист, ненужный, пьяный, редиска*.

В профессиональном языковом сознании оказались не актуализированными смыслы, связывающие *преступление* с известным автором и Библией: *Достоевский*⁴, *Библия*, *роман Достоевского* — **2,3%** общеязыковых ассоциаций.

Большой процент ассоциаций (17,8%), представленных языковыми штампами (*противоправное деяние, бездействие, предусматривающее уголовное наказание*), указывает на наличие в сознании будущих юристов профессионально маркированного компонента в этой области концептуализации. Показателен процент подобных реакций, характерных для общеязыкового сознания — 1,2%.

Модели ассоциативных полей концепта **CRIME** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях искусственных билингов:

CRIME	law	Non-law
murder, rape, violence, robbery, theft, kidnapping, burglary, stealing, arson, to kill, illegal, violent, to act against the law, to break law, breaking the law, terrorism, explosion, manslaughter	31,6%	34%
investigation, prevention, (crime) solution, detection/to detect, to make a record, to bring a criminal action, to combat, punishment, to prevent, to solve, to try, trial	14,8%	8,3%
a criminal, a thief, killer, murderer, suspect, drug addict, mugger, burglar, robber, a bandit, outlaw	12,4%	10,3%
a crime scene, blood, weapon, evidence, stolen property, footprints, an instrument, drug, money, fingerprints, an instrument of a crime, a razor, ash	14%	10%
police, an investigator, a policeman, a medical expert, a plain-clothes man, CID, an operative, a militia officer	5%	5%
Criminal Procedure, law, article, court	2%	5%
death, injury, damage, hurt, danger, hazard, dangerous, trouble, harm	6,5%	2,5%
fault, existence of some accident, freedom only for one hour, usual situation, what's done is done, hopeless thing, stupid, unnatural, need, necessity	—	4,5%
dull, anger, hate	1,8%	3,7%

CRIME

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>murder, rape, violence, robbery, theft, kidnapping, burglary, stealing, arson, to kill, illegal, violent, to act against the law, to break law, breaking the law, terrorism</i>	
31,6%	34%

Ядро ассоциативного поля **CRIME** и в профессиональном языковом сознании, и в общезыковом сознании составляют лексемы, обозначающие виды преступлений.

14,8% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, отражают следственный процесс и судопроизводство: *investigation, prevention, (crime) solution, detection/to detect, to make a record, to bring a criminal action, to combat, punishment, to prevent, to solve, to try, trial, interrogation, to investigate, sentence, to build a hypothesis, to reconstruct the happening, to establish circumstances, observation, to establish eye-witnesses, to apprehend, to detain, to warn, to punish, etc.* Для общезыкового сознания процент подобных реакций составляет 8,3.

Агнс преступного деяния отражен в 10,3% общезыковых ассоциаций: *a criminal, a thief, killer, murderer, suspect, drug addict, mugger, burglar, robber, a bandit, outlaw.* Для профессионального языкового сознания подобные реакции составляют 12,4% (*a criminal, a suspect, jailed, close associate, a bad man, an evil-doer, law-breaker, underworld*).

Атрибутика совершения преступления отражена в 10% общезыковых ассоциаций: *money, drugs, blood, weapon, evidence, big money, dead body, corpse, flower, chewing gum, glasses, dark street, etc.* Для профессионального языкового сознания подобные реакции составляют 14% (*a crime scene, blood, weapon, evidence, stolen property, footprints, an instrument, drug, money, fingerprints, an instrument of a crime, a razor, ash*).

Сторона расследования, фигуранты судебного процесса отражены в 5% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, и в 5% общезыковых ассоциаций — *police, judge, police officer, defender, an investigator, a policeman, a medical expert, a plain-clothes man, CID, a lawyer, an operative, a militia officer, militia.*

Последствия совершенных преступных деяний для потерпевших нашли отражение в 2,5% общеязыковых ассоциаций: *death, something terrible, damage*. Для профессионального языкового сознания подобные реакции составляют **6,5%** (*death, injury, damage, hurt, danger, hazard, dangerous, trouble, harm, destroy*).

Против чего направлено преступление — *law* — отражено в **5%** общеязыковых ассоциаций и в 2% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания.

Эмоциональный компонент данного ассоциативного поля представлен в **3,7%** общеязыковых ассоциаций (*fear, pain, panic, tear, to hate, horror, love, envy*) и в 1,8% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания (*dull, anger, hate, etc.*).

Также эмоциональный компонент выражен и в **4,5%** общеязыковых ассоциаций, представляющих варианты объяснения преступления и содержащих оценку противоправных деяний: *fault, existence of some accident, freedom only for one hour, usual situation, what's done is done, hopeless thing, stupid, unnatural, need, necessity*.

Модели ассоциативных полей концепта **ПРЕСТУПНИК** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях:

ПРЕСТУПНИК	Юр.	Не юр.
человек	5,9%	1,2%
нарушитель, лицо, совершившее противоправное деяние	14,4%	3%
подозреваемый, задержанный, арестованный	14,9%	5,8%
вор, убийца	32,2%	21,5%
безбожник, опасный, злодей, хитрый, враг, безжалостный, хладнокровный	15,4%	27,3%
жертва	0,9%	0,9%
преступление	4,2%	8,2%
закон, суд	1,5%	6,1%
вина , совершать преступление, скрылся, бежит	1,2%	0,6%
обвинение, розыск, наказание, тюрьма	6,2%	19,1%
наркотики, нож	—	2,1%

страх, беззаконие, подлость	2,3%	4,2%
действия	0,7%	—
фоторобот	0,2%	—
Отказ	3	—

ПРЕСТУПНИК

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>вор, убийца</i>	<i>безбожник, опасный, злодей, хитрый, враг, безжалостный, хладнокровный</i>
32,2%	27,3%

Ядро ассоциативного поля **ПРЕСТУПНИК** в профессиональном языковом сознании составляют лексемы, конкретизирующие правонарушителя: *вор*45 (законник1), *бандит*30, *убийца*24, *уголовник*16, *хулиган*13, *рецидивист*9, *злоумышленник*8, *наильник*6, *мошенник*5, *террорист*5, *жулик*4, *грабитель*4, *маньяк*3, *карманник*2, *разбойник*2, *душегуб*2, *зэк*2, *предатель*, *авторитет*, *гангстер*, *киллер*, *наемник*, *рэкетир*, *шпион*, *наркоторговец*, *наркоман*, *Якимович*, *расхититель социалистической собственности*. Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составляет ближайшую периферию ассоциативного поля **ПРЕСТУПНИК (21,5%)**: *убийца*18, *вор*16, *уголовник*9, *бандит*3, *рецидивист*3, *разбойник*2, *мошенник*2, *обманщик*2, *хулиган*2, *наильник*2, *маньяк*2, *террорист*2, *злоумышленник*, *фашист*, *хакер*, *головорез*, *Джек-Потрошитель*, *Чикотилло*, *Каин*, *Березовский*.

Также к зоне ближайшей периферии (**19,1%**) в общеязыковом сознании относятся ассоциации, отражающие процесс и атрибутику розыска, расследования и наказания: *тюрьма*30, *наказание*8, *камера*3, *наказать*2, *решетка*2, *арест*2, *приговор*, *срок*, *оборона*, *амнистия*, *раскаяние*, *покаяние*, *следствие*, *поймали*, *осудить*, *арестовать*, *розыск*, *обвинение*, *клетки*, *зона*, *заключение*, «*Бутырка*». Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил **6,2%**.

Ядро ассоциативного поля **ПРЕСТУПНИК** в общеязыковом сознании составляют ассоциации, отражающие характеристики преступника: *супермен*, *моральный урод*, *лысый*, *гонимик*, *отморозок*, *сволочь*, *хороший человек*, *нехороший человек*, *нехороший*, *дурак*, *редиска*, *в черном*, *негуманный*, *безбожник*, *опасный*,

злодей, злой, злостный, хитрый, враг, безжалостный, хладнокровный, кровавый, наглый, жестокий, ожесточенный, тяжкий, беззаконный, аморальный, безнадежный, неуравновешенный, ненормальный, неправильный, нечестный, несправедливый, страшный, скрытный, коварный, плохой, безнаказанный; наказуемый, незаконный, нечаянный, маскирующийся, меркантильный, малолетний, темный, неадекватный, оступившийся, подневольный, грязный, старый, сбежавший, беглец, непоиманный, неуловимый, вне закона. Подобные реакции составляют ближайшую периферию ассоциативного поля **ПРЕСТУПНИК (15,4%)** в профессиональном языковом сознании.

Ядром ассоциативного поля **ПРЕСТУПНИК** в общеязыковом сознании является **эмоционально-оценочный компонент данного концепта**.

14,9% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, составляют лексемы, отражающие статус преступника, его виновность: *виновный*28, *обвиняемый*12, *подозреваемый*10, *осужденный*5, *исполнитель*4, *соучастник*4, *задержанный*2, *арестованный*2, *заключенный*2, *виновный человек*, *подсудимый*, *(будущий) осужденный*, *лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор*, *вина/виновность*б, *причастен*, *лидер*, *пособник*, *заподозренный*, *задержание*, *содержащийся под стражей*, *подсудимый*, *судимый*, *на свободе*. Процент подобных реакций в ассоциативном поле общеязыкового сознания составляет **5,8%**.

14,4% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, отражают содержание нормативно-правовых актов: *правонарушитель*34; *нарушитель*2б, *человек (лицо), совершивший преступление*б, *нарушитель закона*5, **Лицо**, *преступившее*, *нарушившее закон*4, *нарушивший (уголовный) закон*3, *лицо, совершившее противоправное деяние*2; **Лицо**, *совершившее преступление*2, *нарушитель норм*, *виновный в совершении преступления*, *совершил преступление*, *предусмотренное УК*; *посягнувший на закон*, *не уважающий(признающий) законы*. Процент подобных реакций в ассоциативном поле общеязыкового сознания составляет **3%**.

8,2% общеязыковых ассоциаций представлены лексемами, обозначающими вид совершенного преступником деяния: *преступление*11, *убийство*7, *кража*2, *коррупция*, *насилие*, *криминал*, *драка*, *противоправное действие*, *грабеж*, *разбой*.

Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составляет **4,2%**.

6,1% общеязыковых ассоциаций отражают фигурантов стороны расследования и то, что нарушил преступник: *судб, законб, милиция2, следователь, адвокат, судья, прокурор, право*. Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составляет **1,5%**.

5,9% реакций, приведенных профессионалами правоприменения, представлены лексемами: *человек25, личность5, лицо2, тип, субъект преступления, девиант*. Процент подобных реакций среди общеязыковых ассоциаций составил **1,2%**.

Ассоциации, отражающие эмоции, составляют **4,2%** от числа общеязыковых реакций и **2,3%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания: *зло, плохо, опасно, страх, беззаконие, подлость, безнравственность, сырость, несчастье, грязь* и др.

Ассоциации, отражающие потерпевшую сторону преступного деяния, составляют **0,9%** и в общеязыковом сознании, и в профессиональном языковом сознании: *жертва, потерпевший*.

Реакции, отражающие возможные атрибуты преступника, характерны лишь для общеязыковых ассоциаций и составляют **2,1%**: *маска, пистолет, наркотики, нож, блатные песни*.

1,2% реакций, характерных для профессионального языкового сознания, составляют лексемы, отражающие действия преступника: *совершать преступление, скрылся, бегаем* и др. Процент подобных реакций в ассоциативном поле общеязыкового сознания составляет **0,6%**.

Уникальной оказалась ассоциация *фоторобот*, проявившаяся на периферии ассоциативного поля **ПРЕСТУПНИК** профессионального языкового сознания и составившая в процентном отношении **0,2%**.

Модели ассоциативных полей концепта **A CRIMINAL** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях искусственных билингвов:

A CRIMINAL	law	Non-law
crime, murder, larceny, theft, burglary, traffic crime, evil, assault	25,7%	15,5%
an evil-doer, wanted, a suspect, an accused, a burglar, a law-breaker, an offender, killer	22,5%	33,8%
punishment, to investigate/investigation, to punish, conviction, detention, arrest, to neutralize, to apprehend	15,1%	7,3%
blood, fingerprints, a crime scene, money, drugs, footprints, gun, weapon	6,6%	9,6%
a subject, a witness, a victim, hostage, people, person, a man	5,3%	3,2%
distinctive mark, a scar, an eye, black mask	4,5%	3,2%
cunning, mistaken, confident, cautious, crude, a bad guy, an outcast, a dangerous person, a bad man, beast, sinner, crazy, brutal, bad, furious	3%	6%
jail, prison, prison cell, handcuffs	2,6%	8,7%
judge, police	2,4%	4,1%

A CRIMINAL

Юр.	Не юр.
<i>crime, murder, larceny, theft, burglary, traffic crime, evil, assault, bribe, kidnapping, assassination, homicide, fraud, sham, forgery, injury, wrong, to threaten, to attack, to hit,</i>	<i>killer, murderer, a maniac, a thief, robber, burglar, rapist, drug dealer, terrorist, assassin</i>
25,7%	33,8%

Ядро ассоциативного поля **A CRIMINAL** в общеязыковом сознании составляют лексемы, конкретизирующие правонарушителя: *killer, murderer, a maniac, a thief, robber, burglar, rapist, drug dealer, terrorist, assassin, a suspect, prisoner, psycho, a man who breaks the law, a person/someone who committed a crime, a man who had already been in prison, offender, assaulter, skinhead, kidnapper*. Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составляет 22,5%.

Ядро ассоциативного поля **A CRIMINAL** в профессиональном языковом сознании составляют лексемы, обозначающие виды совершенного преступником деяния: *crime, murder, larceny, theft, burglary, traffic crime, evil, assault, bribe,*

kidnapping, assassination, homicide, fraud, sham, forgery, to threaten, to attack, to hit, etc. Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составляет 15,5%.

15,1% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, отражают лексику, обозначающую действия следователя: *punishment, to investigate/investigation, to punish, conviction, detention, arrest, to neutralize, to apprehend, to combat, interrogation, detection, to detect, to seek, to discover, to detain, to reveal, to try, to supervise, to make plaster casts, to establish contact, to take fingerprints and footprints, not solve a crime.* В общеязыковом сознании подобные ассоциации представлены в 7,3% реакций: *to sentence, punishment, court proceedings, investigation, pursuit, to arrest.*

9,6% общеязыковых ассоциаций отражают атрибутику преступления: *gun, drugs, knife, money, drugs and dollars, crime scene, rap music, gold, bank, night, a suit.* Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 6,6%: *blood, fingerprints, a crime scene, money, drugs, footprints, gun, weapon, knife, stub, stain, cocaine, heroin, stolen property, corpse.*

8,7% общеязыковых ассоциаций характеризуют атрибутику ареста и учреждения исполнения наказания: *jail, prison, prison cell, handcuffs.* Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 2,6%.

В **6%** общеязыковых ассоциаций преступнику дается оценка: *a bad guy, an outcast, a dangerous person, a bad man, beast, sinner, crazy, brutal, bad, furious.* Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 3%: *cunning, mistaken, confident, cautious, crude, a specialist, stinky, drunken, bad boys.* Следует отметить, что в общеязыковых ассоциациях отражена только отрицательная оценка.

5,3% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлены лексемами, обозначающими возможных фигурантов преступного деяния (свидетелей, потерпевших и т.д.): *a subject, a witness, a victim, hostage, people, person, a man, human being, a kid, creature, participant.* Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составляет 3,2%.

В профессиональном языковом сознании 4,5% реакций отражают приметы преступника: *distinctive mark, a scar, an eye, dead eyes, ear, tooth, face, height, weight,*

hand, dress. Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составляет 3,2%: *hands, brown eyes, eye, black mask, black, smile, laughter*.

Защитники закона отражены в 4,1% общеязыковых ассоциаций (*judge, police*) и в 2,4% реакций, характерных для профессионального языкового сознания (*a magistrate, an investigator, jury, police, judge, an interrogator*).

Отличительными чертами общеязыкового сознания оказались общекультурные ассоциации (*Каин, Бэтмен, Джек-Потрошитель*) и наличие национально маркированного компонента концепта. **Национально маркированный** компонент представлен ассоциациями, выраженными прецедентными именами (*Чикотилло, Березовский*) и жаргонизмами (*гонник, отморозок, сволочь, редиска, «Бутырка», зэк, авторитет, Бугор, пахан*).

Модели ассоциативных полей концепта **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях:

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ	Юр.	Не юр.
человек	7,7%	3,24%
обвиняемый, подследственный, подсудимый	41,6%	28,06%
лицо , в отношении которого возбуждено уголовное дело; лицо , переступившее закон	4,9%	—
уголовно-правовой статус	3,8%	—
преступник	18,1%	11,5%
адвокат, суд	4,4%	11,9%
свидетели	1,1%	2,12%
преступление	1,9%	9,4%
опознание, допрос, преследование, показания, арест, наказание	12,6%	18,3%
злой, жестокий, опасный	2,5%	15,1%
Отказ	10	2

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>обвиняемый, подследственный, подсудимый, виновный(ен), заподозренный</i>	
41,6%	28,06%

Ядро ассоциативного поля **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ** и в общеязыковом сознании, и в профессиональном языковом сознании представлено лексемами, раскрывающими суть данного понятия: *человек под следствием, подследственный, расследуемый, подсудимый, арестант, арестованный, совершивший, совершивший ошибку, тот, кому не доверяют; тот, кого в чем-то обвиняют; под сомнением, возможный, тот, кого подозревают в совершении преступления, подозрительный, обвиняемый, уличенный, провинившийся, виновник, виновный, виноватый, причастный к преступлению, в совершении преступления, кто совершил, проверяемый на причастность, причастный, преследуемый, объект исследования, (потенциальный) обвиняемый, возможный виновник, вероятно виновник, возможный, почти виновный, возможно виновный, невиновен/невиновный, еще невиновный, еще не преступник, еще не обвиняемый, скоро будет обвиняемым, возможный преступник, лицо, которое возможно совершило противоправное деяние; тот, кто возможно причастен к совершению преступления; возможный преступник, заподозренный, разыскиваемый, уличенный, задержанный, судимый, выявленный, преступник, пока его вина не доказана; потенциал, потенциальный, наверное он, похож, доказательств маловато, возможное лицо; похож на бандита. Следует указать на тот факт, что подчеркивается **потенциальность, возможность** совершения данным лицом противоправного деяния: *возможный виновник, наверное он, (потенциальный) обвиняемый, возможный виновник, вероятно виновник, возможный, почти виновный, возможно виновный.**

Ближайшая периферия (**18,1%**) ассоциативного поля **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ** в профессиональном языковом сознании представлена лексемами, конкретизирующими правонарушителя: *преступник*⁵⁴, *убийца*⁷, *нарушитель*⁶, *правонарушитель*⁵, *бандит*³, *жулик*³, *вор*³, *соучастник*², *насильник*. Для общеязыкового сознания подобные реакции составляют **11,5%**.

Ближайшая периферия (**18,3%**) ассоциативного поля **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ** в общеязыковом сознании представлена реакциями, отражающими процесс и атрибутику расследования и судопроизводства: *следствие*⁷, *расследование*⁶, *арест*⁶, *наказание*³, *дело*³, *защита*², *СИЗО*², *тюрьма*², *опознание*, *допрос*, *поиск*, *преследование*, *показания*, *иск*, *эксперименты*, *донос*, *пойман*, *оправдать* и др. Для профессионального языкового сознания число подобных реакций составило **12,6%**.

7,7% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено лексемами: *человек*¹⁸, *(физическое) лицо*¹¹, *(специальный) субъект*, *гражданин*, *несовершеннолетний*. Для общезыкового сознания количество подобных реакций составляет **3,24%**.

15,1% общезыковых ассоциаций составляют лексемы, с помощью которых можно охарактеризовать подозреваемого и его эмоции: *бедный*², *странный*², *нечестный*², *плохой*, *злой*, *жестокий*, *опасный*, *страшный*, *наглый*, *настораживающий*, *непонятный*, *неосторожный*, *неаккуратный*, *неуравновешенный*, *скрывающийся*, *исчезнувший*, *заказной*, *пойманный*, *испуганный*, *дурак*, *беспокойный*, *интересный*, *умный*, *бедняга*, *запуганный*, *избитый*, *несчастный*, *чувак*, *ты попал*, *недоверие*, *паника*, *страх*, *ожидание*, *неопределенность*, *тревога*, *отчаяние*, *неприятность*, *полутень*, *ропот*, *слухи*. Подобные ассоциации нашли отражение в **2,5%** реакций, данных будущими профессионалами правоприменения.

11,9% общезыковых ассоциаций составляют лексемы, отражающие судебный процесс и его атрибутику: *обвинитель*, *прокурор*, *зал заседания суда*, *Конституция*, *статья*, *судья*, *суд*, *адвокат*, *постановление о привлечении*, *глава 8 УПК*, *(статья) УПК*, *уголовный процесс*, *судебное заседание*. Подобные ассоциации нашли отражение в **4,4%** реакций, данных будущими профессионалами правоприменения.

В **9,4%** общезыковых ассоциаций отражено совершенное злодеяние: *преступление*¹³, *убийство*⁵, *в убийстве*, *уголовное дело*, *кража*, *шантаж*, *зло*. В ассоциациях, характерных для профессионального языкового сознания, отразились лишь *преступление*⁸ и *проступок*, что составило **1,9%** реакций.

Другие фигуранты правонарушения (*потерпевший*, *свидетель*) нашли отражение в **2,12%** общезыковых реакций и в **1,1%** ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания.

Ассоциации, которые характерны только для профессионального языкового сознания, отражают профессиональную терминологию: *Лицо, которое (могло/возможно) совершить/-ло преступление*, *Лицо, в отношении которого применена мера пресечения, принудительные меры*, *Лицо, в отношении которого вынесено постановление*, *Лицо, в отношении которого возбуждено уголовное*

дело, (*лицо*), в отношении которого вынесено постановление о признании его подозреваемым; *человек*, в отношении которого возбуждено уголовное дело; *лицо*, подозреваемое в совершении преступления, субъект преступления, *лицо/человек*, совершившее преступление; *лицо*, переступившее закон — **4,9%**. **3,8%** реакций представлено следующим образом: *статус*, *уголовно-правовой статус*, (*процессуальный*) *статус*, *статус лица в уголовном процессе*, *участник (уголовного) процесса*, *участник уголовного судопроизводства*.

Модели ассоциативных полей концепта **A SUSPECT** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях искусственных билингвов:

A SUSPECT	law	Non-law
to interrogate/interrogation, to interview/interviewing/ questioning, conviction, arrest, to bring a charge, identification/to identify, to convict, to apprehend, make a record	24,2%	17,3%
alibi, evidence, proof, testimony	3,5%	13,1%
a criminal, guilty, an accused, an evil-doer, law-breaker	11,6%	8,4%
inquiry, to consider, investigation, to involve, to recognize, to seek, to search for, to investigate, to examine, to listen, to get information	11%	—
distinctive marks, an eye, height, fingerprints, a scar, appearance	8,8%	2%
a barrister, police, a prosecutor, an investigator, an accuser	4,7%	9%
a man with tired eyes, a person who gets in trouble, to fall in trouble, Mr. X, an unknown, people, husband, women, a neighbour, a person, male, wife, customer, drunk, my friends, businessmen, participant	7,8%	2,6%
crime, murder	6,6%	8%
guilt	2,8%	—
a crime scene	2,5%	—
a witness	1,6%	4,7%
excellent, coward, strange, depressed, wish to escape, hate, anxiety, nervous	2,5%	6,3%
distrust, suspicious, lack of trust, lack of alibi, mistrust, lie	0,6%	4,7%
not guilty, innocent, not proved, an innocent person	0,9%	5,2%
doubt, guessing	0,6%	5,6%

A SUSPECT

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>to interrogate/interrogation, to interview/interviewing/questioning, conviction, arrest, to bring a charge, identification/to identify, to convict, to apprehend, make a record,</i>	
24,2%	17,3%

Ядро ассоциативного поля **A SUSPECT** и в общеязыковом сознании, и в профессиональном языковом сознании представлено лексемами, отражающими следственный и судебный процессы и их атрибутику: *investigation/investigate, arrest, court, trial, punishment, verdict, to prove, accusation, to accuse, blaming, examination, house arrest, beating, control, to interrogate/interrogation, to interview/interviewing/questioning, conviction, to bring a charge, identification/to identify, to convict, to apprehend, make a record, to bring a criminal action, to bring the criminal to justice, to prosecute, to collect evidence, surveillance, to neutralize, to catch, to accuse, to justify, to establish corpus delicti, etc.*

13,1% общеязыковых ассоциаций представлено лексемами, отражающими доказательную базу: *alibi, evidence, proof, testimony*. Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 3,5%.

11,6% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено лексемами, конкретизирующими правонарушителя (и значит, отражен компонент виновности): *a criminal, guilty, an accused, an evil-doer, law-breaker, wanted, killer, a bandit, a bad man, close associate, defendant, offender, etc.* Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составил 8,4%.

Процент ассоциаций, представленных лексемами и словосочетаниями с универсальными значениями, составляет **11%** ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания: *inquiry, to consider, to appear, to confess, investigation, to involve, to recognize, to seek, to search for, to search a person, to shed light, to investigate, to examine, to listen, to get information, not to threaten, supervision, to isolate, to like, to complain, to detail, to avoid, to abuse*. Подобные реакции отсутствуют в ассоциативном поле концепта, реконструированного на основе слов-ассоциатов, данных непрофессионалами.

Приметы, особенные черты подозреваемого отражены в **8,8%** ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания: *distinctive marks, an eye,*

height, fingerprints, a scar, appearance, marks, unusual features, peculiarity, age, glasses, a mouth, an ear, the criminal's modus operandi, etc. Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составил 2%.

Сторона расследования и участники судопроизводства представлены в **9%** общеязыковых ассоциаций: *an investigator, police, a lawyer, attorney, a judge, prosecutor, advocate, detective, policemen, jury.* Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 4,7%.

7,8% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено лексемами: *men, a subject, people, husband, women, a neighbour, a person, male, wife, customer, drunk, my friends, businessmen, participant.* Подобные ассоциации, но с уточняющими подозреваемого характеристиками, отражены в 2,6% общеязыковых ассоциаций: *a man with tired eyes, a person who gets in trouble, to fall in trouble, Mr. X, an unknown.*

В 8% общеязыковых ассоциаций отражено совершенное злодеяние: *crime, murder, fraud, to kill.* Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 6,6%.

1,6% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено лексемами: *a witness, eye-witness.* Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составил 4,7%.

Характеристика подозреваемого, его эмоции отражены в 6,3% общеязыковых ассоциаций: *depressed, depression, wish to escape, hate, anxiety, sly, nervous, tremble, blush, suspense, pressure, waiting.* Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 2,5%: *knowledgeable, literate, excellent, coward, strange, incautious, etc.*

Лексемы, отражающие виновность подозреваемого, представлены в **4,7%** общеязыковых ассоциаций: *distrust, suspicious, lack of trust, lack of alibi, mistrust, lie.* Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 0,6%.

Лексемы, отражающие невиновность подозреваемого, представлены в **5,2%** общеязыковых ассоциаций: *not guilty, innocent, not proved, entrust, an innocent person, etc.* Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 0,9%.

Лексемы, отражающие неуверенность, сомнения в виновности, представлены в **5,6%** общеязыковых ассоциаций: *doubt, guessing, may be he did it*. Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 0,6%.

2,8% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено лексемами: *guilt, evidence of guilt*. Подобные реакции не отражены в ассоциациях, характерных для общеязыкового сознания.

2,5% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено лексемами: *a crime scene, trace, operational conditions, an instrument of a crime*. Подобные реакции не отражены в ассоциациях, характерных для общеязыкового сознания, что объясняется актуализацией данного аспекта в профессиональной юридической литературе.

Ядро ассоциативного поля **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ** и в общеязыковом сознании, и в профессиональном языковом сознании представлено лексемами, раскрывающими суть данного понятия: *человек под следствием, подследственный, лицо, которое возможно совершило противоправное деяние; тот, кто возможно причастен к совершению преступления; возможный преступник, заподозренный, разыскиваемый, уличенный, задержанный, преступник, пока его вина не доказана*. Стоит отметить осознание респондентами фактора **возможности, вероятности** совершения данным лицом противоправного деяния.

Профессионально маркированный компонент представлен ассоциациями, выраженными профессионально ориентированной лексикой: **Лицо**, в отношении которого применена мера пресечения, принудительные меры, **Лицо**, в отношении которого вынесено постановление, **Лицо**, в отношении которого возбуждено уголовное дело, (**лицо**), в отношении которого вынесено постановление о признании его подозреваемым; субъект преступления, статус, уголовно-правовой статус, (процессуальный) статус, статус лица в уголовном процессе, участник (уголовного) процесса, участник уголовного судопроизводства.

Ассоциации, отличные от общеязыковых, составляют не ядро ассоциативного поля, а его периферию. Следовательно, профессионально ориентированные стратегии в данной области концептуализации совпадают с непрофессиональными, носят универсальный характер.

Модели ассоциативных полей концепта **СОВЕРШАТЬ** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях:

СОВЕРШАТЬ	Юр.	Не юр.
делать	42,2%	19,6%
нарушать, убивать	4,01%	1,51%
действие, поступок, добрые поступки, доброе/хорошее дело, подвиг	24,8%	22,3%
зло/злые дела, преступление	21,8%	27,5%
цель, мотив, умысел, желание, условия, причины, результат	6,7%	5,6%
герой, смертница, человек, субъект, преступник, вор, убийца. причастный	—	3,02%
страшное, мерзкий, злоумышленное	—	17,74%
Отказ	4	1

СОВЕРШАТЬ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>делать</i>	<i>зло/злые дела, преступление</i>
42,2%	27,5%

Ядро ассоциативного поля **СОВЕРШАТЬ** в профессиональном языковом сознании составляют глаголы: *делать*86, *действовать*53, *творить*12, *поступать*8, *бездействовать*6, *производить*6, *выполнять*5, *осуществлять*4 (*задуманное*), *работать*4, *думать/мыслить*3, *создавать*3, *решаться*3, *исполнять*2, *участвовать*2, *анализировать*2, *летать*2, *предпринимать*, *использовать*, *осматривать*, *проявлять инициативу*, *организовывать*, *планировать*, *способствовать*, *передвигаться*, *предпринять*, *причинять*, *выгораживать*, *наблюдать*, *прыгать*, *бегать*, *предполагать*, *скрыть*. Глаголы составляют **19,6%** общеязыковых реакций.

Ядро ассоциативного поля **СОВЕРШАТЬ** в общеязыковом сознании составляют ассоциации, отражающие противоправные деяния: *преступление*37, *убийство*9, *злодеяние*4, *кража*3, *афера*, *проступок*, *грех*, *зло*, «*темные дела*»,

беззаконие, правонарушение, покушение, насилие, захват, разбой. В профессиональном языковом сознании подобные реакции составляют **21,8%**.

Ближайшая периферия ассоциативного поля **СОВЕРШАТЬ** и в общеязыковом сознании (**22,3%**), и в профессиональном языковом сознании (**24,8%**) представлена реакциями, отражающими нейтральные или положительные деяния: *действие, поступок, добрые поступки, доброе/хорошее дело, подвиг* и др.

17,74% реакций в общеязыковом сознании представлены ассоциациями, отражающими характеристики самого деяния: *страшное, мерзкий, злоумышленное* и др. Следует отметить, что эмоционально-оценочный компонент отсутствует в ассоциациях, характерных для профессионального языкового сознания.

5,6% общеязыковых реакций и **6,7%** ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, отражают этапы совершения действий: *цель, мотив, умысел, желание, условия, причины, результат* и т.д.

Глаголы, представляющие действия преступника, нашли отражение в **4,01%** реакций будущих профессионалов правоприменения и в **1,51%** общеязыковых ассоциатов: *нарушать, убивать* и др.

Агнс деяния (причем большей частью противоправного деяния) отражен лишь в общеязыковых реакциях. **3,02%** — *смертница, преступник, вор, убийца, причастный, герой, субъект, человек.*

Модели ассоциативных полей концепта **ТО СОММИТ** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях искусственных билингов:

ТО СОММИТ	law	Non-law
a crime, larceny, murder, damage, misdeed, criminal actions, riot, infraction, felony, misdemeanour, sham, assassination, shoplifting	46%	75,6%
to conduct, to do, to prepare, to accomplish, to fulfill	9,4%	5,6%
to investigate, to develop and take fingerprints, first aid, cruise, to search the premises, to identify, to prevent crime, to solve crime, to investigate an action	7,4%	—
to kill (somebody), to threaten, to break the law	5,8%	7,7%
action(s)	6,8%	6%
a crime scene, fingerprints, weapon, an instrument, instrument of a crime, knife, pistol, evidence	6,5%	—

a criminal	5,5%	0,6%
cause, structure, modus operandi, purpose	2,6%	0,6%
a victim (of a crime)	1,6%	—

TO COMMIT

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>a crime, larceny, murder, misdeed, criminal actions, riot, infraction, felony, misdemeanour, sham, assassination, shoplifting, forgery</i>	
46%	75,6%

9,4% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено глаголами: *to conduct, to do (smth), to prepare, to abuse, to accomplish, inquiry, to fulfill, to degrade, to control, to discover, to run away, to participate, cry, cut, to persuade, acquire, remove, take measures, etc.* Процент подобных реакций в общеязыковом сознании составляет 5,6%.

7,4% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено лексемами, отражающими следственный и судебный процессы: *investigation, to investigate, to develop and take fingerprints, first aid, cruise, to search the premises, to identify, to prevent crime, to solve crime, to investigate an action, surveillance, to penetrate, detention, to bring to justice, to punish the guilty person, legal proceedings, trial, sentence, justice properly, peace-keeping activity.* В общеязыковом сознании не актуализируется связь деятельности вообще с профессиональными действиями офицера правоприменения.

Глаголы, отражающие совершение противоправных действий, представлены в **7,7%** общеязыковых ассоциаций: *to kill, to violate laws, to break up rules, to overstep the law, to rob, to be under drug or alcohol influence, to do smth bad, to do bad things.* Для профессионального языкового сознания процент подобных ассоциаций составляет 5,8%.

Ассоциации, отражающие нейтральные или положительные деяния, составляют **6%** реакций, характерных для общеязыкового сознания, и **6,8%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания: *action(s), occurrence, happening, fact, event, case, an effort, defence, sacking, etc.*

6,5% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено лексемами, отражающими атрибутику места происшествия: *a crime scene, fingerprints, weapon, an instrument, instrument of a crime, knife, pistol, evidence, stolen property, blood, etc.* Подобные реакции не отражены в ассоциациях, характерных для общеязыкового сознания.

В 5,5% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, отражен правонарушитель: *a criminal, suspect(s), perpetrator, prisoner, a thief.* Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составил 0,6%.

Стратегия поиска ассоциации будущим *юристом* в данном случае характеризуется объяснением слова-стимула через *лексемы*, принадлежащие *той же части речи*, что и исходное слово **СОВЕРШАТЬ**. Ассоциации представлены глаголами с широким значением.

На изучаемом языке универсальные глаголы представлены слабо. Это позволяет нам думать о том, что респонденты дают ассоциации на лексему «commit», а не «совершать».

Но на изучаемом языке юристы используют ту же стратегию, что и не-юристы. Происходит идентификация слова-стимула через объект действия, причем объект, репрезентирующий негативное, противозаконное действие. Эти связи отражены в синтагматических ассоциациях, поскольку исходное слово прежде всего ассоциируется у респондентов с тем учебным контекстом, в котором оно функционирует регулярно. Это является подтверждением того, что языковые связи в сознании билингва закрепляются в зависимости от языкового опыта, полученного на данном языке.

Разъяснение слова-стимула с помощью узкопрофессиональной лексики отражено лишь в ассоциациях, данных юристами. Именно в этих реакциях мы видим отражение *профессионально маркированного компонента*. Актуальной оказалась связь данного концепта с будущей профессиональной деятельностью (а именно с *предотвращением и расследованием* преступлений).

Модели ассоциативных полей концепта **РАССЛЕДОВАТЬ** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях:

РАССЛЕДОВАТЬ	Юр.	Не юр.
искать, изучать, исследовать, узнавать	42%	13,01%
найти виновных, искать доказательства, процессуально оформить дело, раскрывать (преступление)	26,5%	8,9%
тайну, событие	1,9%	2,4%
преступление, убийство	14%	26,03%
сыщик, детектив, следователь	5,55%	22,6%
обвиняемый, подозреваемый, преступник	1,74%	4,1%
судопроизводство(юр.), улики	8,4%	7,2%
реакции на лексемы: «дело», «преступление»: кровавое, умышленное, ужасное	—	8,6%
реакции на слово «следователь» и словосочетание «процесс расследования»: умный, кропотливое, дотошный	—	6,2%
Отказ	1	

РАССЛЕДОВАТЬ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>искать, изучать, исследовать, узнавать</i>	<i>преступление, убийство</i>
42%	26,03%

Ядро ассоциативного поля **РАССЛЕДОВАТЬ** в профессиональном языковом сознании составляют универсальные глаголы с широким значением: *(разы)искать/разыскивать*62, *выяснять/найти/находить/установить истину*20, *изучать*17, *узнавать*13, *найти/находить*11, *работать*9, *выяснять*8, *устанавливать*8, *распутывать*7, *думать*6, *анализировать*6, *искать/узнать правду/суть*5, *рассматривать*5, *искать истину*3, *писать*3, *исследовать*3, *разбираться*3, *расспрашивать*2, *оформить*2, *разузнать*2, *открывать/открыть, разбираться с обстоятельствами, просвещаться, разрешать, раскрыть суть, действовать, выискивать, находить ответ, обнаружить, выведывать, распознавать, понимать, вникать, познавать, знать, выявлять, пролить свет,*

освещать, предполагать, рассуждать, оценивать, собрать мозаику, уточнять, определять, планировать, собрать информацию, проверять, развивать и др.

Ядро ассоциативного поля **РАССЛЕДОВАТЬ** в общеязыковом сознании составляют ассоциации, отражающие объект расследования: *преступление*²⁹, *убийство*¹⁸, *дело*¹⁷, *кража*⁴, *воровство*², *хитрое убийство*, *«глухарь»*, *афёра*, *побег*, *злodeяние*. Ассоциации представлены лишь наименованиями противоправных деяний.

Ближайшая периферия (**22,6%**) ассоциативного поля **РАССЛЕДОВАТЬ** в общеязыковом сознании представлена реакциями, отражающими субъект расследования: *следователь*¹⁷, *детектив*¹¹, *милиция*¹⁰, *сыщик*⁷, *опер*⁴, *Шерлок Холмс*³, *следопыт*³, *милиционер*², *прокурор*², *полиция*, *полицейский*, *Коломбо*, *Fox Mulder*, *журналист*. Для профессионального языкового сознания количество подобных реакций составляет **5,55%**: *следователь*²⁹, *журналист*², *эксперт*, *милиция*, *прокурор*, *оперуполномоченный*. Ассоциации не отличаются большим разнообразием: *следователь*²⁹.

Ближайшая периферия (**26,5%**) ассоциативного поля **РАССЛЕДОВАТЬ** в профессиональном языковом сознании представлена глаголами с узким профессиональным значением: *раскрывать*⁵³ (*преступление*), *доказывать*¹⁹, *наказывать*⁸ (*виновного*), *собрать доказательства*⁸, *допрашивать*⁷, *проводить дознание*², *изучать материалы*² (*уголовного дела*), *обвинять*², *производить процессуальные действия*, *процессуально оформить дело*, *доказывать вину*, *вести следствие*, *устанавливать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела*, *осматривать*, *фотографировать*, *фиксировать*, *вынюхивать*, *искать/найти виновного*, *поймать*, *устанавливать лиц*, *дело шить*, *защищать права и свободы человека и гражданина*, *обыскивать* и под. Глаголы с узким профессиональным значением представлены в общеязыковых ассоциациях и составляют **8,9%**.

Ядро ассоциативного поля **РАССЛЕДОВАТЬ** в профессиональном языковом сознании (универсальные глаголы с широким значением) соответствует **13,01%** подобных реакций в общеязыковом сознании.

Ядро ассоциативного поля **РАССЛЕДОВАТЬ** в общеязыковом сознании (объект расследования: *преступление*, *убийство*) соответствует **14%** подобных реакций в профессиональном языковом сознании.

Реакции на лексемы «дело», «преступление» оказались характерны лишь для общеязыкового сознания и составляют **8,6%**: *кровавое, умышленное, ужасное, преступный, запутанный, сложный, тупиковый, загадочный, тайный, непонятное, нераскрытое* и др. То же можно сказать и о реакциях на лексемы «следователь», «процесс расследования»: *умный, честный, внимательный, дотошный, нудный, справедливый, мыслительный, беспокойный, следственный, тщательный, кропотливое*. Их количество среди общеязыковых ассоциаций составило **6,2%**. Именно в этих ассоциациях проявляется **эмоционально-оценочный компонент** концепта.

8,4% ассоциаций в профессиональном языковом сознании и **7,2%** общеязыковых реакций составили лексемы, обозначающие различные атрибуты процесса расследования и номинирующие профессиональные действия: **проф.** — *привлечение, привлечение к ответственности, обнаружение, доказательства, розыск, засада, взятка, осмотр, обнаружение следов, нахождение виновного, оправдание, суд, (уголовный) процесс, стадия уголовного процесса, судопроизводство, УПК, криминалистика, следственные действия(следствие), действия по расследованию преступления, ОРМ, ОРД, дознание, допрос, улики;* **общ.** — *улики, детали, мелочи, папка, протокол, отпечатки пальцев, лупа, подвал, участок, мотив, время, собака, нюх*. Следует отметить, что **реакции профессионалов** отличает **книжный стиль**, использование **аббревиатуры**.

Субъект преступного деяния (*подозреваемый, преступник, убийца, обвиняемый, искомый, неизвестный, субъект преступления*) представлен в **4,1%** общеязыковых ассоциаций и составляет **1,74%** ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания.

2,4% общеязыковых реакций и **1,9%** ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, составляют лексемы, обозначающие объект расследования без отрицательной коннотации: *тайну, событие, происшествие, добрые поступки, хорошее дело, поступок*.

Модели ассоциативных полей концепта **TO INVESTIGATE** в общезыковом и профессиональном языковом сознаниях искусственных билингов:

TO INVESTIGATE	law	Non-law
interviewing/questioning/interrogation/to interrogate/interview, to (a) search (for) (a suspect), detection/crime detection/detection of a criminal, to search/observe a crime scene/crime scene search/investigation/examination, to collect evidence, to make a record, to solve a crime (quickly), to bring a criminal action, to detect crime, to establish corpus delicti, to apprehend, to search for evidence	32,3%	4,7%
to discover the truth, to reveal, investigation, to discover, to observe/observation, to detail, to make the conclusions, to identify, methods and forms of investigation, to reconstruct the happening, to find, to recognize, to consider	18,2%	13,2%
an investigator, a detective	14,8%	31,1%
crime, infraction, murder, criminal case	5,2%	14,2%
case, mystery, puzzle, problem	3,1%	5,6%
a criminal, a suspect	6,7%	4,7%
evidence, a crime scene, ambush, fingerprints	9,4%	6,6%
witnesses, victim	3,6%	2,4%

TO INVESTIGATE

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>interviewing/questioning/interrogation/to interrogate/interview, to search/observe a crime scene/crime scene search/investigation/examination</i>	<i>a detective, a policeman/police officer, police, FBI, Sherlock Holmes, an investigator, prosecutor, agent, a private investigator, judge</i>
32,3%	31,1%

Ядро ассоциативного поля **TO INVESTIGATE** в профессиональном языковом сознании составляют лексемы, имеющие профессиональное значение: *interviewing/questioning/interrogation/to interrogate/interview, to (a) search (for) (a suspect), detection/crime detection/detection of a criminal, to search/observe a crime scene/crime scene search/investigation/examination, to collect evidence, to make a record, to solve a crime (quickly), to punish, to bring a criminal action, to detect crime,*

to establish corpus delicti, to locate, to apprehend, to catch, to search for evidence, conduct search, to sum up evidence, crime prevention, to prevent, crime detection, to combat crime, to bring the criminal to justice, to protect evidence, finding evidence, to arrest a criminal, to prove innocence, to conduct discovery, to conduct seizure, to conduct undercover work, overt work, covert work, to make plaster casts, to take fingerprints, to detain, detention, to conduct search, to work at a crime scene, take pictures, to testify, correct application and observance of law. В общеязыковом сознании процент подобных реакций составляет 4,7%.

Ядро ассоциативного поля **TO INVESTIGATE** в общеязыковом сознании составляют ассоциации, отражающие *субъект расследования*: *a detective, a policeman/police officer, police, FBI, Sherlock Holmes, an investigator, prosecutor, agent, a private investigator, judge, examining magistrate, a private detective, James Bond.* Субъект расследования отражен в 14,8% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания (*an investigator, a detective, a bobby-handler, CID, an operative, a police officer, cop, a judge, a barrister, a lawyer, prosecutor, a militia officer, MIA, Investigation Department, an investigator's office, police, a sleuth, a plain-clothes man, a field-criminalist, an interrogator, a medical expert*).

18,2% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено лексемами с универсальными значениями: *inquiry, to solve, to discover the truth, to reveal, investigation, to discover, to observe/observation, to detail, to make the conclusions, to accuse, to identify, methods and forms of investigation, to reconstruct the happening, to find, to recognize, to consider, to follow, to manage, to check, to come to know, to take active measures, investigational techniques, to exercise the duties, to combat, make an estimate of, to establish contact, to build a hypothesis, to obtain information, to penetrate, identification, to prove, to conduct, examination, to acknowledge, modus operandi, investigative.* Подобные ассоциации составили 13,2% общеязыковых реакций.

14,2% общеязыковых ассоциаций отражают объект расследования; они представлены лексемами, обозначающими вид правонарушений: *crime, murder, rape, theft, terrorism, a criminal case, dirty deeds.* Для профессионального языкового

сознания процент подобных реакций составил 5,2%: *crime, infraction, murder, criminal case, robbery, delict*.

9,4% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено лексемами, отражающими атрибутику процесса расследования преступлений: *evidence, a crime scene, ambush, fingerprints, footprints, traces, track, alibi, corpus delicti, dead cop, etc*. Подобные реакции составили 6,6% общеязыковых ассоциаций: *evidence, alibi, fingerprints, X-files, handcuffs, lie-detector*.

6,7% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, отражают субъект преступного деяния: *a criminal, a suspect, an accused, wanted, jailed, underworld*. Подобные реакции составили 4,7% общеязыковых ассоциаций.

5,6% общеязыковых ассоциаций представляют объект расследования, без указания на их противоправность: *case, mystery, affair, puzzle, problem, etc*. Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 3,1%.

3,6% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, отражают возможных фигурантов объекта расследования: *witnesses, a subject, a citizen, an informant/stool pigeon, a juvenile*. Подобные реакции составили 2,4% общеязыковых ассоциаций.

Ядро ассоциативного поля **TO INVESTIGATE** в профессиональном языковом сознании составляют *глаголы*, имеющие *профессиональное значение*. Ядро ассоциативного поля **TO INVESTIGATE** в общеязыковом сознании составляют ассоциации, отражающие *субъект* расследования. Следует отметить, что субъект (и в реакциях профессионалов, и в реакциях общеязыковых) представлен лексемами, номинирующими только лиц, занимающихся *расследованием противоправных действий*. Это говорит о том, что ассоциации были даны на значение глагола в узком профессиональном смысле. На это указывает и процент реакций, отражающих *объект* расследования. *Crime, infraction, murder, criminal case, etc*. составили **14,2%** общеязыковых ассоциаций. События, не обязательно являющиеся противозаконными, (*объект* расследования), отражены в 5,6% общеязыковых ассоциаций и составили 3,1% для профессионального языкового сознания: *case, mystery, puzzle, problem*.

На примере реконструкции данного концепта можно наблюдать наличие профессионально ориентированной части в общеязыковом сознании.

В ассоциациях *ОРМ*, *ОРД* отражен **профессионально маркированный компонент**, поскольку **стимул соотносен в профессиональном сознании** не с обычной лексикой, а с **типовой и частотной аббревиатурой**.

Общекультурные ассоциации представлены именами собственными: *James Bond*, *Шерлок Холмс*, *Агата Кристи*, *Коломбо*, *Fox Mulder*. Как видно из примеров, реакции представлены как устойчивыми и традиционными **прецедентными именами**, так и современными.

Модели ассоциативных полей концепта **АРЕСТ** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях:

АРЕСТ	Юр.	Не юр.
административный, на имущество	2,4%	—
задержание, лишение/ограничение свободы	43,6%	13,4%
мера воздействия, мера пресечения, мера наказания, мера ответственности	18,1%	2,2%
суд	3,3%	4,3%
санкция, наручники, конвой	8,4%	16,9%
тюрьма, СИЗО	17,4%	14,7%
преступник	1,1%	2,6%
понятые, милиция, менты, спецназ, ОМОН	—	13%
виновность, преступление	2,7%	12%
адвокат, права (человека)	—	3,5%
свобода	0,7%	—
беспокойство, одиночество, отчаяние, страх	2,2%	6,1%
незаконный, неожиданный, случайный	—	7,4%
клопы, пахан, небо в клеточку	—	3%
Отказ	4	—

АРЕСТ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>задержание, лишение/ограничение свободы</i>	—
43,6%	

Ядро ассоциативного поля **АРЕСТ** в профессиональном языковом сознании составляют лексемы, отражающие суть ареста: *(отсутствие) (временное) лишение(ограничение) свободы*¹, *задержание*⁴⁹, *заключение*²⁹,

*заключение(взятие) под стражу*13, *неволя*13, *ограничение*12, *лишение*10, *изоляция/изолирование (от общества)*8, *ограничение/лишение прав*5, *заточение*4, *поимка*4, *удержание*3, *содержание под стражей*3, *15(3) суток*3, *задержать, ограждение, изоляция, лишение права передвижения, невозможность совершения действий, помещение в СИЗО, взаперти, закрыли, закрытие в помещении.*

К ядру ассоциативного поля **АРЕСТ** в общеязыковом сознании сложно отнести какие-либо ассоциации. По-видимому, здесь имеется ***иной тип ядра.***

Ближайшую периферию ассоциативного поля **АРЕСТ** в профессиональном языковом сознании условно можно разделить на 2 зоны: **18,1%** реакций представлено лексемами, фиксирующими отражение ареста в нормативно-правовых актах: *мера пресечения*32, *наказание*32, *предупреждение/пресечение*9, *принуждение*7, *мера принуждения*7, *мера воздействия*4, *мера наказания*3, *мера*2, *мера ответственности, обеспечение расследования, этап в расследовании;* **17,4%** ассоциаций представлено лексемами, отражающими атрибутику мест пребывания арестованных: *тюрьма*28, *камера*22, *СИЗО*20, *ИВС*13, *клетка*3, *изолятор*2, *арестный дом, ИК, каторга, колония, зона, вытрезвитель, дежурная часть.*

Ближайшую периферию ассоциативного поля **АРЕСТ** в общеязыковом сознании мы условно разделим на 4 зоны. **16,9%** ассоциаций отражают атрибутику ареста: *наручники*26, *стрельба*2, *ордер, санкция, руки на стол, кандалы, конвой, резиновая палка, стража, мигалки, машины.* **14,7%** общеязыковых реакций представлено лексемами, отражающими атрибутику мест пребывания арестованных: *тюрьма*19, *решетка*7, *камера*4, *СИЗО*2 и др.; **13,4%** ассоциаций отражают суть ареста; **13%** представлено лексемами, обозначающими возможных фигурантов ареста: *милиция*14, *понятые*3, *менты*2, *ОМОН*2, *полицейские*2, *следователь*2, *СОБР, полиция, спецназ, свидетели, мужчины.*

Ассоциации, отражающие атрибутику ареста, в общеязыковом сознании составляют ближайшую периферию ассоциативного поля **АРЕСТ**, тогда как для профессионального языкового сознания подобные реакции составили **8,4%**. Когда нет профессионально обусловленных структур, имеют место только ***предметные соотнесения.***

Примерно в равном процентном соотношении находятся ассоциации, отражающие действия следственных органов, судебный процесс и его фигурантов:

суд, подозревать, раскрытие, расследовать следствие, погоня, обыск, государство, УПК, судья и т.д. Процент данных реакций составил **3,3%** для профессионального языкового сознания и **4,3%** в общеязыковом сознании. Пациент ареста отражен в **1,1%** и в **2,6%** ассоциаций в профессиональном языковом сознании и общеязыковом сознании соответственно. Для ассоциаций профессионального языкового сознания характерно большее разнообразие лексем: *правонарушитель, преступник, зек, подозреваемый*. Сравним с общеязыковой ассоциацией: *преступник*.

Следует отметить ряд ассоциаций, характерных лишь для одного из исследуемых нами языковых сознаний или имеющих большую разницу в процентном отношении.

18,1% реакций, актуализирующих отражение ареста в нормативно-правовых актах, составляет ближайшую периферию ассоциативного поля **АРЕСТ** в профессиональном языковом сознании, тогда как для общеязыкового сознания подобные реакции соответствуют **2,2%** и представлены они одной лексемой — *наказание*.

Виды ареста — *административный, на имущество* и др. — представлены **2,4%** профессиональных ассоциаций. В ассоциативном поле общеязыкового сознания они не проявились вовсе. Не нашла своего отражения в общеязыковом сознании и ассоциация *свобода* (**0,7%** — проф.).

Относящиеся к ближайшей периферии (**13%** общеязыковых ассоциаций) реакции, отражающие возможных фигурантов ареста, оказались неактуальными для профессионального языкового сознания.

Причины ареста отражены в **12%** общеязыковых ассоциаций: *преступление*¹⁵, *кража*³, *убийство*², *обвинение*², *виновность, провинность, грех, правонарушение, финансовое преступление, грабеж*. **2,7%** ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлены лексемами: *виновность/вина*⁵, *преступление*³, *правонарушение*³, *деяние, совершение правонарушения, ответственность, подозрение в чем-л.*

Эмотивный компонент представлен в **6,1%** общеязыковых реакций: *страх*², *боль*², *болезнь, смерть, горе, отчаяние, тоска, несправедливость, крик, ругань, темнота*. Лексемы, выражающие эмоцию, составляют **2,2%** ассоциаций в

профессиональном языковом сознании: *так ему и надо, беспокойство, подавленность, одиночество, отчаяние, страх, гнев, страдания.*

Такие характеристики ареста, как *незаконный, неожиданный, случайный*, актуальны только для общеязыкового сознания, они составляют **7,4%**.

3,5% общеязыковых реакций отражают аспект защиты арестованного: *адвокат, юрист, хороший адвокат, права (человека).*

3% общеязыковых ассоциаций представлены лексемами, отражающими быт заключенного: *клопы, параша, крысы, пахан, обезьянник, небо в клеточку, друзья в полосочку.* Данный компонент ассоциативного поля **ARREST** неактуален для профессионального языкового сознания.

Модели ассоциативных полей концепта **AN ARREST** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях искусственных билингвов:

AN ARREST	law	Non-law
to make a record, prosecution/to prosecute, interrogation, detection of a criminal/crime detection, to punish, to neutralize, to search, to lay an ambush, to solve, conviction, to suspect, chase, to bring a charge, to bring a criminal action, to bring the criminal to justice	18,5%	7,6%
to apprehend/apprehension (a criminal), to detain, detention(of a criminal), to catch, to deter, retain, imprisonment, to catch the offender, to catch a criminal, to prevent, warn, capture, to isolate	13,7%	2,2%
a barrister, police officer/policeman, police, judge, officers	11,3%	19%
(of) a criminal, a suspect, an accused, guilty, an evil-doer	11%	7%
jail/prison, detention cell, a cell, police precincts, penitentiary, penal institutions, lock-up ward	8,2%	20%
handcuffs, warrant, police car, sirens, bracelets, sanction, guard, gun, uniform, right to keep silent	6,7%	25,9%
violence, violation, brutality, torture, pain, sorrow, surprise	—	4%
hazard	0,9%	—
a crime, bad, evil, an offence, an indictable offence, drug trafficking, murder, taking of hostages, gambling, malefaction, scam	5,5%	1,3%
to eliminate, to estimate, to make conclusions, to contain, to prove, to discover the truth, issue, resolve, take into consideration	3,4%	—

trial, law, article, code, justice, law enforcement, legality	6,4%	1,3%
preliminary, mandatory, vital, civil, new, illegal, urgent, right	2,7%	0,9%
measure, force, revenge, influence, power	1,8%	—
mistake, fail, doubt, suspicion	1,5%	0,4%
somebody, a man, people, person, complainant, informant	1,5%	0,4%
a chance to lose freedom, the end of life	—	0,9%
guilt	1,5%	0,4%
low colloquial lexis, bad food, jail roommates, slippers, suit	—	2,7%
a crime scene	1,2%	—

AN ARREST

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>to make a record, prosecution/to prosecute, interrogation, detection of a criminal/crime detection, to punish, to enforce, to neutralize, to search, to discover, to lay an ambush, to solve</i>	<i>handcuffs, warrant, police car, sirens, bracelets, sanction, guard, gun, uniform, right to keep silent</i>
18,5%	25,9%

Ядро ассоциативного поля **AN ARREST** в профессиональном языковом сознании составляет лексика, отражающая следственный процесс, судопроизводство. Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составляет 7,6%.

Ядро ассоциативного поля **AN ARREST** в общеязыковом сознании составляют ассоциации, отражающие атрибутику ареста. Для профессионального языкового сознания подобные реакции составляют 6,7%.

Ближайшую периферию данного ассоциативного поля в общеязыковом сознании составляют лексемы, отражающие места лишения свободы (**20%** общеязыковых ассоциаций), и лексика, обозначающая блюстителей правопорядка (**19%** общеязыковых ассоциаций). Для профессионального языкового сознания процент реакций *jail/prison, detention cell, a cell, penitentiary, penal institutions, lock-up ward* составил 8,2%; ассоциаций *a barrister, police officer/policeman, police, judge, officers, a prosecutor, a lawyer, a magistrate, a militia officer, militia, an operative, commissioner, cop, an investigator, a detective* — 11,3%.

Объяснение ареста, синонимика и цели ареста нашли отражение в **13,7%** ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания: *to apprehend/apprehension (a criminal), to detain, detention(of a criminal), to catch, to deter, retain, imprisonment, to catch the offender, to catch a criminal, to prevent, warn, capture, to isolate*. Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составляет 2,2.

Возможный объект ареста отражен в 7% общеязыковых ассоциаций: *a criminal, a suspect, prisoner, drug addicts, robber, rapist, imprisoned, bad guys, gang, guilty, etc*. Для профессионального языкового сознания подобные реакции составляют 11%: *(of) a criminal, a suspect, an accused, guilty, an evil-doer, close associate, a drunken person*.

Законодательная база для проведения ареста отражена в **6,4%** ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания (*trial, law, article, code, justice, law enforcement, legality*), и составляет лишь 1,3% общеязыковых ассоциаций.

Возможная причина ареста, а именно, классификация правонарушений, отражена в **5,5%** ассоциаций, данных будущими профессионалами правоприменения: *a crime, an offence, an indictable offence, drug trafficking, shoplifting, murder, taking of hostages, gambling, malefaction, scam, etc*. Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составляет 1,3.

Вид ареста и его оценка представлены в 2,7% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания (*preliminary, mandatory, vital, civil, new, illegal, urgent, right*), подобные реакции составили 0,9% общеязыковых ассоциаций (*legal, unexpected*).

Арест вызывает сомнения, оценивается как ошибочный, в 1,5% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, и в 0,4% общеязыковых ассоциаций: *mistake, fail, doubt, etc*.

Возможные участники ареста отражены в 1,5% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, и в 0,4% общеязыковых ассоциаций: *somebody, a man, people, person, complainant, informant*.

Ассоциация *guilt* составила 0,4% общеязыковых реакций и 1,5% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания.

Реакции, отраженные только в общеязыковом сознании.

4% общеязыковых ассоциаций отражают эмоциональное отношение респондентов к аресту: *violence, violation, brutality, torture, pain, sorrow, surprise, too much fun, unexpectedly*. **2,7%** ассоциаций отражают атрибутику мест лишения свободы: *low colloquial lexis, bad food, jail roommates, slippers*. В **0,9%** ассоциаций дается объяснение ареста: *a chance to lose freedom, the end of life*.

Реакции, отраженные только в профессиональном языковом сознании.

Арест связан с риском, опасностью, что отражено в **0,9%** ассоциаций. Глаголы универсального значения, не имеющие специфических, профессиональных коннотаций (*to eliminate, to estimate, to make conclusions, to contain, to prove, to discover the truth, issue, resolve, take into consideration*) представлены в **3,4%** ассоциаций.

Объяснение ареста как средства, меры (наказания), дано в **1,8%** ассоциаций.

Ассоциации *a crime scene, ghetto, area* составляют **1,2%** ассоциаций.

Модели ассоциативных полей концепта **НАКАЗАНИЕ** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях:

НАКАЗАНИЕ	Юр.	Не юр.
кара, возмездие	18,6%	11,5%
виновность	3,5%	3,02%
(уголовная) ответственность	6,8%	—
преступление	5,6%	9,4%
уголовно-правовое	0,3%	0,3%
казнь, штраф, тюрьма, ограничить	29,78%	19,64%
справедливое, неизбежное	9,4%	18,7%
исправление, мера воздействия	8,8%	2,1%
преступник	2,1%	2,72%
ребенок, невинный	—	2,42%
суд, закон	8,3%	11,2%
боль, страдание, страх, отчаяние	5,3%	10,6%
Достоевский	0,3%	2,1%
сессия	—	3,6%
Отказ	2	1

НАКАЗАНИЕ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>казнь, штраф, тюрьма, ограничить</i>	<i>казнь, штраф, тюрьма, ограничить</i>
29,78%	19,64%
	<i>справедливое, неизбежное — 18,7%</i>

Ядро ассоциативного поля **НАКАЗАНИЕ** и в общеязыковом сознании, и в профессиональном языковом сознании составляют реакции, отражающие виды наказания: *ограничение, лишение(я), запрет, испытание, общественные работы, исправительные работы, штраф, ограничение прав, лишение права, лишение/ограничение свободы, домашний арест, арест, заключение под стражу, неволя, срок, пожизненное заключение, тюрьма, (смертная) казнь, расстрел* и т.д.

В общеязыковом сознании к центральному компоненту мы также отнесли реакции, отражающие оценку: *справедливое*¹¹, *жестокое*⁸, *несправедливое*⁵, *строгое*⁴, *тяжелое*⁴, *незаслуженный*³, *суровое*³, *строгость*², *справедливость*², *заслуженное*², *легкое*², *неминуемое, жестокость, по закону, заслуга, по заслугам, грубое, неожиданное, болезненный, бесполезное, достойный*.

Ближайшую периферию ассоциативного поля **НАКАЗАНИЕ** и в общеязыковом сознании (**11,5%**), и в профессиональном языковом сознании (**18,6%**) составляют синонимы: *кара, расплата, возмездие, месть, око за око, кара небесная, Божья кара, расправа, отмщение*.

11,2% реакций в общеязыковом сознании представляют ассоциации, относящиеся к концептуальному полю «правосудие, судебный процесс»: *суд*¹⁹, *приговор*⁴, *закон*⁴, *судья*², *вердикт*², *присяжные, полицейский, решение, правосудие, правила, статья УК РФ*. Данный компонент представлен в **8,3%** реакций в профессиональном языковом сознании.

9,4% реакций в профессиональном языковом сознании представляют характеристики наказания: *справедливое, неизбежное* и др. Напомним, что подобные реакции составляют ядро ассоциативного поля в общеязыковом сознании (**18,7%**).

10,6% реакций в общеязыковом сознании отражают эмоциональный компонент: *раскаяние*⁵, *боль*⁴, *страх*², *слезы*², *обида*², *плохо, жестокость, угроза*,

ненависть, голод, адреналин, скандал, усталость, душевная боль, стыд, мука, одиночество, отчаяние, несчастье, страшный, черный, ужасный. Для сравнения скажем, что эмоциональный компонент данного ассоциативного поля в профессиональном языковом сознании отражен лишь в **5,3%** реакций, т.е. данный компонент является *менее актуальным* для профессионального языкового сознания в модели ассоциативного поля концепта **НАКАЗАНИЕ**.

8,8% реакций в профессиональном языковом сознании составляют ассоциации, отражающие причинно-следственные отношения между совершенным противоправным деянием и наказанием, известные только профессионалам: *исправление*¹², *мера*⁴, *мера пресечения*³, *мера государственного принуждения*², *мера наказания*², *мера воздействия*², *мера воспитания*², *предупреждение*², *форма ответственности*², *мера, применяемая к виновному*; *мера взыскания*, *цель перевоспитания*, *воспитание*, *несение ответственности за совершение преступления*. Данный компонент присутствует в общеязыковых ассоциациях, но он составляет всего **2,1%** реакций и представлен не таким богатым и детальным набором ассоциаций: *вынужденная мера*, *исправление*, *предупреждение*.

Количество реакций, отражающих причину наказания (за что наказывают) составляет в профессиональном языковом сознании **5,6%**, в общеязыковом сознании — **9,4%**. Но здесь следует отметить, что в общеязыковом сознании ассоциации представлены лексемами (*за*) *преступление*²², *проступок*⁴, *оплошность*, *прокол*, *ошибка*, *накость*; в профессиональном языковом сознании — (*за*) *преступление*²⁸, *правонарушение*³, *проступок*³, (*за*) *деяние*, *поступок*.

Ассоциации, представленные лексемами *вина/виновность*, отражены в **3,5%** в профессиональном языковом сознании и в **3,02%** реакций в общеязыковом сознании.

Ассоциации, отражающие пациента наказания, представлены в **2,1%** в профессиональном языковом сознании (*преступник*¹¹, *виновный*², *правонарушитель*) и в **2,72%** реакций в общеязыковом сознании (*преступник*³, *Раскольников*², *бандит*, *подсудимый*, *виновный*, *пойманный*), что составляет примерно *равные* (в процентном отношении) *секторы* моделей ассоциативных полей.

Но наказывать можно не только преступника. В **2,42%** реакций в общеязыковом сознании нашли отражение такие ассоциации, как *ребенок, напавший, вредный, непослушный, ребенок2, маленькие дети*. В профессиональном языковом сознании подобные реакции отсутствуют.

3,6% ассоциаций в общеязыковом сознании составляют реакции, отражающие студенческую жизнь: *пересдача (экзамена), сессия, зачетная неделя, первая пара, нет денег*. Данные реакции не представлены в профессиональном языковом сознании вообще.

Как мера ответственности наказание отражено только в профессиональном языковом сознании (**6,8%**): *ответственность41 (за преступление), уголовная ответственность2, привлечь к уголовной ответственности, ответственность за причиненный вред*.

Данный **концепт формируется** в сознании будущих юристов в непосредственной связи с областью **уголовного права и процесса**.

Профессиональное языковое сознание «отсекает» все компоненты данного концепта, которые не имеют отношения к специфике профессии.

Модели ассоциативных полей концепта **PUNISHMENT** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях искусственных билингов:

PUNISHMENT	law	Non-law
fine, to impose a fine, no/not freedom, divestment, deprivation of rights, to ban	23,7%	41,4%
conviction, justice, to bring the criminal to justice, to pass the sentence, to apprehend a criminal, to punish, to convict, to detain, to prosecute/prosecution, to administer justice	20,1%	7,2%
a judge, a lawyer, a prosecutor	17,8%	8%
fault, guilt, homicide, crime	7,3%	12,2%
destiny, measure, result, rehabilitation, correction, price, revenge, an obligatory thing, is always necessary, a logical consequence of a bad	7,3%	3,6%

action, fee		
a criminal, an accused, guilty, a suspect	7%	5,9%
suffering, ache, torture, fear, danger, anger, pain	4%	8,6%
capital, coercive, light punishment, unfair, severe	4%	5,4%
victim, a plaintiff	0,8%	—
Dostoevsky	—	4%
The Bible, Judgement Day	—	0,9%
to admit, shirk, to escape	0,6%	0,5%

Как видно из таблицы, в *общезыковом сознании* имеется большой разрыв между ассоциациями, составляющими ядро концепта и его периферию.

PUNISHMENT

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>fine, to impose a fine, no/not freedom, divestment, deprivation of rights, to ban</i>	
23,7%	41,4%

Ядро ассоциативного поля **PUNISHMENT** и в *общезыковом сознании*, и в профессиональном языковом сознании составляют реакции, отражающие виды наказания и учреждения исполнения наказания: *arrest, prison, fine, to impose a fine, jail, detention cell, no/not freedom, divestment, deprivation of rights, to ban, penal institutions, etc.*

Ближайшую периферию ассоциативного поля **PUNISHMENT** в профессиональном языковом сознании (**20,1%**) составляют лексемы, словосочетания, отражающие судебный процесс и процесс расследования: *conviction⁸, justice⁷, to bring the criminal to justice⁶, to pass the sentence⁶, to apprehend a criminal⁶, to punish⁵, to convict³, to detain³, to prosecute/prosecution³, to administer justice², judgement², catch², to apprehend², to punish convicted, detection, protection, to take active measures, search, to neutralize, to make a record, to interrupt, to perform, persuasion, to bring a criminal action, to supervise, discover the truth, to discharge, conclusions of judge, verdict, sentence, trial*. В *общезыковом сознании* подобные реакции составили 7,2%: *sentence¹⁰, (to) blame³, trial², investigation*.

17,8% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, составляют лексемы, обозначающие представителей закона и сам закон: *a judge¹⁹, a lawyer⁴, a prosecutor⁴, law³, a barrister², magistrate², jury², a notary, punisher,*

government, Criminal Law, article, etc. В общеязыковом сознании подобные реакции составили 8%.

Для общеязыкового сознания оказалась характерной незаполненность ближайшей периферии.

12,2% общеязыковых ассоциаций отражают причину наказания (за что наказывают): (*and*)*crime*¹², “*Crime and Punishment*”⁴, *fault*³, *guilt*³, *homicide, to kill somebody, sin, misdeed, bad behaviour*. Причина наказания отражена в 7,3% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания: *crime*⁷, *hit*³, *bribe*², *guilt*⁷, *murder, assault, disturb, to kill, offence, infringement, etc.*

Чем является наказание (мерой, ценой, средством чьей-либо безопасности и т.д.), отражено в 7,3% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания: *security*⁶, *force*⁴, *destiny*⁴, *prevention*³, *measure*², *result*², *rehabilitation, secure, correction, price*. В общеязыковом сознании подобные реакции составили 3,6%: *revenge*², *an obligatory thing, is always necessary, a logical consequence of a bad action, responsibility, unhappy accident for a criminal, fee*.

Ассоциации, отражающие возможного пациента наказания, представлены в 5,9% общеязыковых ассоциаций (*guilty*⁶, *guilty child, child, person, a criminal, Decembrists*); и в 7% ассоциаций, данных будущими юристами: *a criminal*¹⁰, *an accused*³, *guilty*³, *a suspect, prisoner, an evil-doer, a murderer, killer, psycho, a rapist, subject, mother-in-law*.

5,4% общеязыковых ассоциаций отражают характеристики наказания: *just, injustice, to teach a lesson, legal, false, severe, sweet, etc.* Для профессионального языкового сознания процент подобных ассоциаций составляет 4%: *capital, coercive, light punishment, judicial, unfair, etc.*

Эмоциональный компонент отражен в 8,6% общеязыковых ассоциаций (*suffering, ache, torture, a lot of troubles, pain, shame, regret, last wish, silence, loneliness, cruelty, honesty, etc.*) и в 4% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания: *fear, danger, anger, pain, etc.*

Не нашли свое отражение в общеязыковом сознании ассоциации, представленные лексемами: *victim, a plaintiff*. В профессиональном языковом сознании они составили **0,8%**.

Автор известного произведения отражен в **4%** общеязыковых ассоциаций. *The Bible, Judgement Day* (**0,9%** общеязыковых ассоциаций) не отражены в ассоциациях, характерных для профессионального языкового сознания.

Национально маркированный компонент ассоциативного поля представлен следующими ассоциациями: *Decembrists, "Crime and Punishment", Dostoevsky, Раскольников, Питер, старуха-процентщица, развоплощение (фильм «Ночной дозор»)*. Следует указать на то, что данные реакции проявились только в **общеязыковом сознании**. То же можно сказать и об **общекультурных** ассоциациях: *The Bible, Judgement Day*.

Социальный статус респондента отражен в ассоциациях, данных непрофессионалами: *пересдача (экзамена), сессия, зачетная неделя, первая пара, нет денег*. Будущие юристы, несмотря на **аналогичный социальный статус**, не сближают данный стимул с этой смысловой областью.

Профессионально маркированный компонент ассоциативного поля (в профессиональном языковом сознании) представлен в реакциях, отражающих виды наказания: *уголовно-правовое, административно-правовое*; в формулировках, отражающих причинно-следственные отношения между совершенным противоправным деянием и наказанием: *мера пресечения, мера государственного принуждения, мера воздействия, мера воспитания, предупреждение, форма ответственности, мера, применяемая к виновному; мера взыскания, цель перевоспитания, воспитание, несение ответственности за совершение преступления*.

Модели ассоциативных полей концепта **АЛИБИ** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях:

АЛИБИ	Юр.	Не юр.
невинность, непричастность, доказательство, защита	65,4%	21,3%
суд, следствие	2,24%	16,43%
неопровержимое, железное, стопроцентное	—	13,83%
преступление	3,36%	10,09%
занятие	4,8%	8,36%

отмазка, прикрытие, ложь	7,8%	7,5%
свидетель	3,7%	4,9%
сфабрикованное, слабое, хлипкое, ненадёжное	—	4,61%
виновность, подозрение, наказание	1,68%	3,75%
спокойствие, безопасность	4,2%	3,7%
приключение, авантюра, страх	—	3,46%
подозреваемый	2,24%	2,02%
место нахождения в момент преступления	2,9%	—
отсутствие	1,12%	—
Отказ	1	1

АЛИБИ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>доказательство, защита, непричастность, невиновность, оправдание</i>	
65,4%	21,3%

И в общеязыковом сознании, и в профессиональном языковом сознании актуализированными оказались причинно-следственные отношения. Но актуализируются они по-разному. Алиби — условие непричастности человека к совершенному злодеянию. Иметь алиби — значит быть оправданным, защищенным, освобожденным от обвинения.

Ближайшую периферию в общеязыковом сознании (**16,43%**) составляют ассоциации, отражающие процесс расследования и судебный процесс: *суд*²⁴, *адвокат*¹³, *судебный процесс*, *закон*, *процесс*, *расследование*⁴, *следствие*², *зал заседания*, *заседание*, *судья*, *следователь*², *обвинитель*, *милиция*³, *полиция*, *уголовный участок*. Наблюдается актуализация субъектно-объектных отношений: кто из профессионалов имеет дело с алиби, где алиби может фигурировать или может оказаться важным.

Для профессионального языкового сознания оказалась характерной незаполненность ближайшей периферии. Большой разрыв между реакциями, составляющими ядро поля, и ассоциациями, представляющими его периферию, свидетельствует о наличии стабильного ядра концепта в сознании будущих профессионалов правоприменения.

Следующая часть (**13,83%**) периферии в общеязыковом сознании представлена оценочными ассоциациями: *железное*⁷, *стоцентное*⁴, *правдивый*⁴, *точное*³, *надежное*², *спасительное*, *доказанное*, *подтвержденное*, *мощное*, *неопровержимое*, *достоверное*, *прочный*, *бесспорное*, *честное*, *продуманный*, *убедительное*, *правдоподобный*.

10,09% реакций представлено лексемами, обозначающими различные виды правонарушений: *преступление*²⁵, *убийство*⁷, *ограбление* и др.

8,36% составляют реакции, отражающие атрибутику алиби, род занятий, обеспечивающий алиби: *деньги*², *профессия*, *пьянка*, *гости*, *работа*, *универ*, *тотем*, *гостиница*, *кино*, *дом*, *диван*, *телефон* и др.

Лишь на уровне 7-8% от общего количества реакций начинается заполнение периферии данного ассоциативного поля в профессиональном языковом сознании.

7,8% реакций составляют реакции, отражающие отрицательную оценку алиби: *ложь/ложность*¹⁰, *неправда*², *обман*, *вранье*, *отмазка(маза)*⁹, *прикрытие*⁸, *отговорка*⁵, *перестраховка*³, *при/укрывательство*, *сокрытие*, *хитрость*. Похожая картина характерна и для общеязыкового сознания: *отмазка*⁹, *отмазался*, *ложь*³, *вранье*², *неправда*², *прикрытие*², *обман*², *измена*, *ошибка*, *уловка*, *недоверие*, *выгода*. Эти реакции составили **7,5%**.

Здесь следует отметить наличие реакций, выраженных ненормативной лексикой (*отмазка*, *маза*, *отмазался*).

Особый интерес представляют реакции, которые нашли свое отражение лишь в одном из исследуемых языковых сознаний.

Реакции, отраженные только в общеязыковом сознании. 13,83% оценочных ассоциаций: *неопровержимое*, *железное*, *стоцентное* и т.д. Данные реакции составляют ближайшую периферию ассоциативного поля **АЛИБИ. 4,61%** реакций, отражающих отрицательную оценку: *сфабрикованное*, *слабое*, *хлипкое*, *ненадёжное*, *ложное. 3,46% — *приключение*, *авантюра*, *страх*.*

Реакции, отраженные только в профессиональном языковом сознании. Напомним определение, данное в словаре: **Алиби** — (латин. *alibi* — в другом месте (право)) отсутствие **обвиняемого** на месте **преступления** в момент его **совершения**, как доказательство его **непричастности** (связь с невиновностью) к преступлению.

2,9% реакций, актуализирующих понятийный компонент: *нахождение в другом месте*⁵, *место нахождения*³, *место*², *нахождение в определенном месте*, *нахождение в момент преступления*, *место нахождения в момент преступления*, *сведения о нахождении лица в другом месте в момент совершения преступления*. **1,12%** — *отсутствие*⁴, *отсутствие в определенном месте*, *отсутствие состава*.

В данных ассоциациях можно наблюдать «следы» устойчивых вербальных компонентов стереотипа. Следует отметить, что данные реакции представляют **дальнюю периферию** ассоциативного поля **АЛИБИ** в профессиональном языковом сознании.

Отражение компонентов концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в ассоциативном поле **АЛИБИ** профессионального языкового сознания составляет **11,2%**. Примеры: *преступление*¹⁷, *свидетели*¹⁴, *подозреваемый*^б, *преступник*^б, *жертва/потерпевший*³, *обвинение*³, *уголовный процесс*², *арест*², *очевидцы*, *уголовное преследование*, *допрос*, *суд*, *следователь*, *дело*, *наказание*.

Отражение компонентов концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в ассоциативном поле **АЛИБИ** общеязыкового сознания составляет **36,9%**. Примеры: *преступление*²⁵, *суд*²⁴, *адвокат*¹³, *свидетель*¹⁰, *убийство*⁷, *наказание*⁷, *расследование*⁴, *улика*⁴, *милиция*³, *подозрение*³, *следствие*², *следователь*², *подозреваемый*², *судебный процесс*, *закон*, *процесс*, *зал заседания*, *заседание*, *судья*, *обвинитель*, *полиция*, *уголовный участок*, *обвинение*, *погоня*, *заключение*, *дознание*, *тюрьма*, *камера*, *видеокамера*, *детектор лжи*, *обвиняемый*, *арестованный*, *ограбление*, *дело*, *уголовщина*.

Для профессионального языкового сознания являются неактуальными качественные оценочные реакции.

Модели ассоциативных полей концепта **ALIBI** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях искусственных билингов:

ALIBI	law	Non-law
innocence, evidence, justification, explanation, to protect, to prove	26,3%	28%
crime, murder, assault, theft	4,8%	14,9%
time, a place, date, profession, I do, occupation, to play football, running, watching TV	10,6%	7,4%
police, a judge, a lawyer	6,7%	10,2%

investigation, conviction, inquiry, trial, punishment, pursuit/not to pursuit, accuse	8,7%	10,7%
a witness, friend, participant, a plaintiff, wife, parents, girl	9,5%	6,1%
a suspect, a criminal, an evil-doer	6%	4,2%
lie, lie that helps you, fake, deceiving a person, ability to escape, invention of advocate, unbelievable, false, fault, delirium	3,1%	6,5%
guilt	1,7%	2,3%
truth, data, information, to discover the truth, to reveal	4%	—
law, legality, Criminal Law, Civil Law, family Law, article	2,8%	1,4%
a crime scene, weapon, an instrument of a crime	3,1%	—
absence at the crime scene, absent, location, missing	1,4%	1%

ALIBI

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>innocence, evidence, justification, explanation, to protect, to prove</i>	
26,3%	28%

Ближайшую периферию в общезыковом сознании (**14,9%**) составляют ассоциации, отражающие вид правонарушения: *crime23, murder6, theft, fraud, etc.*

Для профессионального языкового сознания оказалась характерной незаполненность ближайшей периферии.

10,6% составляют реакции, отражающие атрибутику алиби, род занятий, обеспечивающий алиби: *time10, home6, a place5, date, profession, I do, occupation, to play football, running, watching TV, cinema, tour, sleeping at this time, a flat, etc.*

10,7% общезыковых ассоциаций составляют реакции, отражающие процесс расследования и судебный процесс: *court12, investigation5, trial2, interrogation, examination, charge, etc.*

10,2% общезыковых ассоциаций представлено лексемами, обозначающими фигурантов стороны расследования, судебного процесса: *police7, a judge5, a lawyer4, officer2, Sherlock Holmes, a prosecutor, an attorney, etc.*

7,4% общезыковых ассоциаций составляют реакции, отражающие атрибутику алиби, род занятий, обеспечивающий алиби: *time3, film2, free time, time*

schedule, diary, at home, place, activity, a date, thinking about my last time, playing cards, etc.

9,5% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, составляют реакции, отражающие возможных лиц, способных подтвердить или опровергнуть алиби: *a witness²⁰, friend², participant², a plaintiff, wife, parents, girl, a bystander, a citizen, etc.*

8,7% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, составляют реакции, отражающие процесс расследования и судебный процесс: *investigation⁵, conviction⁴, inquiry, trial, summon, a citation, to make a record, questing, to detect, to seek, to solve (crime), punishment, pursuit/not to pursuit, accuse, etc.*

6,7% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, составляют лексемы, обозначающие фигурантов стороны расследования, судебного процесса: *a lawyer⁵, counsel for the defence/a barrister⁴, a detective³, a policeman², an investigator², prosecutor, interrogator, attorney, a judge, a militia officer, militia, policemen.*

6% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, составляют реакции, отражающие лиц, (возможно) совершивших правонарушение: *a suspect¹³, a criminal⁶, an evil-doer.*

4,8% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, составляют реакции, отражающие вид правонарушения: *crime¹¹, fraud², malice, assault, to kill, infraction.*

6,5% общеязыковых ассоциаций составляют реакции, отражающие отрицательную оценку алиби: *lie, lie that helps you, fake, deceiving a person, ability to escape, escape, to hide, invention of advocate, to invent, unbelievable, false, fault, delirium.*

6,1% общеязыковых ассоциаций представлено лексемами, обозначающими возможных лиц, способных подтвердить или опровергнуть алиби: *a witness⁹, friends², victim².*

Центральные зоны ассоциативных полей данного концепта в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях **совпадают**.

Для профессионального языкового сознания оказалась характерной незаполненность ближайшей периферии (как на родном языке, так и на иностранном).

Ближайшую периферию в общезыковом сознании (**14,9%**) составляют ассоциации, отражающие конкретный вид правонарушения: *crime23, murder6, theft, fraud, etc.* **10,09%** в русском варианте.

Ближайшую периферию в общезыковом сознании (**16,43%**) составляют ассоциации, отражающие процесс расследования и судебный процесс. 10,7% — английский вариант.

Отсутствие оценочного компонента.

В английском варианте дано больше ассоциаций, связывающих *алиби* с концептом «*crime*».

Напомним, что в семантическом поле концепта **ALIBI/АЛИБИ** отражены компоненты: «отсутствие» в(на) «месте» «преступления» в «момент» его «совершения» как «доказательство» «непричастности».

АЛИБИ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>доказательство, защита, непричастность, невиновность, оправдание</i>	
65,4%	21,3%

ALIBI

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>innocence, evidence, justification, explanation, to protect, to prove</i>	
26,3%	28%

В ядре ассоциативного поля общезыкового и языкового профессионального сознаний отражен *компонент лексического значения* — **факт (доказательство) непричастности** к преступлению, но представлен в единичных реакциях его **основной** компонент — **отсутствие** на месте преступления. Что касается общезыкового сознания, то этот компонент вовсе отсутствует.

Характеристики алиби (Неопровержимое, железное, стопроцентное) отражены в материалах словарных статей и в ассоциативных полях сознания непрофессионалов.

Для профессионального языкового сознания оказалась неактуальной *оценка* алиби. В общеязыковом сознании данные реакции составляют ближайшую периферию ассоциативного поля **АЛИБИ**. (13,83% оценочных ассоциаций: *неопровержимое, железное, стопроцентное* и т.д.). 7,5% — *отмазка*⁹, *отмазался, ложь*³, *вранье*², *неправда*², *прикрытие*², *обман*², *измена, ошибка, уловка, недоверие, выгода*. 4,61% реакций, отражающих отрицательную оценку: *сфабрикованное, слабое, хлипкое, ненадёжное, ложное*. 3,46% — *приключение, авантюра, страх*.

Эмоциональный компонент вербальной репрезентации концепта в профессиональном языковом сознании отражен только в 7,8% реакций, отражающих отрицательную оценку алиби: *ложь/ложность*¹⁰, *неправда*², *обман, вранье, отмазка(маза)*⁹, *прикрытие*⁸, *отговорка*⁵, *перестраховка*³, *(при)укрывательство, сокрытие, хитрость*.

На основе анализа ассоциативного поля **АЛИБИ** в профессиональном языковом сознании и в сознании общеязыковом мы делаем следующие *выводы*:

1) принадлежность *множества ассоциаций к ядру* ассоциативного поля в профессиональном языковом сознании свидетельствует о *большей стереотипности данного фрагмента сознания* по сравнению с сознанием общеязыковым;

2) при исследовании ядра ассоциативного поля в профессиональном языковом сознании нами выявлено *богатое разнообразие* лексем, отображающих *значение алиби* для подозреваемого (обвиняемого). Ассоциации отличает широкое использование *однокоренных* лексем: *доказать, (есть) доказательство, доказанность, доказывание, недоказанность, недоказуемость; невиновность, невинность, невинный(ен), отсутствие вины; протекция, защита +(защищенность, средство защиты); избежание наказания, ненаказуемость*. Именно на примере ассоциаций, составляющих ядро ассоциативного поля, можно проследить тенденцию осознавать *значение воспринимаемого слова* через соотнесение его с *близкой по значению* единицей лексикона. Вслед за А.А.

Залевской мы назовем эти ассоциации симилярами исходному слову. Различные по своему характеру и вовсе *не синонимичные* с точки зрения строгого лингвистического анализа единицы могут вызывать актуализацию одинаковых чувственных элементов и поэтому субъективно переживаются как равнозначные. С учетом того, что носитель языка исходит из совокупности *своих* энциклопедических и языковых знаний.

3) По сравнению с ассоциациями профессионалов реакции общезыковые более просты в том смысле, что они более явно (семантически) указывают на связь данного слова-стимула с разными компонентами концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ**.

4) И у профессионалов, и у непрофессионалов имеются реакции, выраженные жаргонизмами. На этом основании можно фиксировать *устойчивость когнитивных структур*, связанных не со специальным книжным термином, а с *жаргонным оценочным* номинатом.

Модели ассоциативных полей концепта **ОРУЖИЕ** в общезыковом и профессиональном языковом сознаниях:

ОРУЖИЕ	Юр.	Не юр.
предмет, средство	4,9%	0,7%
пистолет, нож, автомат	40,9%	33,2%
цветы, интеллект	0,6%	0,3%
изобретение	—	1,01%
холодное, огнестрельное	21%	12,9%
железо, сталь	1%	2,03%
порох, арсенал, кобура, боеприпасы	2,1%	1,4%
выстрел, мишень	2,24%	0,3%
охота	1,5%	3,05%
орудие совершения преступления, убийство, война	17,5%	25,4%
средство защиты	3%	1,4%
военные	—	1,01%
преступник	—	3,1%
злоба, ненависть, боль, опасность	4,9%	10,8%
блестящее, красивое, дорогое	0,4%	3,7%
жертва	0,4%	—

закон	0,7%	—
древность	—	0,3%
Отказ	6	—

ОРУЖИЕ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>пистолет, нож, автомат</i>	
40,9%	33,2%

Ядро ассоциативного поля **ОРУЖИЕ** и в общеязыковом сознании, и в профессиональном языковом сознании представлено лексемами, обозначающими виды оружия: *пистолет(ПМ/ТТ), нож, наган, автомат/Калашников/АК, револьвер, пулемет, топор, вилка, ружье, молоток, удавка, взрывчатка, яд, бутылка, дубина, палка, магнум, марго, маргулин, кастет, пушка, танк, винтовка, мушкет, «винчестер», бритва, ствол, обрез, сабля, меч, УЗИ, СВД, РПГ, ПР, граната, гранатомет, (ядерная)бомба, волына, копье, лазерный мегабластер, лезвие, m4a1 Colt, desert eagle, AWP (слон), knife, пояс террориста-смертника, камень* и мн. др. Среди данных ассоциаций много *аббревиатур, жаргонизмов, просторечий*.

Ближайшая периферия (21%) ассоциативного поля **ОРУЖИЕ** в профессиональном языковом сознании представлена лексемами, обозначающими тип оружия: *холодное⁵⁷, огнестрельное⁴⁹, газовое⁸, гладкоствольное⁷, нарезное⁵, режущее⁵, колющее⁴, боевое³, химическое, табельное², охотничье², криминальное, наградное, спортивное, метательное, массового поражения, служебное, личное*. Процент подобных реакций в ассоциативном поле концепта в общеязыковом сознании составляет **12,9%**.

Ближайшая периферия (25,4%) ассоциативного поля **ОРУЖИЕ** в общеязыковом сознании представлена реакциями, отражающими функцию оружия как средства нанесения вреда: *убийство²², война¹⁹, смерть⁸, преступление³, насилие², террор², контрабанда², криминал, правонарушение, драка, истязание, нападение, терроризм, теракт, нелегальный бизнес, угроза жизни человечества, средство убийства, все, что грозит человеку смертью, притягивает, стреляет, стрелять, воевать*. Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составляет **17,5%**: *смерть²⁸, убийство²², преступление⁷,*

*орудие совершения преступления*⁷, *ранение*⁵, *способ(средство) совершения преступления*⁵, *средство убийства*³, *война*³, *нападение*³, *совершение преступления*², *предмет как орудие преступления*², *убивать*², *насилие*², *средство нападения*, *средство причинения вреда*, *предназначено для уничтожения(поражения)*, *носитель смерти*, *убийства*, *убивает*, *стреляет*, *вред*, *механизм для поражения живой силы*, *телесные повреждения*, *увечье*, *причинение ранения*, *угроза*, *взлом* и др.

В ассоциативном поле концепта **ОРУЖИЕ** дробной оказалась зона периферии.

Для общеязыкового сознания характерно наличие эмотивного компонента. **10,8%** общеязыковых ассоциаций составляют лексемы, выражающие **негативные эмоции**: *опасность*, *страх*, *страшное*, *боль*, *холод*, *хладнокровие*, *ужас*, *злоба*, *ненависть*, *несчастье*, *горе*, *опасность*, *опасный*, *опасное*. Процент таких реакций в ассоциативном поле концепта **ОРУЖИЕ** в профессиональном языковом сознании составляет **4,9%**: *страдание*, *боль*, *устрашение*, *страх*, *плохо*, *принуждение*, *превосходство*, *беспомощность*, *ограничение*, *опасность*, *ответственность*, *надежность*, *власть*, *сила*.

3,7% общеязыковых ассоциаций составляют эпитеты: *черное*², *зеленый*, *блестящее*, *красивое*, *классное*, *дорогое*, *мощное*, *большое*, *громкий*, *сильный*. Процент подобных реакций в профессиональном языковом сознании составил **0,4%**.

Попытка толкования значения данной лексемы отражена в **4,9%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания: *предмет*¹³ (*материального мира*), *средство*¹², *механизм(ы)/устройство*⁴, *инструмент*², *то*, *при помощи чего ...*, *орудие*², *предмет воздействия*. Для общеязыкового сознания процент подобных ассоциаций составил **0,7%**.

3% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, отражают отношение к оружию как к средству защиты: *средство обороны/защиты*, *предназначено для защиты*, *защищаться*, *защита/оборона*, *оборона других*, *самооборона*, *защита от опасности*, *помощь*. Для общеязыкового сознания процент подобных ассоциаций составил **1,4%**.

Возможное оружие представлено в **0,3%** общеязыковых ассоциаций и в **0,6%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания: *ум, голова, интеллект, цветы*.

Различные атрибуты применения оружия отражены в **4,3%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания, и в **1,7%** общеязыковых ассоциаций: *порох, арсенал, кобура, боеприпасы, выстрел, мишень* и т.д.

Относительно мирное применение оружия отражено в **1,5%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания, и в **2,7%** общеязыковых ассоциаций: *охота, музей, дичь, тир, охрана, соревнования, отдых*.

1,4% общеязыковых ассоциаций составили лексемы, обозначающие пользователя оружием: *менты, военные, солдат, армия*. Процент подобных реакций в профессиональном языковом сознании составил **0,1%**.

Материал изготовления оружия представлен в **1%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания, и в **2,03%** общеязыковых ассоциаций: *сталь, металл, железо* и др.

Интерес представляют реакции, отразившиеся в одном из исследуемых языковых сознаний.

Среди общеязыковых ассоциаций отсутствуют лексемы, обозначающие возможных пострадавших от применения оружия: *жертва*. В ассоциативном поле профессионального языкового сознания данные ассоциации составляют **0,4%**. Не отражена в общеязыковых ассоциациях и нормативность применения оружия: *лицензия, закон «О милиции», закон* и др. — **0,7%**. (проф.).

В профессиональном языковом сознании не отражены ассоциации, фиксирующие связь оружия с неправомерным пользователем: *преступник2, убийца, гангстеры, мафия, бандит, террорист, преступная банда*. В общеязыковом сознании эти реакции составили **3,1%**.

В профессиональном языковом сознании не отражены ассоциации, фиксирующие связь оружия с наукой: *изобретение, новые разработки*. — **1,01%** общеязыковых ассоциаций.

Модели ассоциативных полей концепта **WEAPON** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях искусственных билингвов:

WEAPON	law	Non-law
a gun, a knife, a revolver/pistol	27,6%	28,8%
murder, crime, homicide, danger, to threaten, injury, war	18,8%	16,3%
blood, death, wound	6,4%	13,3%
a bullet, marksmanship, to shoot, shell, arm, shooting range/gallery, shooting, a shot, noise, case	9,4%	11,2%
nuclear, of mass destruction, atomic, biological	—	8,2%
metal, silver	3%	3,9%
to use, to abuse, to possess, to take	6%	3,4%
to protect/to defend, security, to apprehend a criminal, self-defence	5,5%	0,9%
an instrument, means, tool	2%	—
an instrument of a crime, means of committing a crime, of murder	4,5%	—
police, a policeman/police officer, a trainee, a militia officer, militia, a CID man, guard, army	4,5%	3%
a criminal, an evil-doer, a killer	4%	1,3%
power, responsible, requirement, force, influence	2,7%	0,4%
dangerous	0,6%	1,7%
victim	0,6%	0,4%

WEAPON

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>a gun, a knife, a revolver/pistol</i>	
27,6%	28,8%

Ядро ассоциативного поля **WEAPON** и в общеязыковом сознании, и в профессиональном языковом сознании представлено лексемами, обозначающими виды оружия: *a gun, a knife, a revolver/pistol, a sub-machine gun (Kalashnikov), a tank, a bomb, a helicopter, a short gun, razor, UZI, SVD, Zigzauger, desert eagle, Thompson, atomic weapon, knife in heart, Tommy gun, missiles, rope, magnum, raffle, water gun, KV(helicopter), an arrow.*

К ближайшей периферии ассоциативного поля **WEAPON** и в общеязыковом сознании, и в профессиональном языковом сознании можно отнести реакции, отражающие неправомерное применение оружия, а именно, в целях совершения преступлений: *war, murder, crime, homicide, to threaten, destruction, to kill, terrorism, conflict, WW II, killing, burglary, to destroy, bombing, evil, violence, to commit crime, to hit, to intimidate, to injure, bribe, assault, violation, felony, etc.* Данные реакции составили 16,3% общеязыковых ассоциаций и 18,8% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания.

13,3% общеязыковых ассоциаций представлено лексемами, отражающими возможные последствия применения оружия: *blood, death, wound, wounding, pain, suffering, to die, corpses, killed people, dead bodies.* Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 6,4%: *blood, death, dead, ocean of blood.*

9,4% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено лексемами, отражающими атрибутику оружия, атрибутику применения оружия: *a bullet, marksmanship, to shoot, shell, arm, shooting range/gallery, shooting, a shot, noise, case, arms, vest, body.* Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составляет 11,2%. Причем общеязыковые ассоциации гораздо богаче тех, что представлены будущими профессионалами правоприменения: *a bullet, to shoot, arms, cry, armour, gun shot, man's hand, weight, target, dust, explosion, sound of the "Volcano" machine gun, noise, hole, snow on the floor, silence.* Ассоциации, характерные для профессионального языкового сознания, отражают лишь атрибутику применения стрелкового, в т.ч. огнестрельного оружия.

Лексика, отражающая возможное оперирование оружием, представлена в **6%** ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания (*to use, to abuse, to possess, to take, throw away the weapon, hands up, impoundment, trade, service, etc.*), и в 3,4% общеязыковых ассоциаций (*collection, hunting, sacrifice, to be in safe, to conceal, to abuse, fight, melee, etc.*).

Лексика, отражающая применение оружия для защиты, обороны, борьбы с преступностью, представлена в **5,5%** ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания (*to protect/to defend, security, to apprehend a*

criminal, self-defence, to perform well under operational conditions, detention, to neutralize, to combat with crime, to combat, etc.), и в 0,9% общеязыковых ассоциаций.

Лексика, отражающая пользователя оружием, представлена в 4,5% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания (*police, a policeman/police officer, a trainee, a militia officer, militia, a CID man, guard, army*), и в 3% общеязыковых ассоциаций (*policeman, inspector, government, army, soldiers, teenagers*).

Лица, использующие оружие против закона, отражены в лексике, составляющей 1,3% общеязыковых ассоциаций (*a criminal, Saddam Hussein, Bush (The US president)*) и 4% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания (*a criminal, an evil-doer, a killer*).

3,9% общеязыковых ассоциаций составляет лексика, репрезентирующая название материала, из которого оружие изготовлено, и тип оружия: *metal, silver, fire, cold, iron*. Для профессионального языкового сознания процент подобных реакций составил 3%: *fire, cold weapon, silent, iron, cold steel*.

Опасность оружия отражена в 1,7% общеязыковых ассоциаций (*danger, dangerous, disastrous, etc.*) и в 0,6% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания.

Лексика, обозначающая пострадавших в результате применения оружия (*hostage, a victim*), составляет 0,6% реакций, характерных для профессионального языкового сознания, и 0,4% общеязыковых ассоциаций.

Не отражены такие виды оружия как биологическое, атомное, массового уничтожения и т.д. в ассоциациях, данных будущими профессионалами правоприменения. Причиной этого является значимость для профессионалов несколько иных видов оружия. Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составляет 8,2%: *nuclear, of mass destruction, atomic, biological weapon*.

Для общеязыкового сознания оказалось неактуальным отношение к оружию как к средству (*an instrument, means, tool* — 2% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания), как к средству совершения преступления: *an instrument of a crime, means of committing a crime, of murder* — 4,5% реакций, данных будущими профессионалами правоприменения.

В материалах *ассоциативных экспериментов* отражены все компоненты *семантического поля* концепта **WEAPON**. И есть компоненты, которые *словарями не фиксируются*.

Модели ассоциативных полей концепта **ТАЙНА** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях:

ТАЙНА	Юр.	Не юр.
секрет, сокровенная, молчание, неизвестность, мрак	82,2%	74,6%
государственная, служебная	12%	8,5%
клад, сокровища	2,24%	7,7%
преступление, улика, обвиняемый, свидетель	1,7%	4,4%
отгадка, открытие	1,03%	2,7%
Отказ	3	1

ТАЙНА

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>Секрет, сокровенная, молчание, неизвестность, мрак</i>	
82,2%	74,6%

Ядро ассоциативного поля **ТАЙНА** и в общеязыковом сознании, и в профессиональном языковом сознании представлено практически одними и теми же лексемами: *секрет, неясность, скрыт(н)ость, неизвестное(ый)/неизвестность, секретность, (у)молчание, загадка/загадочность, таинственность, неразглашение, запрет, недоступное/недоступность* и др. К центральной части ассоциативного поля мы отнесли и такие характеристики тайны, как *покрытая мраком, «за семью печатями»* и под. Отличие составляют ассоциации, представленные лишь в профессиональном языковом сознании: *информация (кодовая/секретная), информация, которую знает ограниченный круг лиц; конфиденциально/конфиденциальность*. Но присутствуют и реакции, характерные только для общеязыкового сознания: *top secret, гриф «секретно»*.

Ближайшая периферия ассоциативного поля **ТАЙНА** представлена лексемами, отражающими виды тайн, что составляет **12%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания (*государственная, военная, следствия, расследования, преступления, почтового отправления, телефонных переговоров, переписки, экономическая, коммерческая, служебная,*

профессиональная, военная, личная, семейная, усыновления, врачебная) и **8,5%** реакций, характерных для общеязыкового сознания (*тайна океана, космоса, земли, человека, врачебная, семейная, детская*).

В **7,7%** реакций, характерных для общеязыкового сознания, отражена связь **ТАЙНЫ** с материальными благами и способами их хранения и получения: *сокровища, клад, сейф, сундук, шкаф, ящик, код, шифр, тайник, пираты, пирамиды*. Этот же компонент отражен в **2,24%** реакций, характерных для профессионального языкового сознания.

Отражение компонентов концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** составляет **4,4%** реакций в общеязыковом сознании и **1,7%** ассоциаций в профессиональном языковом сознании: *преступление, ограбление, хищение, следствие, детектив, сыщик, улика, наказание, преступник, шпион, предатель, подозреваемый, обвиняемый, свидетель* и т.д.

2,7% реакций в общеязыковом сознании и **1,03%** реакций в профессиональном языковом сознании составляют ассоциации: *отгадка, ее выявление, раскрытие, ключ, ответ* и т.п.

Рядовые «обыватели» *чаще и более устойчиво сближают смыслы ТАЙНЫ* с определенными *компонентами концепта ПРЕСТУПЛЕНИЕ*, чего не наблюдается у «профессионалов». В этом отражаются стратегии ассоциирования и семантизации, используемые «юристами» и не-юристами.

Модели ассоциативных полей концепта **MYSTERY** в общеязыковом и профессиональном языковом сознаниях искусственных билингов:

MYSTERY	law	Non-law
secret, enigma, dark, (something) unknown, fog, ghost, (something) strange, magic, puzzle, confidential, riddle, magic, in confidence, privacy	50,7%	85%
come to know, to discover the truth, to know, to investigate, guess, search, to reveal, key, answer	12,8%	8%
to identify, to penetrate, to catch smb red-handed, detection, crime detection, to apprehend, covert work, lay an ambush	5%	—
crime, theft, robbery, horrible murder, homicide	7,8%	2%

a crime scene, blood, criminal laboratory, evidence of guilt, fingerprints, footprints	5%	—
patient, mindless, cautious, calm, silent, careful, intelligence, intelligent, cunning, suspicious, hesitation	4,6%	3%
a detective/an investigator, a lawyer, barrister, judge	2,5%	1%
a criminal, killer, a suspect	1,1%	0,5%

MYSTERY

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>secret, enigma, dark, (something) unknown, fog, ghost, (something) strange, magic, puzzle, confidential, riddle, magic, in confidence, privacy</i>	
50,7%	85%

И для общеязыкового сознания, и для профессионального языкового сознания оказалась характерной незаполненность ближайшей периферии.

12,8% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, отражают признаки открытия(раскрытия) тайны: *come to know, to discover the truth, to solve, betray, Questions, to know, to investigate, prove, guess, search, to reveal, investigation, why? What for? inquiry, obtain, etc.* Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составляет 8%: *to reveal, investigation, key, answer, to find out, clue, guess, solving, etc.*

Для ассоциаций, данных на русском языке, процент составил **2,7%** реакций в общеязыковом сознании и **1,03%** реакций в профессиональном языковом сознании: *отгадка, ее выявление, раскрытие, ключ, ответ* и под.

7,8% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, представлено лексемами, обозначающими вид правонарушения: *crime, theft, robbery, horrible murder, homicide, unsolved crime, to blackmail, etc.* Для общеязыкового сознания процент подобных реакций составляет 2%.

В общеязыковом сознании не отражены ассоциации, связанные с работой следователя или оперуполномоченного: *to identify, to penetrate, to catch smb red-handed, detection, crime detection, to apprehend, covert work, lay an ambush, to solve crime, to prevent.* Для профессионального языкового сознания эти реакции составили **5%**. Не нашли отражения и лексические единицы, отражающие работу

на месте происшествия: *a crime scene, criminal laboratory, evidence of guilt, fingerprints, footprints, blood stain, blood, stub, ash, etc.* 5% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания, составили именно такие реакции.

Характеристика, качества исследователей тайн и загадок отражены в 4,6% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания (*common sense, patient, mindless, cautious, calm, silent, careful, intelligence, intelligent, fear, doubt*); и в 3% общеязыковых ассоциаций: *cunning, suspicious, hesitation, to suspect, resolve, to be confused, etc.*

Участники следственного и судебного процессов отражены в 1% общеязыковых ассоциаций; для профессионального языкового сознания процент подобных ассоциаций составляет 2,5%: *a detective/an investigator, a lawyer, barrister, judge.*

Лексемы, обозначающие правонарушителей, отражены в 0,5% общеязыковых ассоциаций и в 1,1% ассоциаций, характерных для профессионального языкового сознания: *a criminal, killer, a suspect.*

По данным ассоциативных экспериментов ядро ассоциативного поля **ТАЙНА** и в общеязыковом сознании, и в профессиональном языковом сознании представлено лексемами, поясняющими суть данного явления: *something strange or secret; something that cannot be, or has not been explained, understood, known about, beyond understanding, hidden, a private secret, enigma, secrecy; obscurity.*

ТАЙНА

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>секрет, сокровенная, молчание, неизвестность, мрак</i>	
82,2%	74,6%

MYSTERY

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>secret, enigma, dark, (something) unknown, fog, ghost, (something) strange, magic, puzzle, confidential, riddle, magic, in confidence, privacy</i>	
50,7%	85%

Профессионально маркированный компонент структур профессионального сознания отражен в ассоциациях: *информация (кодовая/секретная), информация, которую знает ограниченный круг лиц; конфиденциально/конфиденциальность*. Также данный компонент представлен в лексемах, обозначающих виды тайн (что характерно и для профессионального языкового, и для общеязыкового сознаний): *государственная, военная*. Виды тайн, отраженные лишь в ассоциациях профессионалов: *следствия, расследования, преступления, почтового отправления, телефонных переговоров, переписки, экономическая, коммерческая, служебная, профессиональная, усыновления*.

Выводы

Именно в ходе ассоциативного эксперимента **актуализируются** наиболее важные для индивида **компоненты** значения лексемы, представляющей концепт. **Ассоциативному значению** как компоненту ассоциативно-вербальной сети присуще свойство фиксировать и отражать психологически значимые для индивида связи и отношения.

Получаемое в результате ассоциативного эксперимента ассоциативное поле слова-стимула — это и фрагмент вербальной памяти, и фрагмент сознания будущего юриста, отражение его профессиональных мотивов, оценок, стереотипов.

Картины мира определенной профессиональной группы людей, в нашем исследовании будущих и настоящих офицеров правоприменения, несомненно, должны иметь специфические, присущие только этой группе черты, поскольку наше знание о мире неразрывно связано с нашей деятельностью в этом мире, «нашим диалогом с миром...» (Леонтьев 1997). Е.А. Климов полагает, что существуют особые «образы мира» в разнотипных профессиях: «Профессия, трудовое занятие в каждом случае представляет собой сложный мир, в частности, незримых объектов, переживаний, владения определенными незримыми профессиональными целостностями — «гештальтами» (Климов 1995).

Для профессионального языкового сознания оказались **неактуальными эмоционально-оценочные компоненты** исследуемых концептов. В общеязыковом сознании **эмоционально-оценочные компоненты** концептов иногда составляли вербальное ядро ассоциативных полей концептов.

Высокий уровень стереотипности ассоциаций, данных курсантами, указывает на наличие стабильных компонентов в профессиональном языковом сознании, обусловленных совместной деятельностью респондентов, содержанием изучаемых ими дисциплин.

Следует отметить, что реакций, отражающих **национально-маркированные реалии**, не очень много. Ассоциации, составляющие **национально-маркированный** компонент языкового сознания, единичны, к тому же они характеризуют лишь фрагмент общеязыкового сознания, не являясь актуальными для профессионального языкового сознания. *Decembrists, Dostoevsky/Достоевский, роман Достоевского, "Crime and Punishment", Раскольников, Питер, старуха-процентщица, развоплощение (фильм «Ночной дозор»), Чикотилло, Березовский, арестный дом, небо в клеточку, друзья в полосочку.*

Общеязыковое сознание характеризует и большой процент **жаргонизмов**: *гонимик, отморозок, сволочь, редиска, «Бутырка», зэк, авторитет, Бугор, пахан, вытрезвитель, обезьянник.*

Общекультурные ассоциации отражены в основном в общеязыковом сознании: *Дантес, The Bible/Библия, Judgement Day, James Bond, Шерлок Холмс, Агата Кристи, Коломбо, Fox Mulder, Каин, Бэтмен, Джек-Потрошитель, WW II, Saddam Hussein, Bush (The US president).*

Стратегии ассоциирования по данным ассоциативного эксперимента имеют следующий вид. Во-первых, наблюдается массовость эксплицированной **идентификации значения** исходного слова. Наиболее типичным является разъяснение значения слова-стимула через его **синоним, перифраз**. Отсутствие явных антонимичных пар среди ассоциаций, данных как юристами-профессионалами, так и не-юристами, является признаком того, что ассоциации продуцировались с обязательным обращением к **ярусу значений**. Важная роль на изучаемом языке отводится и **синтагматическим ассоциациям**, поскольку исходное слово прежде всего ассоциируется у респондентов с тем учебным контекстом, в котором оно функционирует регулярно.

Мы провели количественный анализ реакций по их частеречной принадлежности. Подавляющее большинство реакций являются именами существительными (на исходные слова-глаголы, -существительные).

Профессионально маркированные когнитивные структуры языкового сознания будущего юриста отражены в терминоориентированной лексике.

Ассоциации, отличные от общеязыковых, в большинстве случаев составляют не ядро ассоциативного поля, а его периферию. Следовательно, профессионально ориентированные стратегии в данной области концептуализации совпадают с непрофессиональными, носят универсальный характер.

В ситуации искусственного билингвизма ассоциативные поля, связанные с родным и изучаемым языком, пересекаются, но не совпадают полностью, что позволяет сделать вывод об автономном существовании некоторых компонентов концепта в родном языке и изучаемом.

Не всегда ядро и периферия представлены одинаковыми компонентами концепта на родном и иностранном языках.

Языковые связи в сознании билингва закрепляются в зависимости *от языкового опыта, полученного на данном языке*, и ассоциативное вербальное поведение билингва зависит от структуры определенного языка.

Эксперименты, проведенные с билингвами, показали, что владение двумя языками в равной степени накладывает отпечаток на мышление человека, на формирование языковых связей и конкретный языковой опыт, закрепляет определенные связи и обуславливает появление тех или иных ассоциаций.

Сравнительный подход к анализу ассоциативного поведения помогает выявить универсальные когнитивные структуры и профессионально ориентированные, характерные только для сознания будущих юристов.

3.4. Сопоставительный анализ моделей концептов, реконструированных на основе анализа разных источников

ПРЕСТУПЛЕНИЕ / CRIME

Семантическое поле концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в русском профессиональном сознании представлено компонентами:

ДЕЯНИЕ (действие или бездействие)	нарушающее направленное против	ЗАКОННОСТЬ
его совершение может повлечь за собой		ПРАВОПОРЯДОК
НАКАЗАНИЕ (судебная, административная или уголовная ответственность)		ЗАКОН, ПРАВО
		ОБЩЕСТВО (социальная норма и организация её соблюдения)

На основе лексико-семантического анализа *модель* концепта в общеязыковом сознании может быть представлена следующим образом: *преступник (и другие фигуранты), обвинение, мотив, место (преступления), улики, состав преступления, орудие преступления, деятельность правоохранительных органов, вид преступления.*

Смысловое поле концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *виды преступлений; характеристика убийства; мотив преступлений; время преступления.*

Ассоциативное поле концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *вид преступления, последствия преступлений (ущерб, вред, смерть, разрушение, тяжкие телесные); качественная характеристика преступления и справедливые с точки зрения закона и законопослушного гражданина последствия преступных деяний (наказание).*

Ассоциативное поле концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *вид преступления, последствия преступлений (ущерб, вред, смерть, разрушение, тяжкие телесные); противозаконность* данного деяния (*деликт, уголовный*

поступок, противоправный поступок, бездействие, предусматривающее уголовное наказание, несоблюдение закона).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод:

Формирование концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в сознании будущих сотрудников правоохранительных органов базируется на универсальном понимании данного явления, о чем свидетельствует наличие одинакового ядра в ассоциативных полях будущего юриста и не-юриста. Дальнейшее обогащение концепта основано на профессиональном подходе к данному явлению: ассоциации профессионалов отражают содержание нормативно-правовых актов.

Модель семантического поля концепта **CRIME** на основе словарных дефиниций:

CRIME —	any act	contrary to	the public good
	a wrong	injurious to	the public
	illegal conduct	which breaks	law
	prosecutable (by the State)		

CRIME —	act	against	law
		punishable by	

CRIME —	an illegal act	if the accused is convicted	prosecution
	an unlawful act		severe punishment

Семантическое поле концепта **CRIME** в английском общеязыковом сознании представлено компонентами: противозаконность (there can be no crime without a law), *нарушение* закона, *наказуемость* преступления, *деятельность правоохранительных органов*.

В смысловом поле концепта **CRIME** в английском общеязыковом сознании отражены следующие компоненты: противозаконность, *нарушение* закона, *неизбежность наказания* (an illegal action or activity for which a person can be punished by law), *вина, субъект расследования* преступления (police).

Модель смыслового поля концепта **CRIME** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *классификация* преступления; *характеристика* преступления; *запланированность* противоправного действия; *мотив*; *время* совершения

преступления; *место* преступления; *потерпевшая сторона*; *преступник*; *взаимоотношения* преступника и потерпевшего; *желание* преступника и *меры*, принятые преступником, для того, чтобы преступление *не выглядело* преступлением или по крайней мере, было непонятно, что именно произошло; связь с *тайной*; *жестокость* преступления; *оценка* преступления; отношение к преступлению, как к *неоправданному проступку*; *обесцененность жизни*; *общественный резонанс*.

Ассоциативное поле **CRIME** в *общеязыковом* сознании представлено следующими основными компонентами: *вид* преступления, *агенса* преступного деяния, *атрибутика* совершения преступления.

Ассоциативное поле **CRIME** в *профессиональном* языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *вид* преступления, *деятельность правоохранительных органов*, *агенса* преступного деяния, *атрибутика* совершения преступления.

На основе анализа имеющегося материала мы приходим к выводу, что концепт **ПРЕСТУПЛЕНИЕ / CRIME** богаче представлен в текстах художественных произведений детективного жанра англоязычных авторов.

ПРЕСТУПНИК / A CRIMINAL

В смысловом поле концепта **ПРЕСТУПНИК** в русском *общеязыковом* сознании представлены такие компоненты, как: *деятельность* преступника (*преступление*), *действия правоохранительных органов* в отношении преступника (*осуждение*), *тип* преступника (*злоумышленник, правонарушитель*).

В смысловом поле концепта **ПРЕСТУПНИК** в русском *профессиональном* языковом сознании шире представлен компонент *действия правоохранительных органов*.

Модель концепта **ПРЕСТУПНИК** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *деятельность* преступника; *связь преступления с финансами*; *действия милиции* в отношении преступника; *мотив* преступлений; *отношения преступника и потерпевшего*; *характеристика* преступника; *эмоциональная*

оценка; связь преступника с *группой*. Для набора языковых знаков, представляющих структуру концепта, характерен высокий процент жаргонизмов.

Ассоциативное поле **ПРЕСТУПНИК** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *специализация* преступника, процесс и атрибутика *деятельности правоохранительных органов*, содержание *нормативно-правовых актов*.

Ассоциативное поле **ПРЕСТУПНИК** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *характеристика* преступника, *статус* преступника, его *виновность*.

В смысловом поле концепта **A CRIMINAL** в английском общеязыковом сознании представлены такие компоненты, как: *деятельность* преступника (*crime*), *действия правоохранительных органов* в отношении преступника (*detection, investigation, arrest, conviction, punishing*), *мера наказания* (*death penalty*), *характеристика* преступника (*hardened, plain, war, depraved, evil, habitual, alleged, persistent, wanted, escaped, wrong, repentant, penitent, master, professional, young*), *вооруженность* преступника (*carrying guns*), отношение к преступнику как к *герою*, *принадлежность* преступника к *группе* (*organized group*).

Семантическое поле концепта **A CRIMINAL** в английском профессиональном языковом сознании представлено уже, чем в общеязыковом сознании: отражены компоненты *деятельность преступника* (*совершение преступления, нарушение закона*), *действия правоохранительных органов* (*осуждение*).

Модель концепта **A CRIMINAL** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *характеристика* преступника; *характеристика* преступника через сравнение с его поведением; *характеристика* преступника вербально представлена в описании самого преступления; *характеристика* преступника через описание его планов; наличие *мотивов* для совершения преступления; *планирование* совершения преступления; *подготовительный этап* совершения преступления; *уверенность* преступника в *успехе* предприятия; *орудие* преступления, *состояние* преступника перед совершением преступления; *действия* преступника; *выбор жертвы*; *желание* преступника и *меры*, принятые преступником, для того, чтобы

преступление *не выглядело* преступлением; желание преступника *избавиться от оружия*; уверенность преступника в *безнаказанности* за содеянное; *эмоции* преступника; *характеристика потерпевшего*; *отношение преступника к потерпевшему*; *действия* полиции в отношении преступника; связь преступника с *местами отбывания наказания*; *планирование* преступником *побега*; *принадлежность* к криминальной *группировке*.

Ассоциативное поле **A CRIMINAL** в *общеязыковом* сознании представлено следующими основными компонентами: *специализация* преступника, *вид* совершенного преступником деяния.

Ассоциативное поле **A CRIMINAL** в *профессиональном* языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *вид* совершенного преступником деяния, *деятельность правоохранительных органов*.

Присутствие такого компонента, как *деятельность правоохранительных органов* в составе основных компонентов концепта в сознании профессионалов, свидетельствует о профессиональной мотивации, а также о сформированности *синтагматических ассоциаций*.

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ / A SUSPECT

В русском общеязыковом сознании смысловое поле концепта **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ** (на основе анализа словарных материалов) представлено компонентами: *причина* быть подозреваемым, а именно совершение *преступления*; *деятельность правоохранительных органов* по отношению к подозреваемому.

Модель концепта **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ/ ПОДСЛЕДСТВЕННЫЙ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра представлена следующими компонентами: *действия милиции*, *поведение* подозреваемого *при допросе*, *причастность к совершению преступления*, *взаимоотношения с преступником*, *характеристика* подозреваемого.

Ассоциативное поле **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *объяснение* данного понятия с акцентом на *потенциальность*, *возможность* совершения данным лицом противоправного деяния; процесс и атрибутика *деятельности*

правоохранительных органов, характеристика подозреваемого; *специализация* правонарушителя.

Ассоциативное поле **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *объяснение* данного понятия с акцентом на *потенциальность, возможность* совершения данным лицом противоправного деяния; *специализация* правонарушителя, процесс и атрибутика *деятельности правоохранительных органов*.

В английском общеязыковом сознании смысловое поле концепта **A SUSPECT** (на основе анализа словарных материалов) представлено компонентами: *причина* быть подозреваемым, а именно совершение *неправомерного поступка*; потенциальность, вероятность, *возможность* отношения к преступлению; *деятельность правоохранительных органов* по отношению к подозреваемому.

Модель концепта **A SUSPECT** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *способность/неспособность* подозреваемого *совершить* преступление; наличие *мотивов* для совершения преступления; *характеристика* подозреваемого; *наименование преступления*, в котором подозреваются; наличие или отсутствие *алиби*; наличие или отсутствие *свидетелей*, способных подтвердить алиби; *действия* полиции; *эмоции* подозреваемого.

Ассоциативное поле **A SUSPECT** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *деятельность правоохранительных органов*, наличие *доказательной базы*.

Ассоциативное поле **A SUSPECT** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *деятельность правоохранительных органов*; *специализация* правонарушителя.

Для будущего юриста-профессионала важна презумпция виновности.

СОВЕРШАТЬ / TO COMMIT

В материалах словарей отражены следующие компоненты концепта **СОВЕРШАТЬ**: *объект* действия (необязательно негативный), *запланированность* действия.

Ассоциативное поле концепта **СОВЕРШАТЬ** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *объяснение* данного концепта через *универсальные действия*; нейтральные или *положительные деяния*; вид *противоправного деяния*.

Ассоциативное поле концепта **СОВЕРШАТЬ** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: вид *противоправного деяния*; нейтральные или *положительные деяния*; характеристики *противоправного деяния*; *объяснение* данного концепта через *универсальные действия*.

В семантическом поле глагола **commit** отражен *объект* действия, причем с *негативной оценкой*, представлен компонент *наказания* за что-то совершенное.

Commit в значении «совершить» предполагает совершение негативного, дурного, противозаконного действия, поступка. В связи с этим наличие такого компонента в семантическом поле данного глагола, как «наказание» вполне закономерно.

Ассоциативное поле концепта **ТО СОММИТ** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: вид *противоправного деяния*; *объяснение* данного концепта через *универсальные действия*; *деятельность правоохранительных органов*.

Ассоциативное поле концепта **ТО СОММИТ** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: вид *противоправного деяния*; *объяснение* данного концепта через *действия преступника*.

РАССЛЕДОВАНИЕ/ INVESTIGATION TO INVESTIGATE/РАССЛЕДОВАТЬ

Семантические поля концептов **РАССЛЕДОВАНИЕ/ INVESTIGATION/ТО INVESTIGATE/РАССЛЕДОВАТЬ** представлены компонентами: *объект* расследования; *качество* расследования.

В общеязыковом сознании значение глагола «расследовать» подразумевает *всестороннее рассмотрение, изучение фактов, событий*.

В профессиональном языковом сознании «расследовать» означает *вести следствие, дознание*.

В смысловом поле данного концепта в *английском общеязыковом* сознании, кроме перечисленных компонентов, отражены следующие: *субъект* расследования (*officers, police, the authorities*), некоторые *атрибуты (средства)* расследования (*evidence*).

Несмотря на широкое значение лексемы «**investigation**» (исследование), в англоязычном словарном материале в большей степени отражен компонент расследования чего-то противозаконного (отражение фрагмента профессионального языкового сознания). Это является свидетельством в пользу того, что данный концепт можно рассматривать как достаточно жестко структурированный в общеязыковом сознании.

Модель смыслового поля концепта **INVESTIGATION** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *неофициальность* расследования; конкретизация *действий, выполняемых полицией*.

Следует отметить, что актуализация концептов **РАССЛЕДОВАНИЕ/ INVESTIGATION/ТО INVESTIGATE/РАССЛЕДОВАТЬ** в текстах художественных произведений детективного жанра является фоном при актуализации концептов **POLICE, PUBLIC, СЫЩИК**.

Ассоциативное поле концепта **РАССЛЕДОВАТЬ** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *объяснение* данного концепта через *универсальные действия*; *объяснение* данного концепта через *деятельность правоохранительных органов*.

Ассоциативное поле концепта **РАССЛЕДОВАТЬ** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: вид *противоправного деяния*; *субъект* расследования (чаще противоправных действий).

Профессионально маркированный компонент языкового сознания будущего офицера правоприменения представлен в термино-ориентированной лексике, а именно: в ассоциациях, отражающих содержание нормативно-правовых, законодательных актов, деятельность правоохранительных органов.

Ассоциативное поле концепта **ТО INVESTIGATE** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *деятельность правоохранительных органов*; *объяснение* данного концепта через

универсальные действия; субъект расследования (чаще противоправных действий).

Ассоциативное поле концепта **TO INVESTIGATE** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *субъект* расследования (чаще противоправных действий); вид *противоправного деяния; объяснение* данного концепта через *универсальные действия*.

АРЕСТ / ARREST

Семантическое поле концепта **АРЕСТ** в русском общеязыковом сознании представлено компонентами: принадлежность ареста к наиболее *строгим мерам пресечения*, видам *уголовного наказания; принудительное* задержание, заключение *под стражу*, в строгой *изоляции*, помещение в *тюрьму*.

Смысловое поле концепта представлено следующими компонентами: *лишение свободы; документ*, обосновывающий арест (*постановление судьи*), *длительность* содержания под стражей (*кратковременное*), *объект* ареста (*лицо, подозреваемое в совершении преступления*), *основания* для ареста (*преступление, правонарушение*).

Ассоциативное поле концепта **АРЕСТ** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: суть ареста (*лишение свободы*); отражение ареста в *нормативно-правовых актах*; атрибутика *мест пребывания арестованных*.

Ассоциативное поле концепта **АРЕСТ** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *атрибутика ареста*; атрибутика *мест пребывания арестованных*; возможные *фигуранты* ареста.

Семантическое поле концепта **ARREST** в английском общеязыковом сознании представлено компонентами: *физическое удерживание* (задержание), в соответствии с *законом*.

В смысловом поле концепта **ARREST** в английском общеязыковом сознании отражены следующие компоненты: *физическое удерживание* (задержание), *субъект* ареста (*the police, the security forces*), *объект* ареста (*a suspect, a prisoner*,

the thief), **вид** ареста (*military, house, arbitrary*), **характеристики** ареста (*false, by mistake*), **атрибуты** ареста (*warrants*), **основания** для задержания (*suspicion, commit armed robbery, crime, offences*), **действия арестованного** во время задержания (*to resist*), **действия лиц, производящих** задержание (*abuse the powers*), **возможное место содержания** после ареста (a police station, prison), **деятельность правоохранительных органов** (*detection, charge, conviction of*).

Ассоциативное поле концепта **AN ARREST** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: **деятельность правоохранительных органов**; **объяснение** ареста; **цели** ареста; наименование **правоохранительных органов**.

Ассоциативное поле концепта **AN ARREST** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: **атрибутика ареста**; места **пребывания арестованных**; наименование **правоохранительных органов**.

НАКАЗАНИЕ / PUNISHMENT

Модель концепта **НАКАЗАНИЕ** (по данным словарных статей) представлена следующими компонентами: **объект** наказания, **вид** наказания, его **характеристики**, **причина** наказания, **цель** наказания (**воздействие**). Вербальная представленность концепта **НАКАЗАНИЕ** в общеязыковом и языковом профессиональном сознаниях (по данным словарных статей) обусловлена принадлежностью данного концепта к области **неправомерных деяний**. Виды наказаний в материалах универсальных и профессиональных словарей представлены одинаковой лексикой.

Модель концепта **НАКАЗАНИЕ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: **соответствие наказания преступлению**; **вид** наказания.

Ассоциативное поле концепта **НАКАЗАНИЕ** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: **вид** наказания; объяснение концепта через **синонимы**. Ассоциативное поле концепта **НАКАЗАНИЕ** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: **вид** наказания; **характеристика** наказания; объяснение концепта через **синонимы**; **атрибуты деятельности правоохранительных органов**.

Ядро ассоциативного поля **НАКАЗАНИЕ** и в общеязыковом сознании, и в профессиональном языковом сознании составляют реакции, отражающие виды наказания. Данный *концепт формируется* в сознании будущих юристов в непосредственной связи с областью *уголовного права и процесса*.

Профессиональное языковое сознание «отсекает» все компоненты данного концепта, которые не имеют отношения к специфике профессии.

Исследование ассоциативного и семантического полей концепта **НАКАЗАНИЕ** позволяет сделать следующие выводы: данный концепт жестко структурирован, поскольку даже в общеязыковом сознании четко прослеживается связь с областью *уголовного права и процесса*.

В смысловом поле концепта **PUNISHMENT** отражены следующие компоненты: *объект* наказания, *вид* наказания, его *характеристики, причина* наказания, *эмоции*, испытываемые наказуемым (*suffering, discomfort*), действия субъекта наказания, отражающие причинно-следственные отношения (*prevention, conviction*).

Ассоциативное поле концепта **PUNISHMENT** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *вид* наказания; *учреждения* исполнения наказания; *деятельность правоохранительных органов* (чаще органов судебной системы); *представители закона; закон*.

Ассоциативное поле концепта **PUNISHMENT** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *вид* наказания; *учреждения* исполнения наказания; *причина* наказания (*противоправные* действия).

АЛИБИ / ALIBI

В семантическом поле концептов **АЛИБИ / ALIBI** отражены компоненты: *отсутствие* человека; *место преступления; время* совершения преступления; *доказательство непричастности* к совершению преступления.

Ассоциативное поле концепта **АЛИБИ** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *доказательство непричастности* к совершению преступления; *отрицательная оценка* алиби.

Ассоциативное поле концепта **АЛИБИ** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *доказательство*

непричастности к совершению преступления; наименование *лиц и атрибутов судебного процесса*; *характеристика алиби*; вид *противоправного деяния*; *отрицательная оценка алиби*.

Ассоциативное поле концепта **ALIBI** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *доказательство непричастности* к совершению преступления; род *занятий*, обеспечивающий алиби; лица, способные *подтвердить или опровергнуть алиби*.

Ассоциативное поле концепта **ALIBI** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *доказательство непричастности* к совершению преступления; вид *противоправного деяния*; наименование *лиц и атрибутов судебного процесса*; род *занятий*, обеспечивающий алиби.

ОРУЖИЕ / WEAPON

Семантическое поле концепта **ОРУЖИЕ** в общеязыковом сознании представлено следующими компонентами: *техническая пригодность* оружия к *защите, нападению, уничтожению*; *объект* применения оружия (*противник*).

В смысловом поле концепта **ОРУЖИЕ** в общеязыковом сознании отражены следующие компоненты: *цель применения* оружия — принадлежность оружия к *средствам защиты, нападения, совершения преступлений, ведения войны*; другие *действия*, совершаемые с оружием (носить, хранить и т.п.); *виды* оружия; качественные *характеристики* оружия; *субъект* владения оружием; *правовое* (государственное) *регулирование* использования оружия (*законодательство, закон, международные конвенции, соглашения*).

Модель концепта **ОРУЖИЕ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: отношение оружия к *преступлению*; *основные составляющие* оружия; *наименование* оружия; *характеристики* оружия; *легкий доступ* к оружию (отсутствие ограничений в приобретении); *действия*, производимые самим оружием.

Ассоциативное поле концепта **ОРУЖИЕ** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *виды* оружия; *характеристики* оружия; оружие как *средство* нанесения *вреда*; *противоправные* действия;

Ассоциативное поле концепта **ОРУЖИЕ** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *виды* оружия; оружие как *средство* нанесения *вреда*; *противоправные* действия; *негативные эмоции*; *характеристики* оружия.

Семантическое поле концепта **WEAPON** в общеязыковом сознании представлено следующими компонентами: принадлежность оружия к *средствам защиты, нападения*.

В смысловом поле концепта **WEAPON** в общеязыковом сознании отражены следующие компоненты: цель применения оружия — принадлежность оружия к *средствам защиты, нападения, совершения преступлений, ведения войны, виды* оружия, качественные *характеристики* оружия, *субъект* владения оружием (*armies, the police*), *объект* использования оружия (*victims*), *основные составляющие* оружия (*brass guard, bullets*).

В английском языковом сознании не отражен такой компонент, как «правовое регулирование».

Модель концепта **WEAPON** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *наименование* оружия; *основные составляющие* оружия; *характеристика* оружия; *обладатели и пользователи* оружия; *действия*, производимые с оружием (или его частями); *действия*, производимые самим оружием; связь оружия с *преступлением*; *действия*, производимые *преступником* с оружием; характер *ран*, причиной которых было применение оружия; *деятельность полиции*.

Ассоциативное поле концепта **WEAPON** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *виды* оружия; оружие как *средство совершения противоправных* действий; *основные составляющие* оружия; *атрибутика применения* оружия.

Ассоциативное поле концепта **WEAPON** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *виды* оружия; оружие как *средство совершения противоправных* действий; возможные *последствия* применения оружия; *основные составляющие* оружия; *атрибутика применения* оружия.

ТАЙНА / MYSTERY

Семантическое поле концепта **ТАЙНА** включает следующие компоненты: *секретность; скрытость и скрытность* от других; *неопознанность; неразгаданность*.

Смысловое поле концепта **ТАЙНА** в общеязыковом сознании представлено следующими компонентами: *вид тайны; действия*, тайно выполняемые.

Ассоциативное поле концепта **ТАЙНА** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *загадка (загадочность), неизвестность, непонятость, необъяснимость, неразгаданность; виды тайн*.

Ассоциативное поле концепта **ТАЙНА** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *загадка (загадочность), неизвестность, непонятость, необъяснимость, неразгаданность; виды тайн*.

Семантическое поле концепта **MYSTERY** (на основе дефиниционного анализа) включает следующие компоненты: *скрытость и скрытность* от других, *загадка (загадочность), неизвестность, непонятость, необъяснимость, неразгаданность*.

Смысловое поле концепта **MYSTERY**, реконструированное на основе анализа материалов словарей, дополняет вербальное представление о концепте следующими компонентами: *вид тайны, процесс разгадывания, раскрытия тайн, субъект расследования тайн (priests, scientists, explainers), характеристики тайн (total, the biggest, sweet, complete), эмоции, связанные с тайной (uncertainty)*. Важно указать на наличие компонентов в составе смыслового поля, отражающих деятельность полиции, в данном случае в роли *субъекта* расследования тайн может выступать *a police officer, a police sergeant*, а в качестве средств раскрытия тайн — *forensic evidence, DNA analysis*. В смысловом поле также отражены компоненты, устанавливающие связь данного концепта с концептом «преступление»: они представлены лексемами *assassin, a chilling medical murder, murder*. В связи с этим стоит напомнить одно из значений лексемы «mystery»: *a piece of fiction dealing usually with the solution of a mysterious crime*.

Концепт **MYSTERY** актуализируется в произведениях Агаты Кристи, Эдгара Алана По, Дэна Брауна. Основными компонентами данного концепта являются: *убийство; ключ, разгадка; сложность, запутанность; неразрешимость.*

Ассоциативное поле концепта **MYSTERY** в профессиональном языковом сознании представлено следующими основными компонентами: *секретность, загадка (загадочность), неизвестность, непонятость, необъяснимость, неразгаданность; признаки открытия(раскрытия) тайны; вид противоправного деяния.*

Ассоциативное поле концепта **MYSTERY** в общеязыковом сознании представлено следующими основными компонентами: *секретность, загадка (загадочность), неизвестность, непонятость, необъяснимость, неразгаданность; признаки открытия(раскрытия) тайны.*

В текстах художественных произведений детективного жанра также актуализируются такие концепты, как **ПОТЕРПЕВШИЙ / A VICTIM, СВИДЕТЕЛИ / WITNESSES, ОБЩЕСТВО / PUBLIC, СЫЩИК, POLICE, LAWYERS, TRIAL / COURT.**

Модель концепта **A VICTIM** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *характеристика потерпевшего; оценка, отражающая сочувствие к потерпевшему; негативное отношение к потерпевшему; связь потерпевшего с криминалом, преступным миром; события, предшествующие совершению преступлению; осведомленность потерпевшего о планирующихся происшествиях; характеристика происшедшего с потерпевшим; вид преступления, жертвой которого он стал; действия преступника по отношению к потерпевшему; отношение к истине.*

Модель концепта **ПОТЕРПЕВШИЙ** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *характер ранения; характеристика потерпевшего; отношения преступника и потерпевшего.*

В смысловом поле концепта **WITNESSES** по данным текстового материала художественных произведений детективного жанра представлены следующие

компоненты: *характеристика* свидетелей; их *отношение* к потерпевшему; их *отношение* к случившемуся; *сотрудничество с полицией*.

В смысловом поле концепта **СВИДЕТЕЛИ** по данным текстового материала художественных произведений детективного жанра представлен следующий компонент: *незащищенность свидетелей в России*. Актуализация данного концепта оказалась нехарактерной для русского сознания.

Модель концепта **PUBLIC** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *сотрудничество с полицией*; *наименование и оценка* происшедшего; *общественный резонанс* на происшедшие противоправные события отражен в оценке, какую дает общественность происшедшему.

Концепт **ОБЩЕСТВО** в художественных произведениях детективного жанра актуализован в мнении *общества* о милиции.

Модель концепта **DEFENDANT** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *деятельность участников судебного процесса*; отношение *участников судебного процесса* к правдивости показаний подсудимого; *права* подсудимого; *отношение* к подсудимому его *начальства*.

Модель концепта **POLICE** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *наименования департаментов*; *наименования* самих специалистов; *деятельность* полиции (следственные действия, действия, направленные на розыск преступника, на опознание потерпевшего, осмотр места преступления с целью нахождения улик); *деятельность* полиции, направленная на *поиск оружия*; *деятельность* полиции по отношению к *преступнику*; *оружие* полиции, *средства*, используемые полицией для работы; *характеристика* правонарушителя; *тип* преступника; *характеристика* преступления; *негативная характеристика* полицейского; сравнение полицейского с *обывателем*; *позитивная характеристика* полицейского; *оценка качества работы полиции*; *оценка профессиональных* качеств полицейского; *оценка* деятельности полиции *обществом*; *оценка дела*; *внешность* детективов; *обесцененность жизни*.

Модель концепта **СЫЩИК** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *характер работы; риск; качества сотрудника; профессионализм милиции; связь милиции с криминалом; профессиональный сленг; некоторые азы работы; негативное* отношение к своей работе самих сотрудников; мнение *общества* о милиции.

Модель концепта **LAWYERS** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующий компонент: *оценка качества работы юристов.*

Модель концепта **TRIAL/COURT** по данным текстов художественных произведений детективного жанра включает в себя следующие компоненты: *деятельность участников* судебного процесса: *судьи, обвинителя, защитника, секретарей, суда присяжных; поведение участников* судебного процесса; *эмоциональное восприятие* процесса.

Выводы

Сопоставляя модели концептов, реконструированных на основе анализа художественных произведений детективного жанра на русском и английском языках, мы делаем следующие выводы:

Смысловые, семантические и ассоциативные поля исследуемых нами концептов имеют общие и специфические компоненты. Ядерные и периферийные зоны этих полей не всегда совпадают.

Актуализация взаимосвязи таких концептов, как **A SUSPECT** и **ALIBI, WITNESSES** и **POLICE** свидетельствуют о действии принципа презумпции невиновности и о работе Программы Защиты свидетелей в англоязычных странах.

Наличие достаточно яркой негативной оценки, которую дают потерпевшему (**A VICTIM**) его знакомые и родственники, может свидетельствовать о некоей аксиоме, присущей английскому сознанию: *«преступления чаще совершаются против законопослушных граждан».*

Концепт **CRIME** богаче представлен в текстах художественных произведений детективного жанра англоязычных авторов, чем концепт **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в художественных произведениях русскоязычных авторов. Причем в центре сюжета

в произведениях англоязычных авторов находится преступник, а в произведениях русскоязычных авторов - правоохранительные органы.

Актуализация концептов **РАССЛЕДОВАНИЕ/ INVESTIGATION/TO INVESTIGATE/РАССЛЕДОВАТЬ** в текстах художественных произведений детективного жанра является фоном при актуализации концептов **POLICE, PUBLIC, СЫЩИК**.

Такой компонент концепта **ОРУЖИЕ**, как его *доступность*, актуализованный в русском языковом сознании, может свидетельствовать о тотальной криминализации многих областей деятельности человека в России.

Анализ моделей концептов, реконструированных на основе обработки данных ассоциативных экспериментов, позволил сделать следующие выводы:

Владение двумя языками в равной степени накладывает отпечаток на мышление человека и на формирование языковых связей. Языковые связи в сознании билингва закрепляются в зависимости от языкового опыта, полученного на данном языке, и ассоциативное вербальное поведение билингва зависит от структуры определенного языка.

Можно утверждать, что в сознании будущего юриста-профессионала имеются профессионально маркированные когнитивные структуры. Основанием для этого служит наличие ассоциаций, репрезентированных терминоориентированными языковыми знаками. В ассоциативных полях, реконструированных на основе данных эксперимента, проведенного среди будущих юристов-профессионалов, актуализируются связи концептов с правоприменительной деятельностью, нормативно-правовыми актами, положениями уголовного кодекса.

В ассоциативных полях, данных на английском языке, в первую очередь актуализируются связи концептов на основании их языкового репрезентанта. Высока роль синтагматических ассоциаций и ассоциаций, выраженных синонимами. Следует отметить, что объяснение слова-стимула на родном языке затрагивает более глубинные механизмы функционирования сознания. На изучаемом языке разъяснение слова-стимула может ограничиваться одной лексемой.

Следует отметить, что реакций, отражающих *национально-маркированные реалии*, не очень много. Ассоциации, составляющие *национально-маркированный*

компонент языкового сознания, единичны, к тому же они характеризуют лишь фрагмент общеязыкового сознания, не являясь актуальными для профессионального языкового сознания. Общеязыковое сознание характеризует и большой процент *структур, связанных с жаргонным словом*.

Для профессионального языкового сознания оказались *неактуальными эмоционально-оценочные компоненты* исследуемых концептов. В общеязыковом сознании *эмоционально-оценочные компоненты* концептов иногда составляли вербальное ядро ассоциативных полей концептов.

Высокий уровень стереотипности ассоциаций, данных курсантами, указывает на наличие стабильных компонентов в профессиональном языковом сознании, обусловленных совместной деятельностью респондентов, содержанием изучаемых ими дисциплин. Принадлежность *множества ассоциаций к ядру* ассоциативного поля в профессиональном языковом сознании свидетельствует о *большей стереотипности данного фрагмента сознания* по сравнению с сознанием общеязыковым.

Заключение

При изучении и решении таких сложных проблем, как взаимосвязь языка и сознания, выявление специфических компонентов профессионального языкового сознания и языкового сознания формирующихся билингвов, очень важно определить терминологическую базу. Так, в своем исследовании мы ввели категорию *профессионального языкового сознания*, что обосновано необходимостью описать это явление, механизмы его функционирования. *Профессиональное языковое сознание* - это психолингвистическая модель, реконструирующая систему основных образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью профессионально ориентированных языковых средств. Данная модель в основном отражает профессионально ориентированную часть сознания (феномена), содержащего совокупность когнитивных образований, преломляющих знания, мнения, впечатления, возникающие у индивидов по поводу специфической (профессиональной) области действительности.

Профессиональным стереотипом можно назвать устойчивые когнитивные структуры, отражающие мнения, впечатления, представления об определенных фрагментах действительности, совпадающие у представителей одной и той же

профессиональной группы или смежных профессиональных групп, связанные с профессионально ориентированной лексикой.

Под *языковым сознанием монолингва* понимается система всех образов сознания индивида, овнешняемых единицами одного (родного) языка. *Языковое сознание искусственного билингва* представляет собой систему всех образов сознания индивида, овнешняемых единицами неродного языка, освоенными в ситуации обучения.

Цель нашего исследования заключалась в выявлении специфики структур, формирующихся в языковом сознании профессионала (будущего юриста) и непрофессионала в условиях учебного билингвизма, в аспекте их психолингвистического моделирования. Исследовались когнитивные структуры, отражающие концепт **ПРЕСТУПЛЕНИЕ**, принадлежащий к ядру профессионального сознания будущих офицеров милиции, что позволило нам с помощью разных методик наблюдать профессионально маркированные компоненты языкового сознания, как в статике (дефиниционный анализ), так и в динамике (метод ассоциативного эксперимента).

Цель достигалась с помощью исследования моделей концептов **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** и **CRIME**, реконструированных на основе дефиниционного анализа лексем, вербально представляющих компоненты концептов **ПРЕСТУПЛЕНИЕ/CRIME**, реконструкции смысловых полей концептов по художественному тексту, реконструкции ассоциативных полей концептов **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** и **CRIME** на основе данных, полученных в ходе проведения ассоциативного эксперимента.

Нами определены составы когнитивных структур в концептуальных областях **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** и **CRIME**; составлены семантические поля каждого из слов-стимулов (репрезентирующих выявленные компоненты концепта) через дефиниционный анализ слов по данным словарей; определены общие и отличительные признаки функционирования когнитивных механизмов на родном языке и иностранном через сопоставление ассоциативных полей (10 слов-стимулов) в сознании формирующихся билингвов; установлены виды влияния профессионально маркированных структур сознания на структуру языкового сознания в целом и на формирование ассоциативно-вербальных сетей в частности;

реконструированы модели ассоциативных полей концептов, репрезентированных лексемами *преступление, преступник, подозреваемый, совершать, алиби, расследовать, арест, наказание, оружие, тайна*, (в ситуации с родным языком); выявлены актуальные смыслы данных концептов для общеязыкового сознания и для профессионального языкового сознания; реконструированы модели ассоциативных полей концептов, репрезентированных лексемами *crime, a criminal, a suspect, to commit, to investigate, arrest, punishment, alibi, weapon, mystery* (в ситуации учебного билингвизма); выявлены актуальные смыслы данных концептов для общеязыкового сознания и для профессионального языкового сознания.

Сравнительный подход к анализу ассоциативного поведения помогает выявить универсальные когнитивные структуры и профессионально ориентированные, характерные только для сознания будущих юристов.

Результаты проведения ассоциативного эксперимента послужили основанием для разграничения понятий «языковое сознание» - «профессиональное языковое сознание». Существует стабильное ядро концепта (особенно если он связан с профессиональной деятельностью) в сознании людей, принадлежащих одной профессиональной группе. Характерной чертой общеязыкового сознания является актуализация **эмоционально-оценочных компонентов** исследуемых концептов. Для профессионального языкового сознания преимущественным является формирование предметно-понятийного компонента концепта, связанного с профессиональной деятельностью офицера правоприменения.

Ассоциативные поля, представляющие фрагменты языкового сознания будущего юриста, являются живым индикатором **актуальности компонентов концепта, мотивированных профессиональной деятельностью**.

И в сознании юриста-непрофессионала имеются элементы профессионально ориентированного сознания, но связи концепта с определенной профессиональной деятельностью можно считать поверхностными. В сознании же будущего юриста-профессионала более подробно и более четко прорисовывается рисунок концепта. Например, ядро ассоциативного поля концепта **TO INVESTIGATE** в общеязыковом сознании представлено ассоциациями, отражающими субъект расследования (*a detective, a policeman/police officer, etc.*), профессиональное языковое сознание характеризуется многообразием ассоциаций, отражающих

действия следователя. Таким образом, в ассоциативном поле (данного концепта в сознании будущего юриста) отражено детальное представление о концепте, связанном с профессиональной деятельностью юриста.

Можно утверждать, что в сознании будущего юриста-профессионала имеются профессионально маркированные когнитивные структуры. Основанием для этого служит наличие ассоциаций, репрезентированных терминоориентированными языковыми знаками. В ассоциативных полях, данных будущими юристами-профессионалами, актуализируются связи концептов с **правоприменительной деятельностью, нормативно-правовыми актами, положениями уголовного кодекса**. Это доказывает то, что в формировании профессионального языкового сознания (феномена) участвуют профессионально ориентированные когнитивные структуры, возникающие под влиянием ассоциативных механизмов, связывающих концептуальную область и способы ее вербального означивания с помощью терминоориентированных языковых единиц.

Высокий уровень стереотипности ассоциаций, данных курсантами, указывает на наличие стабильных компонентов в профессиональном языковом сознании, обусловленных совместной деятельностью респондентов, содержанием изучаемых ими дисциплин. Принадлежность **множества ассоциаций к ядру** ассоциативного поля в профессиональном языковом сознании свидетельствует о **большей стереотипности данного фрагмента сознания** по сравнению с сознанием общезыковым. Таким образом, профессиональное языковое сознание (модель) отражает профессионально ориентированную часть сознания (феномена), содержащего совокупность когнитивных образований, преломляющих знания, мнения, впечатления, возникающие у индивидов по поводу специфической (профессиональной) области действительности.

В ситуации искусственного билингвизма ассоциативные поля, связанные с родным и изучаемым языком, пересекаются, но *не совпадают* полностью, что доказывает автономность существования некоторых компонентов концепта, связанных с единицами родного и изучаемого языков.

В рамках родного языка когнитивные механизмы обеспечивают одновременно формирование расширенного состава концепта и обширные компонентные наборы актуализирующих его когнитивных признаков. В ситуации

учебного билингвизма формируется определенная часть концепта, связанная с единицами всех уровней языковой системы. Отличительный характер имеют и основания для концептуализации фрагмента действительности, обусловленные не естественным жизненным опытом индивида, а текстовой и дискурсивной формами получения информации.

Актуализация компонентов когнитивных структур определенной смысловой области на родном и изучаемом языке зависит и от специфики смыслового объема самого концепта. Так, наличие одинакового ядра в ассоциативных полях концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в сознании будущего юриста и не-юриста является свидетельством жесткой структурированности данного концепта в общеязыковом сознании.

Смысловые, семантические и ассоциативные поля исследуемых нами концептов имеют общие и специфические компоненты. В моделях концептов, реконструированных по данным словарей, отражены фрагменты национального сознания, элементы научного (профессионального) знания. В моделях концептов, реконструированных на основе анализа текстов художественных произведений детективного жанра, отражены фрагменты национального сознания, наивного сознания, профессионального знания, индивидуального языкового сознания автора.

Модели концептов, реконструированные в результате обработки данных ассоциативного эксперимента, проведенного среди не-юристов, содержат элементы обыденного сознания, фрагменты национального языкового сознания, индивидуального языкового сознания. Модели концептов, реконструированные в результате обработки данных ассоциативного эксперимента, проведенного среди будущих офицеров правоприменения, содержат элементы профессионального языкового сознания, индивидуального языкового сознания, фрагменты национального языкового сознания. В сознании наивного носителя языка (в нашем исследовании не-юриста) фрагменты профессионального юридического сознания отражены в моделях концептов, связанных с категориями права (наказание, преступление и т.д.), но актуализация этих фрагментов не происходит за счет привлечения терминоориентированных языковых средств, как в сознании будущих юристов.

Модели исследуемых концептов, реконструированных на основе анализа разных источников, содержат профессионально маркированную и универсальную части. Модели концепта, связанного с когнитивными структурами одного языка, в основном отличаются процентным соотношением компонентов концептов, т. е. содержанием их центральных и периферийных частей. Модели концептов, связанных с когнитивными структурами разных языков, характеризуются также и разнообразием компонентов.

Считаем перспективным исследование профессионального языкового сознания (будущих) юристов в целом и концепта **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** в частности. Кроме того, необходимым является создание комплекса методик для обработки полученных данных.

Дальнейшее развитие прикладного аспекта исследования имеет свои перспективы. В частности, возможно составление словарей ассоциативного и ассоциативно-семантического типа, отражающих сознание профессионалов (например, юристов). Плодотворным было бы проведение дальнейших исследований на основе анализа других материалов и изучение профессионально маркированной части языкового сознания другой профессиональной группы.

Не менее актуальным представляется развитие направления, связанного с переводческой деятельностью, поскольку методики, используемые нами для изучения профессионального языкового сознания, могут способствовать выявлению профессиональных когнитивных структур, задействованных в процессе перевода профессиональных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград: Перемена, 1999.
2. Андриевская В.В. Особенности словесных ассоциаций как фактор построения предложения //Исследования языка и речи. М., 1971. с.111-116. (Учен.зап. МГПИИЯ им. М.Тореза; Т.60).
3. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря //Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
4. Ардавов М.К., Гетокова Ж.М. Правовое мышление как необходимая предпосылка службы в органах внутренних дел //Психопедагогика в правоохранительных органах. Омская академия МВД России, 2001. № 1 (15). С.3-9.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
7. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
8. Балли Ш. Общее языкознание и вопросы французского языка. М., 1955.
9. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М., 1959.
10. Белянин В.П. Психолингвистика: Учебник/ М.: Флинта: Московский психосоциальный институт, 2003. - 232с.
11. Берестнев Г.И. О новой языковой реальности // Философские науки. М., 1997, №4, С. 47-56.
12. Богин Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека. Калинин, 1975.
13. Бойко Е.И. Механизмы умственной деятельности: динамические временные связи. – М. Педагогика, 1976. – 247с.
14. Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
15. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Том.гос.пед.ин-т. Томск, 1994, 210с.
16. Бонк Е.Л. Об одной проблеме социологических исследований общественного мнения о праве//Сов.гос-во и право. — 1986. — № 8. — С.121.
17. Босова Л.М. Проблема соотношения семантических и смысловых полей качественных прилагательных (на материале русского и английского языков). Барнаул, 1997.
18. Вайсгербер Л.И. Родной язык и формирование духа. М., 1993.
19. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.
20. Винокур Г.О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М., 1990.
21. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999.
22. Гак В.Г. Семантическая структура слова. М., 1971.
23. Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопросы языкознания. 1977. №4. – С. 97-101.

24. Гасица Н.А. Ассоциативная структура значения слова в онтогенезе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 184с.
25. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М., 1988. С. 5-11.
26. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М.: Лабиринт, 2003.
27. Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. – Челябинск: Челябинск. гос.пед.инс-т, 1974. – 116с.
28. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969. 564с.
29. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. - Харьков; М.: Изд. Группа «РА — Каравелла», 2001. – 320с.
30. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
31. Деглин В.Л., Балонов Л.Я., Долинина И.В. Язык и функциональная асимметрия мозга//Труды по знаковым системам. Тарту. 1983. Вып. 16.
32. Драчева С.И. Экспериментальное исследование национальной специфики концептуальной картины мира (на материале русского и алтайского языков): Автореф. дис. ... канд.филол.наук. Барнаул, 1998. 20с.
33. Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г., Пенягин Е.Б. Наивная картина мира: возрастные изменения от 6 до 10 лет //Антропоцентрический подход к языку. Ч. II. Пермь: Перм.ун-т, 1998. С.173-185.
34. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
35. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск.гос.гуманит.ун-т, 2000. 382с.
36. Залевская А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях: Учеб. пособие. Калинин: КГУ, 1978.
37. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания //Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб.ст./Отв.ред. Н.В.Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 1998.
38. Залевская А.А., Каминская Э.Е., Медведева И.Л., Рафикова Н.В. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста. Тверь, 1998.
39. Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике: Учеб.пособие. Калинин: КГУ, 1979.
40. Залевская А.А. Некоторые проблемы подготовки ассоциативного эксперимента и обработки его результатов//Экспериментальные исследования в области лексики и фонетики. Калинин: КГУ, 1971. С.3-119.
41. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис. 2005. – 543с.
42. Залевская А.А., Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Учеб.пособие. Тверь: Тверской государственный университет, 2002.
43. Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. Тверь: Тверской государственный университет, 2001.
44. Залевская А.А. Теоретические проблемы языкового сознания. Тверь, 2002.
45. Залевская А.А. Функциональная основа разграничения парадигматических и синтагматических связей при анализе материалов

ассоциативных экспериментов//Структурно-семантические исследования русского языка. Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1994. с.5-13.

46. Залевская А.А. Языковое сознание и описательная модель языка //Методология современной психолингвистики. Сб. ст. Москва; Барнаул, 2003.

47. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. №2. С.15-36.

48. Зинченко В.П. Посох Осипа Манделъштама и трубка Мамардашвили. М., 1997.

49. Каминская Э.Е. Поле слова и поле текста как взаимодействующие смысловые системы // Залевская А.А., Каминская Э.Е., Медведева И.Л., Рафикова Н.В. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста: Коллективная монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. – С.47-78.

50. Канке В.А. Основные философские направления и концепции: итоги XX века. М., 2000.

51. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке//Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С.3-16.

52. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180с.

53. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355с.

54. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Изд.2-е. М., 2002.

55. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216с.

56. Климова А.А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте//Науч.докл.высш.шк. Сер.Филол.науки. 1991. №1.с.45-54.

57. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995.

58. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352с.

59. Кожевников В.В. Общественное мнение и право//Психопедагогика в правоохранительных органах. Омская академия МВД России, 2001. № 2 (16). с.12-23.

60. Колерс П. Межъязыковые словесные ассоциации //Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.

61. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

62. Кравченко А.В. Познание языка: направление пути //Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: /Сб.ст. Под ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул, 2000.

63. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М., 1998.

64. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2002.

65. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

66. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. М., 1994. № 4. С. 34-47.

67. Кубрякова Е.С. О формировании значения в рамках семиозиса // Когнитивные аспекты языковой интеграции. Рязань, 2000.

68. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте КОНТЕЙНЕРА и формах его объективации в языке) //Изв. АН СЛЯ, 1999. – Т.58. - № 5-6. – С.3-12.
69. Лебедев А.Н. Память человека, ее механизмы и границы //Исследование памяти. М., 1990. С.104-118.
70. Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1977. С.3-16.
71. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
72. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. – С.7-19.
73. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 1977.
74. Леонтьев А.Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов (экспериментальное исследование)//Избранные психологические произведения: В 2т. Т.2. М.: Педагогика, 1983. с.50-71.
75. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – Изд.3-е. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 575с.
76. Леше Л. Некоторые положения физиологии и психологии и их отношение к обучению языкам. Киев, 1910.
77. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН, серия литературы и языка. 1993. №1.
78. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
79. Лукашевич Е.В. Становление когнитивной структуры слова: лингвоментальный аспект// Методология современной психолингвистики. Сб. ст. Москва; Барнаул, 2003. с.70-90.
80. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Эксперим.-психол. исследование. – М.: Наука, 1974. – 172с.
81. Лурия А.Р. Речевые реакции ребенка // Речь и интеллект в развитии ребенка. М., 1928. С.11-45.
82. Лурия А.Р. Речь и интеллект деревенского, городского и беспризорного ребенка. Л., 1930.
83. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319с.
84. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
85. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. М., 1997.
86. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб., 1997.
87. Мамардашвили М.К. Символ и сознание: метафизические размышления о символике и языке. М., 1999.
88. Ментальная репрезентация: динамика и структура. М., 1998.
89. Методология современной психолингвистики. Сб. ст. Москва; Барнаул, 2003.
90. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного //Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С.281-309.
91. Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. М., 1978.
92. Минский М.Фреймы для представления знаний. М., 1979.

93. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики. М., 1977.
94. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. 272с.
95. Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание: Структура и семантика: Учеб. пособие по спецкурсу/ Перм. гос. ун-т. Пермь, 1994. 124с.
96. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
97. Павлов И.П. Полное собрание трудов. М., 1949.
98. Пищальникова В.А. Общее языкознание: Учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2001.
99. Пищальникова В.А. Речевая деятельность как синергетическая система// Известия АГУ. Вып.2. – Барнаул, 1997. – С.72-79.
100. Пищальникова В.А., Лукашевич Е.В., Сонин А.Г. Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия / Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2001.
101. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1892. 228с.
102. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 147с.
103. Сахарный А.А. Введение в психолингвистику: Курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 184с.
104. Свободный Ф.К. Исследование профессионального самосознания сотрудника ОВД//Психопедагогика в правоохранительных органах. Омская академия МВД России, 2003. № 2 (20). С.41-45.
105. Сеченов И.М. Избранные произведения. – М.: Учпедгиз, 1953. – 355с.
106. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка /Отв. ред. Д.Н. Шмелев; Рос. АН, Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 1993. – 150с.
107. Скрэгг Г. Семантические сети как модель памяти // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1983. Вып. 12. С.228-271.
108. Современная психология. Справочное руководство под ред. В.Н.Дружинина, М., 1998.
109. Сокова З.К. Профессиональная этика. — М., 2000. с.91.
110. Солганик Г.Я. Значение слова и представление//Семантика слова и синтаксические конструкции. Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1987. С.5-15.
111. Сонин А.Г. Когнитивная лингвистика: становление парадигмы. Монография / Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2002.
112. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696с.
113. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1960.
114. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, история, развитие. М., 2000.
115. Стернин И.А., Г.В.Быкова. Концепты и лакуны// Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998.
116. Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979. С. 115-147.
117. Тарасов Е.Ф. Диалог культур в зеркале языка // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2000.
118. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

119. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке и картина мира. - М.: Наука, 1988.- С.73-204.
120. Титова Л.Н. Психолингвистический анализ словесных ассоциаций в русском и киргизском языках: Автореф.дис. ... канд.филол.наук. М., 1977. 15с.
121. Уфимцева Н.В. Психолингвистика (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Сер. Языкознание: РЖ / ИНИОН РАН. М., 1998. С.69-81.
122. Фесенко Т.А. Проблема взаимодействия языка и сознания в контексте когнитивной деятельности человека. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода: Учебное пособие. Тамбов: изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2002.
123. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23. М., 1988.
124. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб., 2002.
125. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса: Пер. с англ. М., 1972а.
126. Хомский Н. Язык и мышление: Пер. с англ. М., 1972б.
127. Худяков А.А. Концепт и значение//Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С.97-103.
128. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1955.
129. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей / Институт русского языка РАН. М., 1995. – с.213-223.
130. Швец Н.О. Структуры сознания и роль языка в их «овнешнении» // Языковое сознание. Устоявшееся и спорное. М., 2003. С.313.
131. Шорохова Е.В. Проблемы сознания в философии и естествознании. М., 1961.
132. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428с.
133. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
134. Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
135. Ярошевский М.Г. Л.Выготский: в поисках новой психологии. СПб, 1993.
136. Anglin, J.M., The growth of word meaning. Cambridge, MA: The MIT Press, 1970.
137. Bartlett F.C. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge, 1932.
138. Bousfield, W.A., The Occurrence of Clustering in the Recall of Randomly Arranged Associates // Journal of General Psychology. 1953. No. 49. P. 229-240.
139. Branscomb N.P., Conscious and unconscious processing of affective and cognitive information // Fielder K. & Forgas J. (Eds.). Affect, cognition and social behaviour. Toronto etc., 1988. Pp. 3-24.
140. Chomsky N., Aspects of the theory of syntax. Cambridge, VA: The MIT Press, 1965.
141. Chomsky N. Knowledge of Language: Its Nature, Origin and Use. Prager, New York, 1986.
142. Chomsky N., Syntactic structures. The Hague: Maiton, 1957.
143. Clark, H.H. & Clark, E., Psychology and language: An introduction to psycholinguistics. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1977. – 608p.

144. Damasio A.R. Concepts in the brain // Mind and Language. Spring-Summer 1989. Vol. 4. No. 1-2.
145. Deese, J., The Structure of Associations in Language and Thought. Baltimore, 1965.
146. Galton, F., Psychometric Experiments // Brain. 1880. No. 2. P. 149-162.
147. Grosjean F., The Bilingual as a Competent but Specific Speaker-Hearer // Journal of Multilingual & Multicultural Development, 1985. - # 6. - Pp. 467-477.
148. Jacobson, R., On Linguistic Aspects of Translation // On Translation, Ed. By Grower. Cambridge, 1959.
149. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, Reason and Feeling. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
150. Jung, C., Rilkin, F., The Association of Normal Subjects// C. Jung, Studies in Word – Association, New-York, 1919.
151. Kintsch, W., The representation of meaning in memory. – Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum, 1998. – 279p.
152. Klix, F. & Hoffman, J., The comparison of sentence meaning as a well-performed problem-solving process // XXIe Congres International de Psychologie: Resume. – Paris, 1976. – P. 109.
153. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What categories Reveal About the Mind. The University of Chicago Press. Chicago-London. 1987.
154. Osgood C.E., Method and theory in experimental psychology. New York; Oxford, 1953.
155. Pollio H.R. The structural basis of word association behaviour. The Hague; Paris: Mouton, 1966.
156. Shank R.C., Abelson R. Scripts, Plans, Goals and Understanding. New Jersey, 1977.
157. Schlauch M., Language and the study of language today. Warszawa; London: Polish Scientific Publishers; Oxford Univ. Press, 1967. 176p.
158. Trier J., Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachliches Feldes. 2 Auf. Heidelberg, 1973.
159. Wundt W., Volkerpsychologie: in 2 Bd. Leipzig. 1883.
160. Ziehen, Th., Die Ideenassoziationen des Kindes. Berlin, 1898.

СЛОВАРИ

1. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2002. – www. KM.ru.
2. Горбачевич К.С. Краткий словарь синонимов русского языка /Под ред. С.А. Кузнецова. - М., 2001.
3. Краткий словарь терминов по уголовному праву (учебное пособие). М., 1999.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ). М., 1996.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
7. Психологический словарь (ПС) / Под ред. В.П.Зинченко, Б.Г.Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 440с.
8. Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1977. 192с.

9. Толковый словарь иностранных слов. Под ред. Л. П. Крысина. М., 2000.
10. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 1999. — 704с.
11. Толковый словарь русского языка. В 4-х т. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000. — 752с.
12. Толковый юридический словарь для бизнесменов (русско-английский, англо-русский). Составитель М. А. Баскакова. М., 1992. — 494с.
13. Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners, HarperCollins Publishers, 2001.
14. Dictionary of Law. P. H. Collin. Peter Collin Publishing, 1997.
15. Encyclopædia "Britannica Ready Reference", 2003.
16. Law Dictionary by Steven H. Gifis. Barron's, 1996.
17. Spooner Alan. A Dictionary of Synonyms, Antonyms. 2000.
18. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. Hornby, 1992.
19. The All Nations English Dictionary, 1992.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнер А., Вайнер Г. Лекарство против страха. М., 1987.
2. Корецкий Д. А. Антикиллер 2. М.: Эксмо-Пресс, 1998.
3. Корецкий Д. А. Ведется розыск. М., 1995.
4. Маринина А. Б. Замена объекта. М.: Изд-во Эксмо, 2005.
5. Маринина А. Б. Имя потерпевшего никто. М., 1999.
6. Маринина А. Б. Когда боги смеются. М., 2001.
7. Маринина А. Б. Шестерки умирают первыми. Екатеринбург, 1997.
8. Сухов Е. Я — вор в законе. Общак. М., 2003.
9. Brown Dan. The Da Vinci Code. New York, 2003.
10. Chase James Hadley. Come easy go easy. М.: Айрис-Пресс, 2003.
11. Christie Agatha. ABC Murders. Selected Detective Prose. М., 1989.
12. Christie Agatha. Selected Prose. М., 2004.
13. Gunn Victor. Death at Traitor's Gate. The Philips Park Press, Manchester, 1978.
14. Kaminsky Stuart M. A Cold Red Sunrise. New York, 1988.
15. Levin Ira. A kiss before dying. М.: Айрис-Пресс, 2004.
16. McBain Ed. Long Time no see (an 87th precinct mystery). Pan Books Ltd., London, 1979.
17. Pearson John. The Profession of Violence. The Rise and Fall of the Kray Twins. London: Harper Collins publishers, 1995.
18. Perry Anne. Seven Dials. New York, 2004.
19. Poe Edgar Allan. The Mystrey of Marie Roget and other stories. М., 2001.
20. Turow Scott. Presumed innocence. Warner Books, New York, 1988.

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Gilling Daniel. Crime prevention: Theory, policy and politics. UCL Press, 1997.
2. Kenney Denis J., Finckenaer James O. Organized crime in America. Wordsworth Publishing Company, 1995.

3. Wasik Martin, Gibbons Thomas, Redmayne Mike. Criminal Justice. Texts and Materials. Longman. London and New York, 1999.

Приложение 1

Образцы анкет для ассоциативного эксперимента

1.

Ф.И.О.

ВОЗРАСТ

ПРОФЕССИЯ

Напишите свои ассоциации на следующие слова-стимулы:

АЛИБИ

НАКАЗАНИЕ

ТАЙНА

СОВЕРШАТЬ

РАССЛЕДОВАТЬ

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ

ПРЕСТУПНИК

ОРУЖИЕ

АРЕСТ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

2.

LAST NAME/FIRST NAME

AGE

OCCUPATION

Give your associations to the following words:

ALIBI

PUNISHMENT

MYSTERY

TO COMMIT

TO INVESTIGATE

A SUSPECT

A CRIMINAL

WEAPON

AN ARREST

CRIME

Ядра ассоциативных полей по данным ассоциативных экспериментов
ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>убийство, кража, разбой, грабеж</i>	
21%	20,5%

CRIME

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>murder, rape, violence, robbery, theft, kidnapping, burglary, stealing, arson, to kill, illegal, violent, to act against the law, to break law, breaking the law, terrorism, explosion, manslaughter</i>	
31,6%	34%

ПРЕСТУПНИК

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>crime, murder, larceny, theft, burglary, traffic crime, evil, assault, kidnapping, assassination, homicide, fraud, sham, forgery, to threaten, to attack, to hit, bribe</i>	<i>killer, murderer, a maniac, a thief, robber, mafia, guilty, burglar, rapist, drug dealer, terrorist, assassin, offender, assaulter, skinhead, kidnapper</i>
25,7%	33,8%

A CRIMINAL

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>Вор, убийца</i>	<i>безбожник, опасный, злодей, хитрый, враг, безжалостный, хладнокровный</i>
32,2%	27,3%

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>Обвиняемый, подследственный, подсудимый, виновный(ен), заподозренный</i>	
41,6%	28,06%

SUSPECT

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>to interrogate/interrogation, to interview/interviewing/questioning, conviction, arrest, to bring a charge, identification/to identify, to convict, to apprehend, make a record,</i>	
24,2%	17,3%

СОВЕРШАТЬ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>делать</i>	<i>зло/злые дела, преступление</i>
42,2%	27,5%

TO COMMIT

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>a crime, larceny, murder, hazard, damage, misdeed, criminal actions, riot, infraction, felony, misdemeanour, sham, assassination, shoplifting, forgery, suicide, illicit,</i>	
46%	75,6%

РАССЛЕДОВАТЬ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>Искать, изучать, исследовать, узнавать</i>	<i>преступление, убийство</i>
42%	26,03%

Ядро ассоциативного поля:

TO INVESTIGATE

Юр.	Не юр.
<i>interviewing/questioning/interrogation/to interrogate/interview, to (a) search (for) (a suspect), detection/crime detection/detection of a criminal, to search/observe a crime scene/crime scene search/investigation/examination, to collect evidence, to make a record, to solve a crime (quickly)</i>	<i>a detective, a policeman/police officer, police, FBI, Sherlock Holmes, an investigator, prosecutor, agent, a private investigator, judge, examining magistrate, a private detective, James Bond</i>

ARREST

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>Задержание, лишение/ограничение свободы</i>	—
43,6%	

AN ARREST

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>to make a record, prosecution/to prosecute, interrogation, detection of a criminal/crime detection, to punish, to enforce, to neutralize, to search, to discover, to lay an ambush, to solve, conviction, to suspect, chase, to bring a charge, to bring a criminal action, to bring the criminal to justice</i>	<i>handcuffs, warrant, police car, sirens, bracelets, sanction, red-handed, guard, gun, uniform, right to keep silent</i>
18,5%	25,9%

НАКАЗАНИЕ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>Казнь, штраф, тюрьма, ограничить</i>	<i>Казнь, штраф, тюрьма, ограничить</i>
29,78%	19,64%
	<i>Справедливое, неизбежное — 18,7%</i>

PUNISHMENT

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>arrest, prison, fine, to impose a fine, jail, detention cell, no/not freedom, divestment, deprivation of rights, to ban, penal institutions</i>	
23,7%	41,4%

АЛИБИ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>Доказательство, защита, непричастность, невиновность, оправдание</i>	
65,4%	21,3%

ALIBI

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>innocence, evidence, justification, explanation, to protect, to prove</i>	
26,3%	28%

ОРУЖИЕ

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>Пистолет, нож, автомат</i>	
40,9%	33,2%

WEAPON

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>a gun, a knife, a revolver/pistol</i>	
27,6%	28,8%

ТАЙНА

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>Секрет, сокровенная, молчание, неизвестность, мрак</i>	
82,2%	74,6%

MYSTERY

Ядро ассоциативного поля:

Юр.	Не юр.
<i>secret, enigma, dark, (something) unknown, fog, ghost, (something) strange, magic, puzzle, confidential, riddle, magic, in confidence, privacy,</i>	
50,7%	85%